Министерство культуры Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 98

«Поля, сад, крестьяне, книги»

Сельцо Михайловское
Пушкинский Заповедник
2023

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)
М 341

Серия основана в 1996 году.

М 341 **«Поля, сад, крестьяне, книги»** : «Наставникам, хранившим юность нашу…» : Материалы научно-практических чтений по проекту «Библиотека в усадьбе» (26 апреля 2023 года) ; Подчиненные и сопутствующие семенным растениям компоненты парковых экосистем: благо или вред : Материалы научно-практической конференции парковой тематики (19–22 апреля 2023 года) : [сб. ст.]. — Сельцо Михайловское : Пушкинский Заповедник, 2023. — 320 с. — (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 98).

ISBN 978-5-94595-132-7

Настоящий сборник научно-популярного издания «Михайловская пушкиниана» включает в себя материалы двух научно-практических мероприятий Пушкинского Заповедника — чтений по проекту «Библиотека в усадьбе» и конференции парковой тематики.

«Библиотечные» научно-практические чтения прошли под названием «Наставникам, хранившим юность нашу…» и были посвящены роли книги в образовании и воспитании подрастающего поколения, а в более широком смысле — вообще влиянию печатной продукции на интеллектуальное и моральное состояние общества. Отдельное внимание было уделено людям, стоявшим у истоков формирования книжных фондов в музеях и библиотеках страны.

Тема парковой конференции достаточно специфична: это мхи, лишайники, грибы и водоросли — неотъемлемые компоненты экосистемы леса, в последние десятилетия особенно хорошо себя чувствующие на заповедных территориях и потому заслуживающие особого исследовательского внимания.

Издание предназначено для специалистов в области истории, литературы и филологии, краеведения, музейного и библиотечного дела, садового и паркового хозяйства, биологии и ботаники, а также для всех, кто неравнодушен к истории отечественной культуры и пушкинских мест России.

Цитаты А.С. Пушкина, кроме специально указанных случаев, приведены по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Указание на источник дается в тексте в круглых скобках, где римская цифра обозначает номер тома, арабская — номер страницы.

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)

ISBN 978-5-94595-132-7
(Пушкинский Заповедник)

© Государственный музей-заповедник
А.С. Пушкина «Михайловское», 2023

В настоящем сборнике научно-популярного издания «Михайловская пушкиниана» под одной обложкой собраны материалы двух традиционных апрельских мероприятий Пушкинского Заповедника — научно-практических чтений по проекту «Библиотека в усадьбе» и научно-практической конференции садово-парковой тематики. Казалось бы, где сад и где библиотека — однако в пушкинском «сельском» универсуме два эти предмета удачно сочетаются и дополняют друг друга, формируя единое читаемое и шелестящее пространство, служащее и отдохновению, и вдохновению.

Чтения по проекту «Библиотека в усадьбе», проходившие в Пушкинском Заповеднике вот уже в одиннадцатый раз, собрали сотрудников музеев и библиотек Санкт-Петербурга, Смоленска, Москвы и Пушкинских Гор. Тема этого года — «Наставникам, хранившим юность нашу…» — продолжила разговор о книгах, игравших важную роль не только в образовании, но и воспитании нескольких поколений.

В ходе чтений шла речь о том богатейшем наследии, которым владеют сегодня библиотеки и музеи, об истоках становления книжных фондов, о людях, сыгравших в этом огромную роль. Говорили и об использовании определенной литературы в искусствоведении, истории, музееведении, библиографических процессах, в современном образовании и воспитании.

Участники чтений представили сообщения об учебниках и учебных пособиях, о том, как комплектовались библиотеки учебных заведений в XIX веке, о критериях оценки и о разносторонности учебной литературы этого периода, подчеркивая, что одним из важнейших моментов образования было нравственное воспитание, в котором книги играли важную роль. Отмечались качество и научный подход при создании учебной литературы, позволявшей выпускать всесторонне образованных людей.

Вспоминали не только известных просветителей XVIII и XIX веков — Вольтера и Руссо, сыгравших большую роль в книгоиздательском деле, но и тех, кто большую часть своей жизни посвящал книге — педагогов, ученых, художников, прозаиков и поэтов.

Тематика «зеленой» конференции в этом году была достаточно специфической: под определением «подчиненные и сопутствующие семенным растениям компоненты парковых экосистем» скрываются мхи, лишайники, грибы и водоросли. Эти представители растительного царства редко когда оказываются главными героями

и «несущими конструкциями» в пейзаже, однако их сопутствующее присутствие создает для наблюдателя особую атмосферу, а для биолога-исследователя и биолога-практика — обширное поле для деятельности.

В составе Пушкинского Заповедника — огромная зеленая территория, в том числе три исторических мемориальных парка со старовозрастными (и тем ценными!) деревьями — свидетелями прежних времен. Ежегодно Пушкинский Заповедник принимает сотни тысяч посетителей, и если прежде фокус внимания приходился в основном на рукотворные объекты — здания, постройки, устройство усадебного быта, был большой интерес к истории рода Ганнибалов и Пушкиных, то в последнее время люди стали чаще обращать внимание на окружающие ландшафты. Экскурсоводы стали чаще слышать вопросы о «мхе»: так посетители чаще всего определяют те самые «сопутствующие» компоненты, которым была посвящена нынешняя конференция. И приходится объяснять, почему этого «мха» столько и является ли его наличие свидетельством нерачительного присмотра за заповедным зеленым хозяйством. Самое простое и базовое объяснение состоит в том, что мхи, лишайники, грибы, водоросли — это необходимые элементы экосистемы леса, занимающие свою нишу в системной иерархии, и значительная часть видов без вреда для высших растений соседствует с ними, являясь свидетельством экологической чистоты территории.

Ранее, в нулевых и десятых годах, уже предпринимались попытки всестороннего описания флоры заповедного Пушкиногорья: специалистами-ботаниками были проведены масштабные полевые исследования, были выпущены научные труды, посвященные лихенобиоте Пушкинского Заповедника, но за последние 25–30 лет ситуация изменилась: лишайники чувствуют себя всё лучше и вольготней на заповедных территориях — и заслуживают предметного внимания исследователей.

Людмила Беляева,
заведующая отделом
музейной научной библиотеки
Пушкинского Заповедника

Галина Пиврик,
главный хранитель
музейных лесов и парков
Пушкинского Заповедника

I. «НАСТАВНИКАМ, ХРАНИВШИМ ЮНОСТЬ НАШУ…»

Материалы научно-практических чтений по проекту «Библиотека в усадьбе» (26 апреля 2023 года)

Николай Зубков

ВОЛЬТЕР И РУССО В ИСТОРИИ КНИГИ

«Век просвещения» был вместе с тем и веком утверждения индивидуального начала в литературе и в мысли. Разумеется, всякий текст и прежде имел определенного автора; самые известные из этих авторов имели биографии, о них собирались или измышлялись исторические анекдоты, был известен их этос и т. д. Но кризис «морально-риторической»[1] культуры, приведший к ее концу (а он, собственно, и называется Просвещением), наступил именно в XVIII веке. Одним из следствий этого, пусть и не самым главным, стало то, что в книгах стала отражаться индивидуальность их авторов. Для риторической эпохи (включавшей в себя много исторических эпох, от античной классики до Возрождения и барокко) истина в истоке одна и лишь различными способами выражается. Для «философа» Просвещения дело обстоит скорее наоборот: именно в его разуме отражается Разум мировой, и лишь в конечном счете истина, высказанная им, должна стать общей. Это еще не релятивизм — напротив, каждый «философ» весьма авторитарен. Но если истина в истоке — личная, то и текст, в котором она высказана, тоже личный, а отсюда легко додумать, что личной, хотя бы отчасти, будет и книга, в которой этот текст появился. Очень похоже, что именно тогда появилось представление о том, что книжная оболочка текста так

[1] Термин разработан в рамках концепции истории всемирной литературы Института мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ) (С.С. Аверинцев, А.В. Михайлов и др.)

или иначе влияет если не на сам текст, то на его общественное звучание. Во всяком случае, для XVII века это совсем не характерно, да и в веке XVI издательские стратегии были в гораздо большей мере делом издателей, чем авторов.

Этот процесс можно увидеть и в изданиях двух самых знаменитых сочинителей того времени: Вольтера и Руссо. Здесь сыграла роль сама их популярность. Писателей, гораздо более плодовитых, чем Руссо, было немало; были даже столь же или почти столь же плодовитые, как Вольтер, но ни у кого не было столько изданий, легальных и нелегальных, а главное — столько собраний сочинений. У Вольтера в библиографии их значится 26 прижизненных за примерно 50 лет[2], и это не считая допечаток. Прижизненные собрания сочинений Руссо выходили даже еще чаще: электронный каталог Национальной библиотеки Франции фиксирует 16 таких изданий с 1760 по 1776 год. Какие-то из этих изданий выходили под надзором авторов: у Вольтера большинство, у Руссо, видимо, нет. Но вообще они свои указания издателям давали оба, чему много свидетельств.

Вольтер и Руссо, не говоря об их личной вражде, противоположны друг другу и по психологическому складу, и по отношению к обществу (Руссо — чуть ли не единственный враг Вольтера, которого тому не удалось морально уничтожить). Они принадлежали к разным поколениям (Руссо младше на 17 лет), но умерли в один год. Вольтер — человек действия, и слово его — действие. «Наш первый интеллократ»[3], он действительно был, а не объявлял себя «председателем земного шара» или, во всяком случае, его северо-восточной четверти. Подобной прижизненной власти над умами достигал еще только Лев Толстой (оба примерно на четверть века). Антуан Тома еще в 1760 году говорил: «Вольтер не принадлежит ни к какому гражданскому сословию[4], но принадлежит к сословию великих людей и по меньшей мере равен королям»[5]. Сам же он за глаза называл императрицу Екатерину Катькой (Cathon) и жаловался, что она «кажется, не очень хорошая ученица».

Руссо же не только в творчестве, но и в жизни выдерживал роль «одинокого мечтателя». О его человеческих качествах говорили много

[2] *Bengesco G.* Voltaire: bibliographie de ses oeuvres. T. 4. Paris, 1890.

[3] *Walter E.* Les auteurs et le champ littéraire // Histoire de l'édition française. T. 2. Paris, 1984. P. 396.

[4] Вольтер действительно не был записан ни в одно из сословий.

[5] *Walter E.* Les auteurs et le champ littéraire.

дурного — когда справедливо, когда нет, но нельзя не признать, что он всегда оберегал независимость своего положения ради независимости мысли. Он отказался от королевской пенсии, долго отказывался от гонораров — правда, в конце жизни получал многотысячные, но зато после «Эмиля» (1761) поклялся не публиковать новых произведений и сдержал эту клятву: все они, включая «Исповедь», были изданы посмертно. Руссо для публики представлял себя женевским мещанином, часовщиком и переписчиком нот, почти тем самым «естественным человеком», которого он прославил. На деле такое положение, подобное библейским пророкам-пастухам или апостолам-рыбакам, лишь усиливало действенность его слов, но для него, в отличие от Вольтера, эффективность не была прямой целью.

Литературная позиция Вольтера имела следствием совмещение двух, по видимости противоположных, издательских стратегий. С одной стороны, он издавался, как живой классик. «Член тринадцати академий, виртуоз во всех жанрах, многотиражный автор, беспрерывно издаваемый легально и контрафактно; с высоты этого положения он диктует свои законы Крамеру и Панкуку»[6]. Издавая свои сочинения легально, Вольтер, начиная с самых первых шагов в литературе, заботился об их качестве. Видимо, не случайно уже трагедия «Эдип», которой он обязан известностью (1717), стала первым после долгого перерыва изданием театральной пьесы ин-октаво на хорошей бумаге. Расин такой чести не удостаивался, за исключением библейских трагедий, написанных для воспитанниц Сен-Сира. Немногие также получали прижизненные собрания сочинений ин-кварто, причем Вольтер заботился о мельчайших подробностях, чему свидетельство сотни его записочек Габриэлю Крамеру, относящихся к изданию 1768 года (к сожалению, я не смог ознакомиться с их сравнительно недавней полной публикацией). Перед посторонними он демонстрировал презрение к орфографии[7], но на деле нынешняя орфография так и зовется — вольтеровской. Когда незадолго до смерти он просил Шарля-Жозефа Панкука издавать его просто, то есть без иллюстраций, «как издают Цицерона и Вергилия», то он уже без натяжки мог считать себя равным Цицерону и Вергилию.

---

[6] *Walter E.* Les auteurs et le champ littéraire // Histoire de l'édition française. T. 2. Paris, 1984. P. 396.

[7] *Laufer R.* Les espaces du livre // Histoire de l'édition française. T. 2. P. 138.

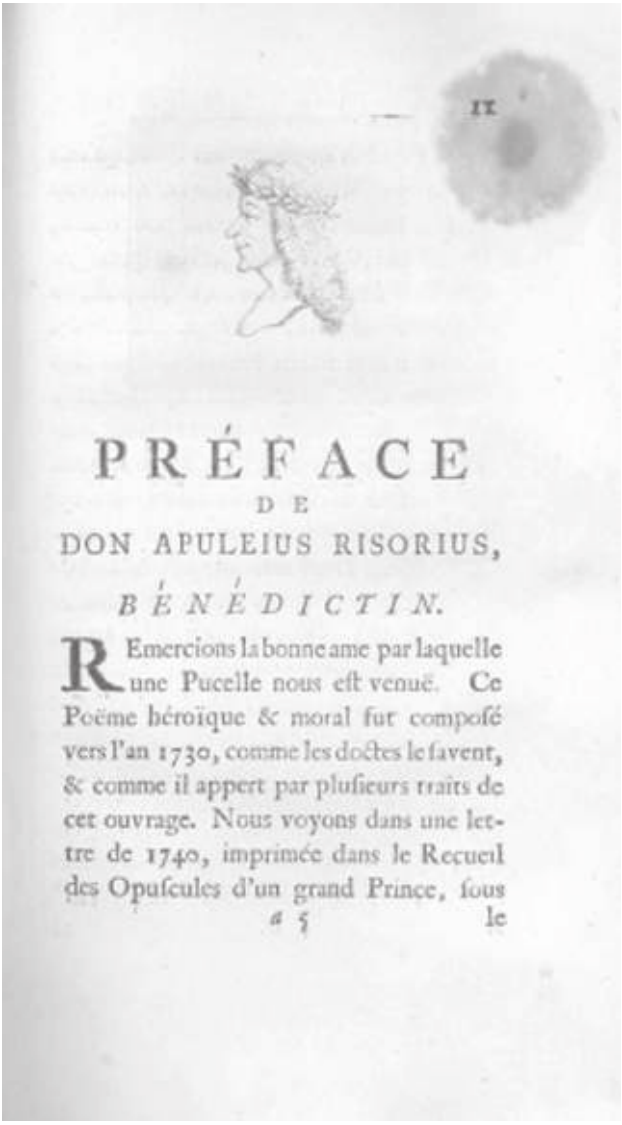
С другой же стороны, Вольтеру приходилось постоянно соблюдать конспирацию, что было отнюдь не лишним: во Франции Старого режима книги действительно сжигались (в том числе некоторые сочинения Вольтера), а авторы и издатели действительно садились в Бастилию. Сам Вольтер в молодости провел там 11 месяцев; Руссо после выхода «Эмиля» вынужден был бежать, будучи предупрежден об аресте. Лично Вольтера к шестидесятым годам репутация уже сделала неприкосновенным; тем более ничто ему не могло угрожать в Фернее. Но для других опасность была. Даже в 1772 году Панкук издал собрание сочинений Вольтера не только с указанием Нефшателя вместо Парижа, но и как «Сочинения господина В*», хотя там были в основном всем известные тексты. Поэтому письма Вольтера пестрят отрицаниями своего авторства и обвинениями в адрес издателей за якобы самовольное печатание. На самом деле он, как правило, сам готовил издание, находил французских контрагентов (чаще всего это был Панкук), организовывал более или менее контрабандный ввоз во Францию, а потом публично всё отрицал. Так было с «Философическими письмами», первым изданием «Кандида», собранием 1775 года, куда включили сильные кощунства, — список далеко не исчерпывающий. По поводу амстердамского издания 1732 года Вольтер писал: «Как верх наглости эти работнички обесславили свое издание гнусными (infame) сочинениями, писать, распространять и читать которые могут только самые последние из людей». Издание было действительно не очень исправное, но, как точно известно, вышло не без авторского участия. Обвинялись же «работнички» в том, что «из всех вариантов выбрали самый опасный». Так часто бывает, когда печатаются нелегальные издания со списков, но аутентичности этих «опасных вариантов» Вольтер в данном случае не отрицает, так что они попали к издателям не без его прямого или косвенного участия.

Вольтер публично пытался отрицать даже авторство «Орлеанской девственницы», хотя оно не только было общеизвестно, но он сам публично читал отрывки из поэмы. Ее первые издания все были нелегальными (анонимными или под криптонимом), что облегчало автору возможность дистанцироваться от нее или, по крайней мере, от некоторых наиболее опасных ее мест, обличая анонимных издателей в недобросовестности. Издатели же, по возможности, указывали на авторство Вольтера, не обозначая этого прямо. В издании 1756 года, обозначенном как лондонское, появилось «Предуведомление», начинающееся слова-

ми: «Хотя г-н де Вольтер публично не признает поэму «Девственница», нежность его к этому сочинению от того не меньше. Оно — как бы дитя любви великого человека». В другом издании того же года, обозначенном как парижское, предуведомление сопровождалось профильным портретом Вольтера с подписью «Отец поэтов». В 1762 году братья Крамер анонимно выпустили в свет первое авторизованное издание, для которого автор написал предисловие от имени «дона Апулеюса Ризориуса, бенедиктинца», где объявлялось, что аутентичная рукопись была якобы скопирована некоей немецкой принцессой с издания, вошедшего в сочинения Философа из Сан-Суси (то есть Фридриха II). Последующие издатели, легальные и нелегальные, ориентировались на издание 1762 года. В издании 1764 года с выходными данными «В Лондоне, за счет Компании» этому предисловию предпослан упоминавшийся портрет Вольтера, который, таким образом, оказался подан как портрет Ризориуса, тем более, что выглядит он несколько шаржированно (и несколько напоминает известный автопортрет Пушкина в виде Данте).

Именно издание 1764 года стало вехой в издательской истории «Орлеанской девственницы», поскольку в нем были даны варианты с их критикой. «Генриада» же еще с 1730 года издавалась с комментариями, а с 1733-го — также с вариантами. Такая публикация текстов автоматически ставила их в ряд классических, а их автора, соответственно — в ряд классиков. Ни Ариосто, ни Тассо, рано канонизированные посмертно, не удостаивались этого при жизни. Начиная с 1750 года, то есть позднее «Генриады», цюрихские издатели круга Бодмера стали печатать с текстологическим аппаратом стихотворения Альбрехта фон Галлера, создавая тем самым национальную швейцарскую классику. Другие примеры если и были, то единичные. Менее показательно, но явно указывает на высокий статус автора регулярное указание большинства не откровенно пиратских изданий на исправность текста: оно означает, что читатель предъявлял спрос на качественный текст этого автора.

Что касается иллюстрированных изданий, то Вольтер, искренно или притворно, отказался от них только перед смертью, а всю его жизнь публика, разумеется, желала иметь такие издания, и иллюстрации неизменно рисовали лучшие мастера: Юбер Гравло к «Девственнице» и собранию сочинений 1768 года, Шарль-Николя Кошен-младший и Шарль Эйзен к «Генриаде», Франсуа Буше к «Меропе». Тут, конечно, литературное качество не имеет прямого отношения к качеству издания (достаточно как контрпример вспомнить о сотрудничестве Эйзена



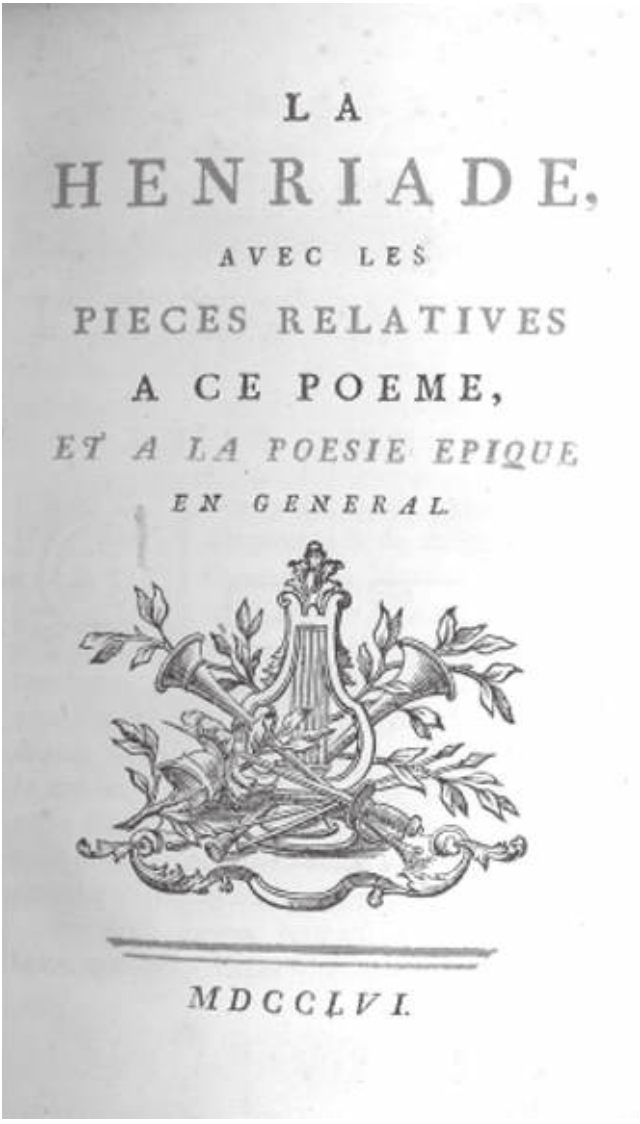
II

PRÉFACE
DE
DON APULEIUS RISORIUS,
BÉNÉDICTIN.

REmercions la bonne ame par laquelle une Pucelle nous eſt venuë. Ce Poëme héroïque & moral fut compoſé vers l'an 1730, comme les doctes le ſavent, & comme il appert par pluſieurs traits de cet ouvrage. Nous voyons dans une lettre de 1740, imprimée dans le Recueil des Opuſcules d'un grand Prince, ſous

a 5 le

Voltaire. La pucelle d'Orléans. A Londres [S. l.], 1764.
Страница с портретом Вольтера



Voltaire. Collection complete des oeuvres. [Genève: Cramer], 1756.
Титульный лист тома 1

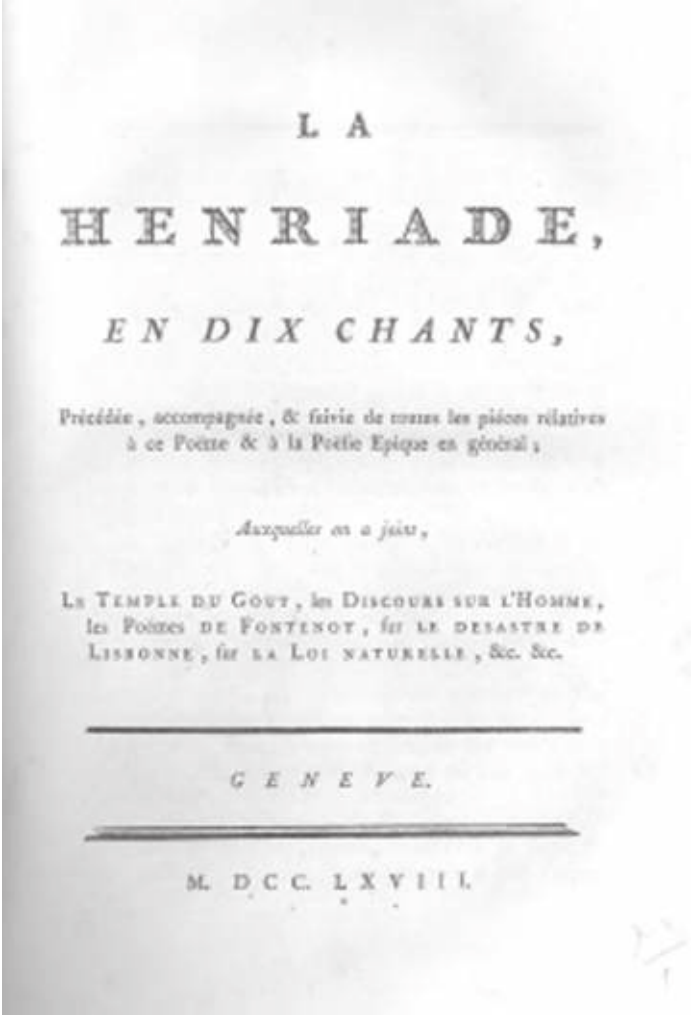
с Клодом-Жозефом Дора), но хорошие иллюстрации к тексту, уже престижному, делали его еще престижнее.

Но издания собраний сочинений Вольтера долгое время были чисто рыночными, малоформатными (ин-8 или чаще ин-12), непрезентабельными, и автор имел полное право жаловаться на их неисправность даже тогда, когда сотрудничал с издателями (амстердамские собрания 1732 и 1736 годов, дрезденское 1753 года). Таким было и первое из женевских изданий братьев Крамер, объявившее себя «Первым изданием Полного собрания сочинений» (1756) и действительно полностью авторизованное. Его формат — скромная малая восьмерка, без иллюстраций, с устаревшим к тому времени двуцветным титульным листом. Варианты к «Генриаде», составляющей, как и во всех остальных изданиях, первый том, даны в подстрочных примечаниях и зрительно довольно некрасиво смешаны с реальным комментарием. Издатели объявили об авторизации текстов в своем предисловии (подписанном), однако не обозначили место издания. Словом, оно как будто претендует на эталонность, но и стесняется этой претензии.

Зато собрание сочинений 1768 года, выпущенное Габриэлем Крамером уже без брата, стало самым вольтеровским из всех прижизненных и имело задачей представить автора во всём его величии. Именно к нему относятся бесчисленные записки Вольтера издателю. Выбран «классический» формат ин-кварто. Классично и общее оформление: можно усмотреть лишь немногие черты рококо, но их надо высматривать. Например, на титульном листе только заглавие набрано декоративным (но без завитков à la Fournier) шрифтом, одна строка — строчным курсивом и место издания — капительным. Такой стиль выдержан во всей книге. Линеек в тексте мало и все только прямые; даже в обрезанном виде сохраняются очень широкие поля. Как уже сказано, собрание иллюстрировано по рисункам Гравло; на заглавном фронтисписе скромность не помешала автору представить, как музы благословляют его бюст портретом Генриха IV[8]. Варианты и реальный комментарий к «Генриаде» даны в конце глав, чтобы не нарушать зрительно впечатления строгости.

[8] Не исключено, что именно на этот фронтиспис ориентировался И. Дмитриев, когда писал:

Пускай от зависти сердца в зоилах ноют,
Хераскову они вреда не нанесут:
Владимир, Иоанн щитом его покроют
И в храм бессмертья проведут.



LA

HENRIADE,

EN DIX CHANTS,

Précédée, accompagnée, & suivie de toutes les pièces relatives à ce Poëme & à la Poésie Epique en général;

Auxquelles on a joint,

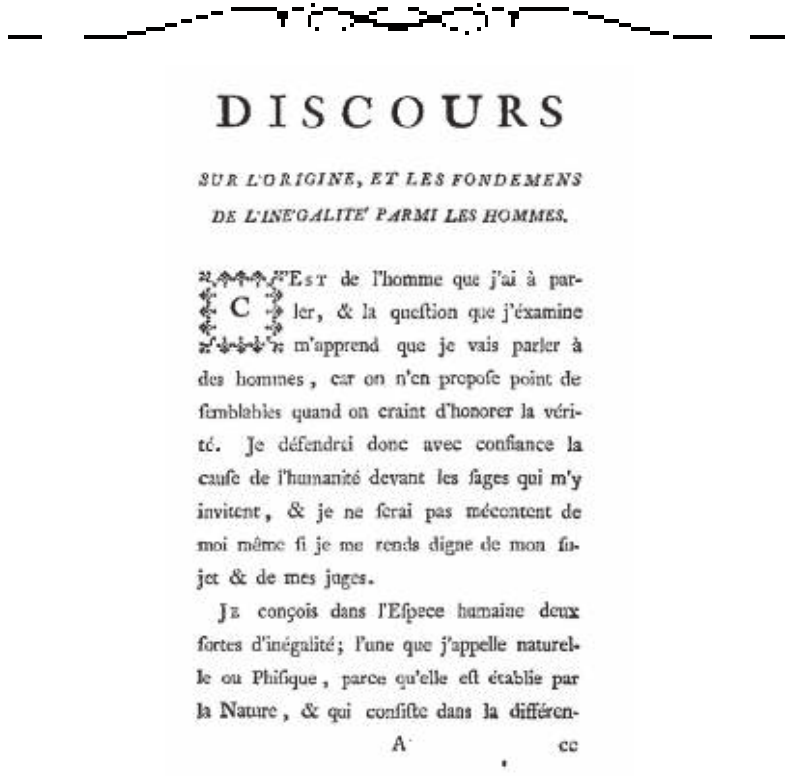
LE TEMPLE DU GOUT, les DISCOURS SUR L'HOMME, les Poëmes DE FONTENOY, *sur* LE DESASTRE DE LISBONNE, *sur* LA LOI NATURELLE, &c. &c.

GENEVE.

M. DCC. LXVIII.

Voltaire. Collection complete des oeuvres. [Genève: Cramer], 1768.
Титульный лист тома 1

Voltaire. Collection complete des oeuvres. [Genève: Cramer], 1768.
Фронтиспис тома 1



DISCOURS

SUR L'ORIGINE, ET LES FONDEMENS DE L'INE'GALITE' PARMI LES HOMMES.

C'Est de l'homme que j'ai à parler, & la queſtion que j'éxamine m'apprend que je vais parler à des hommes, car on n'en propoſe point de ſemblables quand on craint d'honorer la vérité. Je défendrai donc avec confiance la cauſe de l'humanité devant les ſages qui m'y invitent, & je ne ſerai pas mécontent de moi même ſi je me rends digne de mon ſujet & de mes juges.

Je conçois dans l'Eſpece humaine deux ſortes d'inégalité; l'une que j'appelle naturelle ou Phiſique, parce qu'elle eſt établie par la Nature, & qui conſiſte dans la différen-

A ce

J.-J. Rousseau. Discours sur l'origine, et les fondemens de l'inegalité parmi les hommes. Amsterdam: M.-M. Rey, 1755.
Первая страница текста

Вскоре после смерти Вольтера именно кельское собрание его сочинений задало новый стандарт книжной эстетики вообще (то, что впоследствии станет ампиром), а в частности — определило новый тип качественного издания. Бомарше прямо задумывал его как памятник великому писателю — между прочим, торопясь перехватить инициативу у России, где Екатерина II была готова осуществить такое же. Сохраняя и приумножая текстологическую корректность, специально купив шрифт Баскервилла — на тот момент самый парадный в мире — и бумажную фабрику, он отказался от ин-кварто в пользу большой восьмерки. Иллюстрации Жана-Мишеля Моро-младшего стали эталонными. Ради максимально широкого распространения Бомарше выпустил

также издание в двенадцатую долю и организовал еще два параллельных, в Готе и в Базеле. Но именно основное, семидесятитомное издание надолго сделало большую восьмерку самым универсальным форматом, пригодным и для кабинетной работы, и для чтения на прогулке.

«Прогулка» — слово, довольно прочно ассоциирующееся с Руссо; чтение на прогулке — общее место сентиментального стиля жизни («С печальной думою в очах, / С французской книжкою в руках»). Этот стиль, несомненно, много способствовал тому, что большие форматы в XIX веке оказались потеснены в пользу средних и в большинстве тех типов изданий, где они использовались прежде.

Однако прижизненные издания Жан-Жака далеко не всегда «сентиментальны». Первоначально Руссо явился публике как ученый писатель, и именно как скромный ученый труд было напечатано (в Париже под женевским адресом) «Рассуждение о науках и искусствах» (1751). Успех привел к тому, что первое издание «Рассуждения о неравенстве» у Марка-Мишеля Рея было оформлено особо торжественно: набрано крупным кеглем, с большим интерлиньяжем и практически без орнаментики, кроме маленьких флеронов при инициалах. Притом, однако, был выбран формат в двенадцатую долю, к которому тяготели и многие другие издания Руссо, а на титульном листе использована красная краска, уже выходившая из моды, но еще допускавшаяся в Нидерландах.

Для романов малый формат был излюбленным уже давно, поскольку это были книги для легкого чтения, но выход «Новой Элоизы» (1761) положил начало моде на малоформатные издания с гравюрами, причем в данном случае — также одном из первых — сам автор диктовал Юберу Гравло сюжеты и композицию. Насколько сказалась в этом индивидуальность Руссо, видно из сравнения иллюстраций Гравло с более поздними иллюстрациями Моро-младшего. «Новая Элоиза», собственно, не роман, а история поучительных положений. Именно положения, а не действия, которые могли бы быть соблазнительны, Руссо велит изображать художнику, и если бы мы не знали, что это идет от него, то могли бы догадаться по тому, что тот же самый Гравло примерно в то же время иллюстрировал «Декамерон» и «Орлеанскую девственницу» (а первоначально Руссо собирался обратиться к Буше)[9]. Отмечу еще сочетание виньеток последней парижской моды с такими, как «солнце»,

[9] См.: Histoire de l'édition française. T. 2. P. 390.

Юлия, или Новая Элоиза. Первый поцелуй любви.
Иллюстрация Ю. Гравло

Юлия, или Новая Элоиза. Первый поцелуй любви.
Иллюстрация Ж.-М. Моро

использовавшимся еще в XVII веке. Наконец, еще при жизни Руссо вышло собрание его сочинений ин-кварто, хотя и нелегальное (местом издания указан Лондон вместо Брюсселя), с портретом автора. Именно там появились иллюстрации Моро.

После смерти имена Вольтера и Руссо, невзирая на их прижизненную вражду, почти сразу встали рядом. Жан-Антуан Гудон, более всего прославившийся изваяниями Вольтера, снимал также посмертную маску Руссо. Бомарше в Келе также поставил свой издательский памятник — полное собрание сочинений — обоим, хотя, конечно, влияние и известность вольтеровского издания гораздо больше. Наконец, они оказались рядом и в Пантеоне. Разница в том, что Вольтера чтили как писателя, а Руссо поклонялись как святому. Один, нравится нам это или не нравится, перевернул наши умы, другой наши сердца, и благодаря обоим изменилась книга.

София Шаплова

«ГЛУБОКОУВАЖАЕМОМУ ВЛАДИМИРУ ИВАНОВИЧУ САИТОВУ...» ИЗДАНИЯ «СЕМИНАРИСТОВ» В КНИЖНОМ СОБРАНИИ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА

В 1953 году Всесоюзный музей А.С. Пушкина был выделен из Пушкинского Дома. В течение последующего года было принято решение о создании будущего отдела книжных фондов. Предполагалось, что библиотека будет состоять из дублетов книг из личной библиотеки поэта, подобранных по каталогу Б.Л. Модзалевского, а также небольшого раздела справочной литературы, необходимой в научно-исследовательской деятельности музея. Экземплярами дублетных фондов библиотек Академии наук и Пушкинского Дома формировалась основа собрания. Более четырех тысяч книг заняли свое почетное место на полках в доме № 12 по набережной реки Мойки[1].

Но то, что является очередным библиографическим дублетом, может стать уникальным музейным экспонатом. Среди поступивших в фонд изданий оказались экземпляры из личных библиотек выдающихся деятелей науки и культуры. Так музейную коллекцию пополнили книги из собраний коллекционера А.Ф. Отто-Онегина, современников А.С. Пушкина А.И. и Н.И. Тургеневых, а также многих выдающихся пушкинистов начала двадцатого века. Эти осколки разрозненных библиотек представляют для библиотеки музея большую ценность. Таков был путь и части книжного собрания известного библиографа и историка литературы В.И. Саитова[2].

---

[1] *Бокариус М.В.* Иду вдоль книжных полок… СПб., 1995.

[2] Владимир Иванович Саитов (1849–1938) — русский библиограф и историк литературы, секретарь Императорского Русского исторического общества (1916). Действительный статский советник (1916). В.И. Саитов — владелец одной из самых полных частных библиотек, посвященных истории русской литературы. См. также: Саитов Владимир Иванович // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 1–4 (электронная версия) / Российская национальная библиотека: сайт [Электронный ресурс: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=154].

В комплектовании фондов и оформлении справочного библиографического аппарата созданной библиотеки принимали участие сотрудники Пушкинского Дома. М.М. Штерн стала первой заведующей библиотекой. Л.Г. Гринберг занималась созданием каталога[3]. Комплектуя библиотеку музея, они уделяли особое внимание вычленению экземпляров, которые могли бы стать основой коллекции «Пушкиниана».

Таким образом, попадание в музей книг из библиотеки В.И. Саитова было неслучайным. Л.Г. Гринберг, к примеру, была прекрасно осведомлена о составе его собрания — в 1934 году она редактировала раздел «Personalia» уникальной саитовской картотеки. Немаловажно и то, что она, будучи опытнейшим сотрудником Пушкинского Дома, занималась каталогизацией дублетов, а также составляла библиографические указатели к произведениям Пушкина[4].

В случае с небольшим количеством экземпляров сложно выстроить разветвленную классификацию или провести серьезное аналитическое исследование, но дадим общую характеристику, а также выделим характерные особенности.

К настоящему времени «пушкинская» коллекция В.И. Саитова, хранящаяся в Отделе книжных фондов музея, насчитывает более пятидесяти экземпляров; на большинстве — надпись «Из собр. Саитова».

Прежде всего, стоит отметить хорошую сохранность экземпляров — многие попали в фонд с уцелевшими издательскими обложками. В рамках работ по превентивной консервации сотрудниками библиотеки были изготовлены переплеты: картонные сторонки, оклеенные бумагой или коленкором. Некоторые издания получили дополнительную немую бумажную обложку преимущественно зеленых оттенков. Несмотря на несоответствие выполненных мер современным стандартам, они позволяют сохранять материал в целости на протяжении уже почти семидесяти лет. Отсутствуют утраты, загибы и заломы бумаги. На обложках, титулах и авантитулах множество штампов и помет: библиотечных, но не владельческих! В.И. Саитов был приверженцем трепетного отношения к книге. «В его отделение, — писал К.И. Чуковский, — входишь, как в церковь»[5]. Очевидно, что маргиналии — это всегда ценный

[3] Подробнее о профессиональной деятельности Л.Г. Гринберг см.: *Беляев Н.С.* История библиотеки Пушкинского Дома. 1906–2016. СПб., 2019.

[4] Библиография произведений А.С. Пушкина и литературы о нем: 1949: Юбилейный год. М. ; Л., 1951.

[5] *Чуковский К.И.* Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 214.

источник информации, особенно, если речь идет об экземплярах из личных библиотек филологов, редакторов и переводчиков. Напечатанный текст в данном случае — неотъемлемая часть профессиональной мастерской профессионального читателя. Отсутствие владельческих помет в экземплярах из библиотеки В.И. Саитова может быть рассмотрено как особое явление — минус-прием, при котором отсутствие каких-либо знаковых элементов знаково само по себе[6].

В четырех экземплярах имеются вложения — карточки с библиографическим описанием представленных изданий. Первичная идентификация авторства описаний осложнена. Известно, что картотеку, в которой было около сорока тысяч карточек, В.И. Саитов составлял не один, а прибегал к помощи многочисленных учеников. В.Н. Баскаков отмечает, что встречаются также карточки, написанные рукой молодого Б.Л. Модзалевского[7].

Кроме того, почерк самого В.И. Саитова менялся с течением времени. Проследить это можно по оригиналам писем В.И. Саитова к Л.Н. Майкову, которые охватывают временной промежуток в тридцать лет[8].

При этом порой различаются начертания одной и той же буквы в рамках одного предложения. На лицевой сторонке издательской обложки «Сочинений Константина Николаевича Батюшкова»[9] чернилами: «Обществу Любителей Российской словесности, от издателя. 5 апреля 1987 Санкт-Петербург». При ближайшем рассмотрении дарственной надписи становится заметно, насколько различны начертания буквы «т».

---

[6] Данное предположение может быть ошибочным и требует дальнейшего изучения, а именно — сопоставления экземпляров разрозненной библиотеки. В книге Ц.И. Грин и Т.Н. Суздальцевой «Публичная библиотека и лучший поэт России» (СПб., 2000) отмечается, что среди книг, проданных В.И. Саитовым библиотеке, «были издания сочинений Пушкина со многими текстологическими пометами Саитова, существенными для восстановления истории публикации пушкинских текстов» (см. с. 41).

[7] *Баскаков В.Н.* Справочно-библиографические источники в собраниях Пушкинского Дома. Л., 1987. С. 15.

[8] Письма В.И. Саитова Л.Н. Майкову. Рукописный отдел Пушкинского Дома. Ф. 166. Оп. 3. № 904.

[9] *Батюшков К.Н.* Сочинения К.Н. Батюшкова. Т. 1 / изданы П.Н. Батюшковым: Со статьею о жизни и сочинениях К.Н. Батюшкова, написанною Л.Н. Майковым, и примечаниями, составленными им же и В.И. Саитовым. СПб., 1887.

Этот вопрос, тем не менее, решаем при более внимательном сравнении имеющихся у нас материалов с документами рукописного фонда Института русской литературы (ИРЛИ) РАН. Эта работа планируется в ближайшее время.

Будучи только частью книжного собрания, коллекция не дает полноценного представления о составе и структуре библиотеки В.И. Саитова. Тем не менее, она является репрезентативной с точки зрения пушкинского направления в его научных изысканиях. Большинство представленных в собрании работ принадлежат ученым, с которыми В.И. Саитов находился в постоянном контакте. Неудивительно, что на титульных листах и обложках многих экземпляров можно встретить дарственные надписи.

На рубеже веков в академической среде книгодарение становится особой формой профессионального общения. Обнаруженные в библиотеке В.И. Саитова инскрипты представляют собой автографы выдающихся филологов-пушкинистов. В 2014 году началась публикация картотеки автографов библиотеки Пушкинского Дома[10]. Каталог был приурочен к 300-летию основания Библиотеки Российской академии наук. В представленных инскриптах В.И. Саитов упоминается двадцать раз: в пятнадцати он выступает как адресат дарственной надписи, в пяти — как адресант. Это исследования по литературе девятнадцатого века, посвященные преимущественно творчеству Жуковского и Гоголя, и только одно — о Пушкине. Этот факт может быть рассмотрен как косвенное доказательство неслучайного попадания экземпляров из собрания В.И. Саитова в фонды музея, т. е. о факте направленной выборки.

Обстоятельства дарения (дата, место, сопутствующие события) указываются в инскриптах, если обладают определенной знаковостью как для дарителя, так и для одаряемого. Только два инскрипта обладают топонимической характеристикой. Так, знаменитая работа М.А. Цявловского «Два Пушкина»[11] была подарена В.И. Саитову 23 мая 1914 года в Москве, где проживала чета Цявловских. В остальных случаях обстоятельства дарения опущены, так как авторы и В.И. Саитов постоянно сосуществовали в едином профессиональном пространстве.

Большая часть дарственных надписей принадлежит ученым, чей профессиональный путь начинался с литературной «семинарии»,

[10] Издания с дарственными надписями из собрания библиотеки Пушкинского Дома: каталог. СПб., 2014–2020.

[11] *Цявловский М.А.* Два автографа Пушкина: с двумя снимками. М., 1914.

созданной в Императорской публичной библиотеке под руководством Л.Н. Майкова и В.И. Саитова. Литературовед и библиограф И.А. Кубасов вспоминал: «Под непосредственным «надзором», или — вернее сказать — под крылом, этих двух отменных знатоков литературы и библиографии скоро образовалась… целая «семинария» молодых людей — будущих и уже признанных ученых. С отеческим вниманием эти два человека выслушивали нужды молодежи… Помимо указаний чисто научного характера, эти лица давали молодежи целый ряд практических советов, ободряли колеблющихся, брали даже на себя труд просматривать и поправлять работы начинающих, проводили их в печать и т. д. и т. п. — словом, свои обязанности библиотекарей превращали уже в настоящее бескорыстное и мудрое руководительство»[12].

Литературная «семинария» Майкова — Саитова, таким образом, стала историко-литературоведческой и библиографической школой для целой плеяды молодых ученых. Получив необходимые опыт и знание, они становятся частью профессионального сообщества. «Семинаристы» занимаются комментированием и изданием собраний сочинений писателей различных эпох, принимают участие в ставшем хрестоматийным серийном сборнике «Пушкин и его современники», постоянно печатаются в периодических изданиях.

Постепенно личная библиотека В.И. Саитова пополняется публикациями «семинаристов». Одни он получает в дар, другие — приобретает сам. Книжное подношение «ученика» «учителю» — распространенная в то время форма выражения признательности…

В нашем собрании три экземпляра с автографами участников «литературной семинарии»: две работы литератора и по совместительству юриста А.А. Чебышева — это «Проспер Мериме. К его знакомству с Пушкиным и русской литературой» (Пг., 1916) и «Заметки о «Скупом рыцаре» Пушкина» (СПб., 1902), а также «Дружеское литературное общество С.Д. Пономаревой» (М., 1982) библиографа и журналиста М.Н. Мазаева.

В 1900 году Майков умирает, но созданная совместными усилиями «семинария» не прекращает своего существования. В.И. Саитов продолжает оказывать библиографическую помощь начинающим исследователям. Порой его деятельность переходит в практическое поле: он

[12] *Кубасов И.А.* На могилу Леонида Николаевича Майкова // Русская старина. 1900. Т. 104. № 10. С. 125.

содействует изданию первых научных изысканий «семинаристов». Как менялась «семинария», подробно описано в ныне единственной полной биографии В.И. Саитова, созданной Г.В. Михеевой в рамках серии «Деятели Российской национальной библиотеки»[13]. Основываясь на архивных документах и научной литературе, автор отмечает трансформацию «семинарии» в «Саитовскую академию» или в «Кружок В.И. Саитова», членами которого в те годы были в будущем филолог-славист, историк и археограф Г.А. Ильинский, один из основателей Института имени А.И. Герцена Н.К. Кульман, старший хранитель Пушкинского Дома Академии наук Н.К. Козмин, писатель и педагог В.В. Сиповский, а также один из основателей Пушкинского Дома Борис Львович Модзалевский. В собрании музея хранятся три экземпляра с дарственными надписями представителей «саитовской академии»: «Дорогому Владимиру Ивановичу Саитову от автора» — на лицевой сторонке издательской обложки работы В.В. Сиповского «Пушкин и романтизм»[14].

«Глубокоуважаемому и дорогому Владимиру Ивановичу Саитову от искренне преданного автора» — на титульном листе работы Н.К. Козмина «Взгляд Пушкина на драму»[15].

Профессиональная деятельность обоих ученых была многогранна, протекала в том числе в сфере просвещения и образования. В.В. Сиповский в разные годы был преподавателем Мариинского института и Бестужевских курсов, профессором Бакинского и Петроградского университетов. Н.К. Козмин был преподавателем русского языка в средних учебных заведениях Петербурга: работал в Коломенской женской гимназии, позднее в Павловском институте и Екатерининской женской гимназии.

Много и продуктивно сотрудничал В.И. Саитов с Б.Л. Модзалевским. В 1904 году В.И. Саитов получил предложение великого князя Николая Михайловича возглавить работу по составлению полного некрополя Москвы и Петербурга. В.И. Саитов, в свою очередь, обратился к Б.Л. Модзалевскому с предложением принять участие в создании этого монументального труда. Успех профессионального тандема был отмечен журналом «Вестник Европы»: «Два имени, гарантирующих высокие достоинства работы, т. е. безусловную точность описаний

[13] *Михеева Г.В.* Владимир Иванович Саитов. СПб., 2022.

[14] *Сиповский В.В.* Пушкин и романтизм. Пг., 1916.

[15] *Козмин Н.К.* Взгляд Пушкина на драму: [Памяти Л.Н. Майкова]. СПб., 1900.

и полноту литературных справок»[16]. В «пушкинской» коллекции В.И. Саитова было несколько работ Б.Л. Модзалевского, но ни на одной нет автографа или дарственной надписи. При этом в коллекции музея находится один экземпляр, который был подарен В.И. Саитовым младшему коллеге, но уже опытному и серьезному ученому: «Многоуважаемому Борису Львовичу Модзалевскому составитель» — на титульном листе издания «Соболевский — друг Пушкина» (СПб., 1922).

Стоит отметить номинацию, которую выбирает В.И. Саитов при подписи: «составитель». Это не единственный авторский инскрипт, в котором В.И. Саитов в качестве подписи вместо фамилии использует слово, обозначающее его роль при создании подаренного издания. Если обратиться к дарственным надписям, хранящимся в библиотеке Пушкинского Дома, мы также обнаружим, что фамилия в подписи появляется только в случае, если В.И. Саитов выступал в роли издателя.

С личностью Модзалевского связан еще один уникальный экспонат — рукописный указатель к книге «Сочинения Пушкина. Переписка»[17]. На внутренней сторонке обложки два экслибриса — Б.Л. Модзалевского и Л.Б. Модзалевского. Возможно, указатель появился в процессе работы Б.Л. Модзалевского над третьим изданием писем Пушкина[18] (второе издание, вышедшее между «саитовским» и «модзалевского», было подготовлено М.А. Цявловским).

Владимир Иванович Саитов обладал одной из самых полных личных библиотек по истории русской литературы. При этом издания пушкинской тематики занимали в ней особое место. Такое же особое место занимал и сам поэт в научной и профессиональной деятельности прославленного библиографа. Возможно, экземпляры «саитовского» собрания, хранящиеся в других библиотеках, могут представлять больший интерес по причине их количественного и качественного превосходства. Но изучение имеющихся в коллекции музея экземпляров позволило обозначить пунктиром некоторые характеристики данной личной библиотеки, а также определить место, которое занимал В.И. Саитов в профессиональном сообществе, особенно среди молодой плеяды ученых-пушкинистов.

---

[16] Вестник Европы. 1908. Т. 43. Кн. 4 (апрель). С. 805.

[17] *Пушкин А.С.* Сочинения Пушкина. Переписка. Т. 1. 1815–1826 / под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб., 1906.

[18] *Пушкин А.С.* Письма / под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М. ; Л., 1929–1935.

Лариса Горская

К 125-ЛЕТИЮ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАТЕЛЯ РУССКИХ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ ИЗДАНИЙ В.А. ВЕРЕЩАГИНА

В 2023 году исполняется 125 лет со дня выхода первого в истории отечественной библиографии указателя русских иллюстрированных изданий[1].

Эволюция библиографирования книжной графики шла долго и представляла собой процесс накопления эмпирического, а затем и теоретического знания о специфике и общих чертах библиографической деятельности в области этого вида искусства.

Первые попытки библиографического отражения книжного иллюстративного материала — в виде эпизодического включения отдельных сведений о количестве элементов художественного оформления книги и способах их печати в каталоги библиотек и каталоги частных собраний — относятся к началу XIX века. Так, пункт 27 «Правил для составления каталогов Императорской Публичной Библиотеки» (СПб., 1819) предписывает указывать при описании книг наличие в них изобразительных материалов. Отметку о наличии иллюстраций в книгах с формулировкой «с фигурами» включает в библиографическое описание изданий В.С. Сопиков в «Опыте российской библиографии, или Полном словаре сочинений и переводов» (СПб., 1813–1821), ее место — перед выходными данными. Постепенно краткие сведения об иллюстрациях начинают занимать более устойчивое место в составе записей библиографических трудов (например, «Хронологическая роспись русской библиографии с 1491 года», СПб., 1842; «Обозрение славяно-русской библиографии» И.П. Сахарова, СПб., 1849; «Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами» И.П. Каратаева, СПб., 1861; в словарях Д.А. Ровинского, каталогах букинистов (В.И. Клочкова, В.Г. Готье, Э.К. Гартье, Н.В. Соловьева) и др.)

Однако вплоть до конца XIX века информация о книжных иллюстрациях носила несамостоятельный характер, являясь составной частью библиографической характеристики иллюстрированных книг.

[1] *Верещагин В.А.* Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий (1720–1870): библиографический опыт. СПб., 1898.

Иллюстрированные издания располагались преимущественно в общем алфавитном или хронологическом ряду, реже — в специальных разделах. Сведения об иллюстрациях и других элементах художественного оформления книг включались как в библиографические описания изданий, так и в аннотации. Глубина аналитической характеристики изобразительного ряда зависела прежде всего от целевого и читательского назначения библиографического пособия, а также от компетентности и опыта составителя.

Расцвет отечественного книжного искусства способствовал тому, что на рубеже XIX и XX веков книжная иллюстрация впервые становится полноправным объектом библиографического учета. Увлечение коллекционированием книг, преимущественно русских иллюстрированных изданий конца XVIII — первой половины XIX века, вызвало потребность в библиографических работах в области книжной графики.

В 1898 году в Санкт-Петербурге в типографии В.Ф. Киршбаума был напечатан библиографический указатель русских иллюстрированных изданий XVIII–XIX веков[2].

Составителем указателя был Василий Андреевич Верещагин (1861–1931) — камергер императорского двора и помощник статс-секретаря Государственного совета, страстный коллекционер редких книг, знаток русской книжной графики, всю жизнь посвятивший изучению художественной культуры России, активный участник библиофильских журналов («Антиквар», «Старые годы», «Русский библиофил»), автор ряда трудов по графике, архитектуре, а также инициатор создания и председатель Кружка любителей русских изящных изданий (1903–1917) — первой русской юридически оформленной библиофильской организации. Кружок объединил в своих рядах известных петербургских коллекционеров, библиофилов (П.Д. Кедров, С.Н. Крейтон, М.А. Остроградский, И.В. Ратьков-Рожнов, П.Е. Рейнбот, Н.К. Синягин, Е.Н. Тевяшов и др.), издателей (П.П. Вейнер и др.), типографов (Р.Р. Голике и др.), художников книги (Н.А. Бенуа и др.), книгопродавцев-антикваров (В.И. Клочков, Н.В. Соловьев и др.)

К сожалению, о жизни и деятельности этого замечательного человека известно немногое. Несмотря на то, что В.А. Верещагин внес огромный вклад в развитие отечественной культуры, в настоящее время нет ни одного фундаментального исследования, посвященного этой личности.

[2] *Верещагин В.А.* Русские иллюстрированные издания…

Возможно, проблема заключается в немногочисленности дошедших до нас архивных материалов. Как отмечает исследователь деятельности Кружка А.В. Николенко, его личный архив утрачен, а в отечественных архивах хранятся лишь отдельные письма, принадлежащие В.А. Верещагину[3].

Труд посвящен М.А. Остроградскому «в знак признательности за дружеское содействие». Михаил Александрович Остроградский (1857–1923), сведения о жизни и деятельности которого также скудны, — государственный деятель, знаток и собиратель редких книг, библиофил, участник Кружка любителей русских изящных изданий — принимал деятельное участие в подготовке каталога.

В процессе подготовки указателя В.А. Верещагин использовал достаточно широкий круг источников. Взяв за основу личную библиотеку, активно работал с фондами Императорской публичной библиотеки, Библиотеки Академии художеств. Обращался к частным книжным коллекциям многих библиофилов: М.А. Остроградского, Е.Н. Тевяшова, В.И. Яковлева, В.И. Саитова, Д.Ф. Кобеко, Л.Н. Майкова. Использовал различные библиографические материалы (общие библиографические труды, среди них работы В.С. Сопикова, Я.Ф. Березина-Ширяева, Г.Н. Геннади, Н.В. Губерти, И.М. Остроглазова, П.П. Пекарского, В.И. Межова, отраслевые библиографические материалы, например, труд Д.А. Ровинского «Подробный словарь русских граверов XVI–XIX веков» (СПб., 1895–1899), каталоги книготорговцев и букинистов, среди которых А.Ф. Смирдин, И.А. Овчинников, М.Д. Ольхин, Н.И. Крашенинников, Э.К. Гартье, В.Г. Готье, П.П. Шибанов и др.)

В процессе работы в Императорской публичной библиотеке между В.А. Верещагиным и В.В. Стасовым, который в этот период возглавлял художественный отдел библиотеки, сложилось идейно-творческое непонимание, что вылилось в открытый конфликт, описанный автором в Предисловии к указателю[4].

Таким образом автор собрал сведения о тысяче изданий, опубликованных с 1720 по 1870 год, с иллюстрациями, выполненными четырьмя способами: гравюрой на меди, дереве, стали и литографией, что составляет примерно одну четвертую часть всех иллюстрированных книг, изданных за указанный период. В это число вошли книги, как правило,

[3] *Николенко А.В.* Деятельность Кружка любителей русских изящных изданий: 1903–1917: дисс…. на соискание учен. степ. канд. ист. наук. М., 2000.

[4] *Верещагин В.А.* Русские иллюстрированные издания… С. 9.

редкие, отличающиеся высоким уровнем художественного оформления, изданные преимущественно до 1860-х годов, т. е. до тех пор, когда, согласно распространенному среди библиофилов того времени убеждению, наступил заметный упадок книжного искусства, вызванный применением фотомеханических способов воспроизведения рисунка. Таким образом, основным критерием отбора можно назвать художественную ценность издания. В первую очередь это издания художественной литературы и исторические сочинения. Иллюстрированные издания других отраслей включались в виде исключения, каковым могли стать «особые качества помещенных в этих изданиях гравюр», «выдающиеся имена художников или граверов», принимавших участие в их исполнении[5].

Подобный отбор отражает общую тенденцию среди коллекционеров того времени — увлечение внешней, декоративной стороной книги. Библиофилы почти полностью игнорировали книги политико-революционного содержания, ограниченно включались издания по естественным и точным наукам. Из области техники допускались лишь архитектура как область, пограничная с изобразительным искусством, воздухоплавание, пиротехника, артиллерия и фортификация, а также кулинария.

В XIX веке практиковалась довольно широкая трактовка термина «книжная художественная иллюстрация». В разряд «иллюстраций» попадали практически все изображения в книге — заставки, концовки, иллюстрации полосные, форматные, рисунки на полях, обложке, титуле, фронтисписе. А «книжной» считалась любая иллюстрация, опубликованная в отдельном издании — книге, брошюре, альманахе, календаре, альбоме, детских играх, порою и на страницах периодических изданий типа «Живописного обозрения», «Художественного листка», «Иллюстрированной недели» и т. п.

Поэтому наравне с иллюстрированными изданиями в современном значении термина в указатель В.А. Верещагина вошли альбомы, виды городов, сборники портретов, альманахи, месяцесловы, календари, а также книги с одной — двумя виньетками, книги с одним портретом и т. д. Не отражены книги с техническими рисунками, картами или чертежами.

Издание открывается развернутым Предисловием, состоящим из двух частей. В первой части автор обосновывает необходимость и

[5] *Верещагин В.А.* Русские иллюстрированные издания… С. 11.

уникальность данной работы, описывает трудности, с которыми пришлось столкнуться при подготовке указателя, раскрывает использованные методические решения. Интересна вторая часть, представляющая собой подробный исторический очерк отечественного книжного искусства.

Библиографические записи основной части расположены в алфавите авторов и заглавий книг. В аннотациях перечислены имеющиеся в книгах иллюстрации с указанием имени гравера или литографа, техники исполнения. Описаны особенности отпечатков. Отмечены воспроизведения иллюстраций в последующих изданиях данной книги.

Большинство изданий описаны de visu. Однако составитель пользовался и заимствованной из внешних источников информацией, очевидно, не всегда сверяя ее с первоисточником. Подобные записи, как правило, отличаются «скромными» библиографическими сведениями. К недостаткам работы рецензенты относили неточности описания иллюстраций: «…в очень многих местах неверно показано число отдельных рисунков, и самое главное — не приведены в точности подписи под гравюрами и другие имеющиеся на них пометки»[6].

Приведем примеры описания:

«13. АНДЕРСЕНЪ. Новыя сказки, съ 50 рисунками, составленными академикомъ барономъ М.И. Клодтомъ, ръз. на деревъ О.А. Кочетовой и А.А. Гавриловой, и портретомъ автора, работы академика Л.А. Сърякова. Изданіе Трубниковой и Стасовой. Спб., тип. Головачева. 1868—8°.

Всъ рисунки, въ общемъ довольно удачные, помъщены въ текстъ. — Существуетъ еще одно иллюстрированное изданіе сказокъ Андерсена, въ которое вошло нъсколько сказокъ и др. писателей, подъ заглавіемъ: «Повъсти и сказки для юношества». Спб. 1860 г. Оно украшено четырьмя хромолитографированными рисунками внъ текста.

953. ШЕРЕМЕТЬЕВА П. Стихотворенія графини Прасковьи Ивановны Шереметьевой.—8°.

Фронтисписъ, ръз. А. Осиповымъ съ подписью: «такъ беднымъ открыла». Копія съ французскаго оригинала».

Автору статьи пока не удалось найти этот документ. Возможно, В.А. Верещагин имел в виду издание (или отдельный лист из него), описанное им же под номером 981:

---

[6] *Обольянинов Н.А.* Заметки о русских иллюстрированных книгах 1740–1860 годов. Ч. I // Русский библиофил. 1911. № 1 (январь). С. 45.

«981. ЭЛЕГІЯ къ тѣни графини Прасковьи Ивановны Шереметьевой. Пер. с фр., съ приложеніемъ оригинала. Москва, тип. Платона Бекетова, 1805—8°.

Фронтисписъ, ръз. А. Осиповымъ и изобр. нѣсколькихъ людей, утоляющихъ жажду водой источника, выходящаго изъ саркофага покойной графини. Книга сочинена французомъ Дювалемъ и считается редкой. (Отчетъ пуб. биб. 1873)».

Справочно-поисковый аппарат издания включает два вспомогательных алфавитных указателя: заглавий и имен авторов, издателей, граверов. Однако критики отмечали трудность разыскания сведений, вызванную отсутствием указателя иллюстраций. Этот «существенный недостаток…, делающий весь… труд совершенно непрактичным для использования», А. Фаресов предлагал устранить путем составления «подробного указателя портретов и картин», помещенных в иллюстрированных изданиях XVIII и XIX столетий[7]. Он же отмечает вариант поиска иллюстраций по сюжету, но не развивает мысль до составления тематического вспомогательного указателя иллюстраций.

В Библиотеке Российской академии наук хранится экземпляр издания из личной библиотеки А.В. Петрова (1867–1927), имя которого тесно связано с БАН. С 1919 по 1927 год он работал в Рукописном отделе Библиотеки. В связи с увлечением Петром Великим Александр Васильевич начал заниматься собирательством книг, связанных с именем царя. Изучение петровских книг сделало его одним из лучших знатоков этого периода книгопечатания.

Как указывают исследователи жизни и деятельности А.В. Петрова, в тяжелые годы он «вынужден был продать часть своей библиотеки и оставить у себя лишь самые редкие книги — библиотеку петровских изданий и библиографию»[8]. Таким образом часть личной коллекции оказалась в Библиотеке Академии наук.

Экземпляр издания, хранящийся здесь, интересен владельческими пометами, свидетельствующими о тематике исследований ученого. Известно, что последние годы своей жизни Александр Васильевич посвятил описанию редких и замечательных книг XIX века. На полях описываемого экземпляра мы находим тому подтверждение. На страницах

[7] *Фаресов А.* [Рец.] // Исторический вестник. 1898. Август. С. 704.

[8] *Климина Т.* Петров Александр Васильевич // Нарвская центральная библиотека: сайт [Электронный ресурс: http://www.narvalib.ee/index.php/ru/2093-petrov-aleksandr-vasilevich].

81, 258 и 259 находятся сделанные карандашом пометы, представляющие собой уточнения и дополнения к описанным Верещагиным изображениям, выполненные им по книгам из личной коллекции.

Современники приветствовали зарождение нового направления библиографии. Вслед за выходом библиографического указателя на страницах периодической печати появилось немало отзывов, в основном, положительных[9]. Анализируя достоинства и недостатки работы, рецензенты отмечали ее важный и ценный вклад в развитие отраслевой библиографии.

Критики подчеркивали новаторский характер труда Верещагина, уникальность, отсутствие аналогий в современной русской библиографии. «…До сих пор в трудах библиографов и в каталогах книгопродавцев почти совсем не упоминается, при обозначении книг, о том, находятся ли в них иллюстрации и какие именно», — писал А. Фаресов в рецензии на библиографический указатель[10]. Коллекционеры русских иллюстрированных изданий пользовались словарями Д.А. Ровинского при составлении своих собраний. Однако в этих работах иллюстрации занимали второстепенное место, автора более интересовали граверы, исполнители, а не художники, создатели рисунков. Кроме того, приводимые им сведения касаются изданий с гравюрами на меди. «Настоящее издание представляет собою важный и ценный вклад в нашу библиографическую литературу»[11]. Несмотря на то, что полнотой учета книга не отличалась, она сыграла существенную роль в становлении библиографирования книжной графики.

Начинание было поддержано библиофилами, что выразилось не только в рецензиях, но и попытках продолжить новое направление в библиографии. С этого времени на страницах периодической печати всё чаще появляются заметки, обзоры иллюстрированных изданий, содержащие ценные библиографические сведения о книжных иллюстрациях. Например, в журнале «Антиквар» за 1902 год опубликована статья за

---

[9] Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий: [заметка о труде В.А. Верещагина «Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий»] // Новое время. Ил. прибавление. 1898. № 7955 (22 апреля); *Бычков А.* Письмо в редакцию: [ответ на заметку о труде В.А. Верещагина «Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий»] // Новое время. 1898. 12 мая.

[10] *Фаресов А.* [Рец.]. С. 701.

[11] [Рец. на книгу В.А. Верещагина «Библиографический опыт…»] // Новь. 1898. № 8. С. 50.

915. **ФИЛИМОНОВЪ В.** Проза и стихи Владиміра Филимонова. Москва, тип. Августа Семена. Въ двухъ частяхъ. Часть первая — проза. Часть вторая — стихи. 1822—8°.

По одной виньеткѣ на заглавныхъ листахъ каждой части. рис. И. Ивановымъ и грав. И. Ческимъ.

916. **ФИЛИППОВСКІЙ Е.** Краткое историческое и хронологическое описаніе жизни и дѣяній Великихъ Князей Россійскихъ, Царей, Императоровъ и ихъ пресвѣтлѣйшихъ супругъ и дѣтей; ихъ правленія, силы и славы, различныхъ войнъ и междоусобныхъ раздоровъ, до введенія монархическаго Самодержавія, бунтовъ и проч. отъ Р. Х. съ 862 г. до нынѣ благополучно царствующаго Гос. Имп. Александра I Самодержца Всероссійскаго, съ достопамятными примѣчаніями о высокомъ ихъ родословіи, союзахъ, потомствѣ и времени жизни, царствованія, кончины и мѣстѣ погребенія, съ изображеніемъ гравированныхъ ихъ портретовъ, иждивеніемъ и трудами изъ разныхъ достовѣрныхъ бытописателей и манускриптовъ собранное и въ свѣтъ изданное для пользы россійскаго благороднаго юношества кол. сов. Еф. Филипповскимъ. Въ тип. Пл. Бекетова. 1805–1810—4°.

Въ первой части 38 гравюръ, изъ которыхъ на семи изображены: фронтисписъ съ бюстомъ Александра I, станъ Александра Великаго, завѣщаніе Гостомысла, приходъ Рюрика, г. Изборскъ, могильный курганъ, поднесеніе короны Рюрику, а на остальныхъ — 31 портретъ, начиная отъ Рюрика и кончая Константиномъ I Всеволодовичемъ: 1) Рюрикъ, 2) Олегъ, 3) Игорь I, 4) Ольга, 5) Святославъ I, 6) Ярополкъ I, 7) Владиміръ I, 8) Святополкъ I, 9) Ярославъ I, 10) Анна Ярославовна, 11) Изяславъ I, 12) Святополкъ II, 13) Всеволодъ I, 14) Святополкъ II, 15) Владиміръ II, 16) Мстиславъ I, 17) Ярополкъ II, 18) Вячеславъ I, 19) Всеволодъ II, 20) Игорь II, 21) Изяславъ II, 22) Юрій I, 23) Изяславъ III, 24) Ростиславъ I, 25) Мстиславъ II, 26) Андрей I, 27) Михаилъ I, 28) Всеволодъ III, 29) Рюрикъ II, 30) Юрій II, 31) Константинъ I.

Во второй части — 30 портретовъ, начиная съ Ярослава II

Страницы 258 и 259 из книги В.А. Верещагина библиографический опыт» (СПб., 1898)

и кончая Царемъ Василіемъ Шуйскимъ: 1) Ярославъ II 2) Святославъ III, 3) Изяславъ IV, 4) Андрей II, 5) Александръ I, 6) Ярославъ III, 7) Василій I, 8) Дмитрій I, 9) Андрей III, 10) Даніилъ I, 11) Михаилъ II, 12) Юрій III, 13) Дмитрій II, 14) Александръ II, 15) Іоаннъ I, 16) Симеонъ I, 17) Іоаннъ II, 18) Дмитрій III, 19) Дмитрій IV, 20) Василій II, 21) Василій III, 22) Юрій IV, 23) Іоаннъ III, 24) Василій IV, 25) Іоаннъ IV, 26) Ѳедоръ Іоанновичъ, 27) Борисъ Годуновъ, 28) Ѳедоръ Борисовичъ, 29) Дмитрій Самозванецъ, 30) Василій Шуйскій.

Въ третьей части — 32 гравюры, изъ которыхъ на шести изображены: фронтисписъ съ вензелемъ Александра I, Коломенскій дворецъ, памятникъ Петру I, другой памятникъ ему же, съ изображеніемъ перевозки камня Грома, памятникъ Екатеринѣ II, родословное дерево съ портретами, а на остальныхъ — 26 портретовъ, начиная съ Царя Михаила Ѳеодоровича и кончая Имп. Елизаветой Алексѣевной, супругой Александра I: 1) Михаилъ Ѳеодоровичъ, 2) Филаретъ, 3) Марѳа Іоанновна, 4) Алексѣй Михаиловичъ, 5) Наталія Кирилловна, 6) Ѳеодоръ Алексѣевичъ, 7) Іоаннъ Алексѣевичъ, 8) Софія Алексѣевна, 9) Петръ I, 10) Евдокія Ѳеодоровна, 11) Екатерина Алексѣевна, 12) Алексѣй Петровичъ, 13) Петръ II, 14) Анна Іоанновна, 15) Анна Леопольдовна, 16) Іоаннъ VI, 17) Елизавета I, 18) Анна Петровна, 19) Петръ III, 20) Петру III, 21) Екатерина II, 22) Екатеринѣ II, 23) Павелъ I, 24) Маріи Ѳеодоровна, 25) Александръ I, 26) Елизавета Алексѣевна.

Всѣ портреты гравированы пунктиромъ и отпечатаны, кромѣ портрета Дмитрія Самозванца, въ рамкахъ съ рѣзными украшеніями. На нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются подписи граверовъ: Осипова, Цыпгерова и Н. Иванова. Описаніе этого изданія взято съ экземпляра Остроглазова; описываемый Ровинскимъ экземпляръ нѣсколько отъ него разнится. Это роскошное изданіе выходило выпусками, подъ заглавіемъ: „Пантеонъ Россійскихъ Государей съ изображеніями ихъ портретовъ"; оно въ полномъ видѣ весьма рѣдко. Часть помѣщенныхъ въ „Пантеонѣ" портретовъ были копированы еще въ двухъ изданіяхъ, а именно въ „Историческихъ картахъ для дѣтей" и въ изданіи Трегубова: „Слава Россіи".

917. **ФОНТЕНЕЛЬ**. Разговоры о множествѣ міровъ господина Фонтенеля, Парижской Академіи Наукъ Се-

«Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий (1720–1870): с пометами А.В. Петрова

подписью «Любитель», принадлежащая Павлу Давыдовичу Эттингеру (1866–1948), в которой автор высказывает свои замечания относительно работы Верещагина и предлагает список из 25 изданий, не вошедших в него[12]. Этой публикацией автор хотел не только продолжить «уважаемый труд», но призвать других читателей последовать его примеру. Список составлен на основе личного собрания. Он включает издания художественной литературы, книги военной тематики, сборники портретов, изданные с 1797 по 1869 год на русском языке. Расположение материала произвольное. Составитель не задумывался над методическими принципами работы, так как основной задачей полагал внесение дополнений в общий труд. Библиографическая запись состоит из библиографического описания издания и кратких справочных сведений об имеющихся в нем иллюстрациях. Характеристика иллюстративного ряда включает сведения о количестве гравюр, виньеток, месте их размещения (в тексте, вне текста), указание подписи под иллюстрацией, если таковая имеется, или ее название, сформулированное владельцем книги, фамилия гравера и рисовальщика. Выполняя описания, составитель следовал правилам, принятым в работе В.А. Верещагина. Полнота сведений об иллюстративном ряде изданий различна, несмотря на то, что описания выполнялись по экземплярам из личной библиотеки. Компенсируя недостаток фактической информации, автор дает собственные оценки внешнего вида и качества гравюр. Таким образом, мы имеем дело с попыткой коллекционера поделиться имеющейся у него информацией.

Библиографирование книжной графики показало важность учета иллюстративного материала в период, когда сама графика достигла расцвета, когда появилась профессия художника книги. Первый библиографический опыт продемонстрировал характерную для этого направления черту — неразрывную связь библиографии книжных иллюстраций с библиографией иллюстрированных книг.

Адресованный в первую очередь коллекционерам, библиофилам, антикварам, библиографический указатель выходит за рамки коллекционерских интересов. Библиография иллюстраций имела огромное значение и для специалистов, изучающих историю искусств, и для художников, граверов, литографов. Н.А. Обольянинов писал в 1911 году: «История гравюры и литографии не может быть успешно разработана

[12] *[Эттингер П.Д.]* Примечания, сделанные Любителем к книге «Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий», библиографический опыт В.А. Верещагина. СПб., 1898 // Антиквар. 1902. № 2 (май). С. 36–40.

до тех пор, пока не будет составлено возможно полного описания иллюстрированных книг»[13]. Увеличивается число библиофилов, стремящихся разыскать, сохранить и описать русские иллюстрированные издания, выходившие в прошлом. Это издание было необходимо не только библиофилам, но и библиотекарям, специалистам, изучающим историю русского книжного искусства, художникам, граверам.

Косвенным доказательством наличия у книги более широкой читательской аудитории, чем только коллекционерский круг, может служить тот факт, что к 1914 году весь поступивший в продажу тираж, а это 400 из 425 нумерованных экземпляров, был распродан[14].

Этот библиографический опыт, депозитарий книжного искусства, не просто отразил вкусы и предпочтения сверстников Верещагина — плеяды блестящих знатоков истории книги и книжной графики, он сохраняет их знания и опыт для следующих поколений, способствует формированию новых ценителей, учит их трепетному отношению к книге, учит понимать и ценить ее красоту, сохранять, изучать и развивать искусство книги.

---

[13] *Обольянинов Н.А.* Заметки о русских иллюстрированных книгах 1740–1860 годов. Ч. I // Русский библиофил. 1911. № 1 (январь). С. 51.

[14] *Верещагин В.А.* Памяти прошлого: статьи и заметки. СПб., 1914.

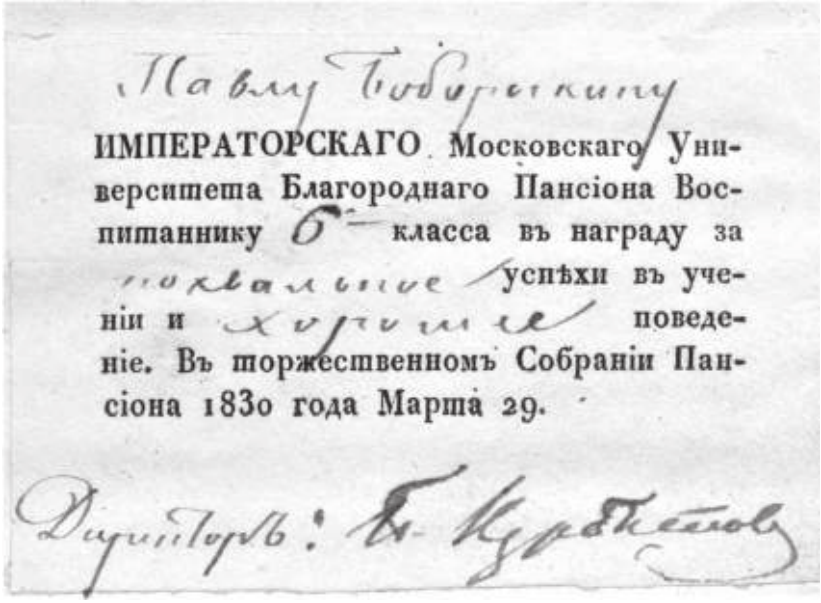
Алексей Востриков

НАГРАДНЫЕ КНИГИ В ФОНДЕ БИБЛИОТЕКИ БЕСТУЖЕВСКИХ КУРСОВ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ВУЗОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Традиция награждать отличившихся учеников книгами возникла в учебных заведениях давно и жива до сих пор. Мы встречаем упоминания о ней в официальных отчетах, мемуарных и эпистолярных свидетельствах, многие из нас сами были свидетелями — и «объектами» таких награждений. Вместе с тем этот обычай чаще всего носил неформальный характер и если и упоминался в регламентирующих документах, то в самых общих чертах. В каждом конкретном учебном заведении приобретение книг, предназначенных для награды, их выбор, переплет, форма и текст наградной записи определялись сиюминутными возможностями и случайными обстоятельствами. Полученные таким образом книги впоследствии часто хранились у владельцев в особом мемориальном статусе, передавались из поколения в поколение как семейные реликвии. Некоторые из них со временем попали в архивные или библиотечные фонды. В последние годы появилось несколько работ, в которых представлены наградные экземпляры из разных фондов[1]. Сейчас происходит накопление материала, который в будущем позволит сделать замечательную традицию книжной награды предметом специального изучения.

В настоящем сообщении мы хотим представить наградные экземпляры, выявленные нами в фонде Библиотеки Бестужевских курсов На-

[1] См.: *Волоскова С.Е.* Книги — награды за учебу в учебных заведениях России XIX–XX веков. По материалам фондов Фундаментальной библиотеки Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: сборник научных трудов. Вып. 19. СПб., 2018. С. 291–298; в статье приведены ссылки на работы, затрагивающие эту тему (С. 297–298). См. также: *Долгова А.И.*, *Субботина Е.В.* Наградные книги в русском фонде Всероссийского музея А.С. Пушкина // Михайловская пушкиниана. Вып. 92. Сельцо Михайловское, 2022. С. 29–50; эта публикация ценна не только обширным представленным материалом, но и подобранными мемуарными свидетельствами, касающимися традиции книжного награждения.


Павлу Боборыкину
ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета Благороднаго Пансіона Воспитаннику 6 класса въ награду за похвальные успѣхи въ ученіи и хорошее поведеніе. Въ торжественномъ Собраніи Пансіона 1830 года Марта 29.
Директоръ: П. Курбатовъ

Максимович М.А. Основания ботаники. Ч. 1. М., 1828.
Наклейка с текстом наградной записи на форзаце.
Экземпляр из фонда Библиотеки Бестужевских курсов НБ СПбГУ

учной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета (НБ СПбГУ). Все они представляют интерес в связи с фигурами их владельцев (т. е. отличившихся учеников), учебными заведениями и выявленными нами обстоятельствами награждения.

1. *Максимович М.А*. Основания ботаники. Ч. 1: Органология. М.: тип. С. Селивановского, 1828. [6], XVI, 142 с., 2 л. илл.; 21 см. Переплет кожаный с золотым тиснением на крышках и на корешке. На форзаце посредине наклеен бумажный фрагмент с типографским текстом и вписками от руки чернилами: «Павлу Боборыкину Императорского Московского университета Благородного пансиона воспитаннику 6 класса в награду за похвальные успехи в учении и хорошее поведение. В торжественном Собрании Пансиона 1830 года Марта 29. / Директор: П. Курбатов».

Московский университетский благородный пансион был основан в 1779 году как университетская гимназия; размещался он в специально для него купленном здании; в 1818 году получил права, равные с Царскосельским Лицеем. В пансионе был установлен шестилетний курс обучения (впрочем, многие пансионеры и полупансионеры поступали сразу во второй, третий или четвертый класс). Среди преподавателей были замечательные ученые и педагоги: словесники А.Ф. Мерзляков и С.Е. Раич, математик Д.М. Перевощиков, юрист Н.Н. Сандунов; естественную историю в старших классах преподавал М.А. Максимович, бывший одновременно преподавателем университета и заведующим университетским ботаническим садом. Пансион находился в постоянном и очень тесном общении с университетом; при этом в нем была и собственная богатая библиотека, действовало литературное общество, выпускались рукописные журналы. Среди известных выпускников можно назвать А.С. Грибоедова, А.П. Ермолова, В.А. Жуковского, Н.И. Тургенева, Ф.И. Тютчева, декабристов П.Г. Каховского, А.И. Якубовича, И.Д. Якушкина и многих других.

Император Николай I к пансиону относился с некоторым предубеждением, что легко объясняется второй частью приведенного выше списка. Весной 1830 года он был в Москве. 11 марта, вероятно, отстояв поминальную службу по убитому 29 лет тому назад отцу и находясь в соответственном расположении духа, он вдруг решил посетить университетский пансион. Замечательное описание этого посещения оставил Д.А. Милютин, на тот момент воспитанник пятого класса, а впоследствии граф и военный министр:

«Оно было до того неожиданно, непредвиденно, что начальство наше совершенно потеряло голову. На беду, государь попал в пансион во время «перемены» между двумя уроками, когда обыкновенно учителя уходят отдохнуть в особую комнату, а ученики всех возрастов пользуются несколькими минутами свободы, чтобы размять свои члены после полуторачасового сидения в классе. В эти минуты вся масса ребятишек обыкновенно устремлялась из классных комнат в широкий коридор, на который выходили двери из всех классов. Коридор наполнялся густою толпою жаждущих движения и обращался в арену гимнастических упражнений всякого рода. В эти моменты нашей школьной жизни предоставлялась полная свобода жизненным силам детской натуры; «надзиратели», если и появлялись в шумной толпе, то разве

только для того, чтобы в случае надобности обуздывать слишком уже неудобные проявления молодечества.

В такой-то момент император, встреченный в сенях только старым сторожем, пройдя через большую актовую залу, вдруг предстал в коридоре среди бушевавшей толпы ребятишек. Можно представить себе, какое впечатление произвела эта вольница на самодержца, привыкшего к чинному, натянутому строю петербургских военно-учебных заведений. С своей же стороны, толпа не обратила никакого внимания на появление величественной фигуры императора, который прошел вдоль всего коридора среди бушующей массы, никем не узнанный… Озадаченный, разгневанный государь, не сказав ни слова, прошел далее в 6-й класс и только здесь наткнулся на одного из надзирателей, которому грозно приказал немедленно собрать всех воспитанников в актовый зал. Тут наконец прибежали, запыхавшись, и директор, и инспектор, перепуганные, бледные, дрожащие. Как встретил их государь — мы не были уже свидетелями; нас всех гурьбой погнали в актовый зал, где с трудом, кое-как установили по классам. Император, возвратившись в зал, излил весь свой гнев и на начальство наше, и на нас, с такою грозною энергией, какой нам никогда и не снилось. Пригрозив нам, он вышел и уехал, а мы все, изумленные, с опущенными головами, разошлись по своим классам. Еще больше нас опустило головы наше бедное начальство»[2].

Последствия не заставили себя долго ждать. 29 марта 1830 года на ежегодном торжественном акте был оглашен высочайший указ, согласно которому пансион подлежал преобразованию в гимназию на общих основаниях. Описание этого торжественного акта, ставшего, таким образом, последним в истории замечательного учебного заведения, было помещено в «Дамском журнале»: «Быть свидетелем ни с чем не сравненного счастия в наилучший период жизни человеческой — значит самому наслаждаться счастием. И мы наслаждались им, взирая на блистающие радостию лица воспитанников, получающих классные чины и отличные

[2] *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / под ред. заслуж. орд. проф. Воен. акад. Ген. штаба ген.-лейт. Г.Г. Христиани. Т. 1. Кн. 1–3. Томск, 1919. С. 59. Мемуарист ошибся в хронологии, отнеся высочайший визит к осени 1830 года. См.: *Бродский Н.Л.* Московский Университетский Благородный пансион эпохи Лермонтова. Из неизданных воспоминаний графа Д.А. Милютина // М.Ю. Лермонтов. Статьи и материалы. М., 1939. С. 3–15.

награды при звуке труб — перед взорами родителей! Какие минуты для юных сердец! и какое торжество для отца и матери! Так! подобное счастие не может ни с чем сравниться!.. (…) По окончании чтения розданы награды, состоявшие в золотых и серебряных медалях, математических инструментах, книгах и картинах, и возвещено имя достойнейшего и служившего для других примером воспитанника, г-на Малыгина, долженствующее остаться на золотой доске в зале Пансиона»[3].

К сожалению, список выступавших и награжденных воспитанников (опущенный нами) в «Дамском журнале» неполон: среди названных нет ни Павла Боборыкина, ни воспитанника пятого класса «Михайлы Лермантова». Нигде нет и указаний, чем именно был награжден каждый из отличившихся воспитанников. Награду Боборыкина мы теперь видим: труд одного из своих учителей. Что получил Лермонтов в 1830 и в 1829 годах, когда он также был среди награжденных, не знаем, однако теперь можем предположить, что это была «Ручная математическая энциклопедия» другого их преподавателя, Д.М. Перевощикова, — сохранились воспоминания о том, что он бережно хранил ее и часто пользовался ею впоследствии, при учебе в Школе гвардейских подпрапорщиков[4].

М.Ю. Лермонтов пансион не окончил: вскоре после объявленных преобразований он уволился по прошению и осенью поступил в Московский университет.

Павел Васильевич Боборыкин (Бобарыкин; 1812–?), товарищ Лермонтова по классу, остался в пансионе и в 1832 году его окончил. О дальнейшей его судьбе ничего не известно[5]. Полученная им в награду книга поступила в библиотеку Бестужевских курсов в 1899 году в со-

---

[3] О публичном акте в Университетском Благородном Пансионе по случаю выпуска воспитанников, окончивших курс учения // Дамский журнал. 1830. Ч. 30. № 17. С. 59–61.

[4] См.: *Бродский Н.Л.* Московский Университетский Благородный пансион эпохи Лермонтова. Из неизданных воспоминаний графа Д. А. Милютина. С. 5. Скорее всего, имеется в виду 2-е издание: *Перевощиков Д.М.* Ручная математическая энциклопедия. Кн. 1. Арифметика. 2-е изд., испр. М.: Унив. тип., 1829. – [4], IV, 235, [5] с., 1 л. факс.; 15 см.

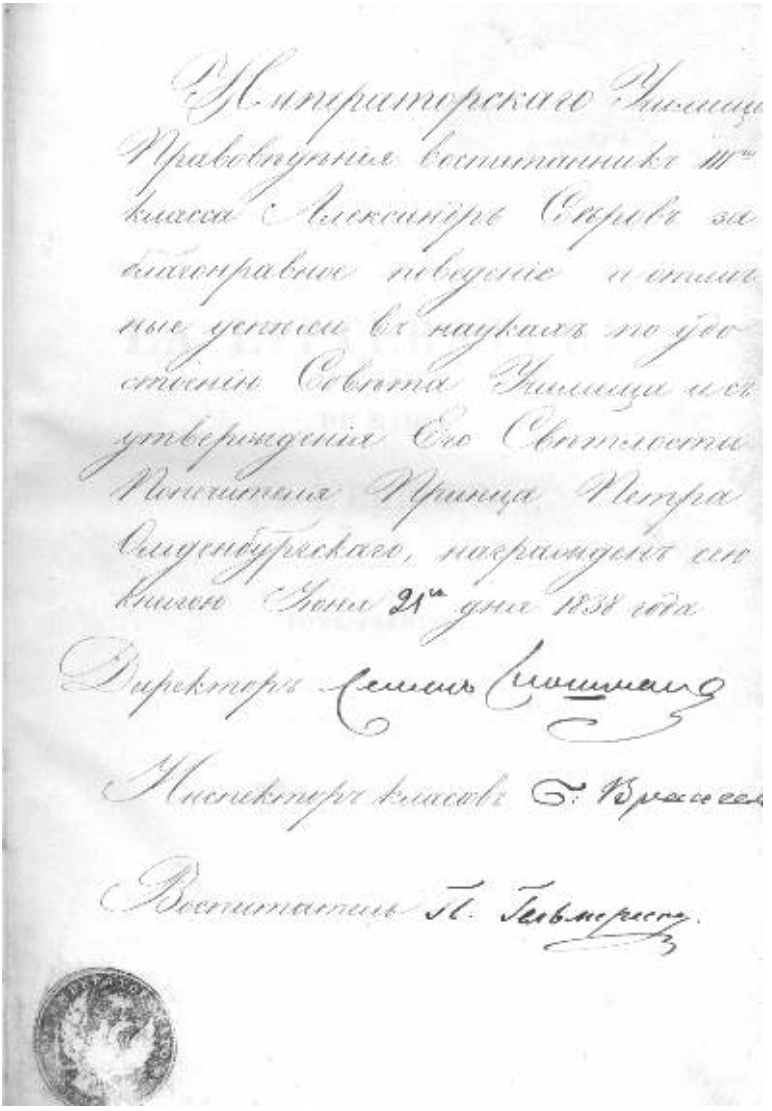
[5] См.: *Майский Ф.* Новые материалы к биографии М.Ю. Лермонтова. (Из документов о пребывании поэта в Благородном пансионе в 1828–1830 годах) // Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова. Исследования и материалы. Сб. 1. М., 1941. С. 638.

ставе пожертвованного собрания химика И.А. Тютчева от его вдовы и дочерей[6]. Каким образом книга П.В. Боборыкина оказалась у И.А. Тютчева — неизвестно.

2. *Simonde de Sismondi J. C. L.* De la littérature du Midi de l'Europe. T. 1–2. Bruxelles: H. Dumont, 1837. IV, 583 + 709 с.; 23 см. Зеленый сафьяновый переплет с золотым тиснением на крышках и на корешке. На форзаце первого тома запись: «Императорского Училища Правоведения воспитанник III-го класса Александр Серов за благонравное поведение и отличные успехи в науках по удостоению Совета Училища и с утверждения Его Светлости Попечителя Принца Петра Ольденбургского награжден сею книгою Июня 25 дня 1838 года. / Директор: Семен Пошман / Инспектор классов: Б<арон> Врангель / Воспитатель: П. Гельмерсен<?>».

Императорское училище правоведения было открыто в 1835 году по инициативе принца П.Г. Ольденбургского, ставшего его высочайшим попечителем. Училище было «перворазрядным» закрытым учебным заведением, уравненным в статусе с Царскосельским Лицеем; оно состояло в ведении Министерства юстиции и имело целью подготовку квалифицированных государственных чиновников. Разместилось оно в специально для него перестроенном здании на Фонтанке, напротив Летнего сада. Набор был ограниченным (не более 100 человек). Срок обучения составлял шесть лет, а с 1838 года — семь лет, с разделением на гимназический и университетский (три старших) курсы; среди преподавателей были известные ученые и педагоги, в том числе университетские профессора. Большинство выпускников училища, просуществовавшего до 1917 года, действительно стали чиновниками и достигли министерских должностей (А.Г. Булыгин, И.Л. Горемыкин, К.П. Победоносцев, И.Г. Щегловитов и другие), другие стали общественными и политическими деятелями (А.К. фон Мекк, В.Д. Набоков), деятелями искусства (И.С. Аксаков, Н.Н. Евреинов, В.В. Стасов, П.И. Чайковский и другие).

[6] См.: Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета (ОРКР НБ СПбГУ). Инвентарь [библиотеки Высших женских курсов]. Книга частных пожертвований № 1. С. 83. См. также: Общество для доставления средств Высшим женским курсам. Отчет за 1899–1900 годы. СПб., 1901. С. 43.



Simonde de Sismondi J. C. L. De la littérature du Midi de l'Europe. T. 1. Bruxelles, 1837.
Наградная запись на форзаце.
Экземпляр из фонда Библиотеки Бестужевских курсов НБ СПбГУ

Александр Николаевич Серов (1820–1871) был в первом наборе училища; во время учебы и при окончании (1840) числился среди лучших воспитанников, в течение последующих 10 лет состоял на службе в Петербурге, Симферополе и Пскове, однако в 1850 году вышел в отставку (с чином действительного статского советника) и полностью посвятил себя музыке. А.Н. Серов не только писал музыку (в том числе три оперы: «Юдифь», «Рогнеда» и «Вражья сила»), но также занимался педагогикой, музыкальной критикой и теорией музыки.

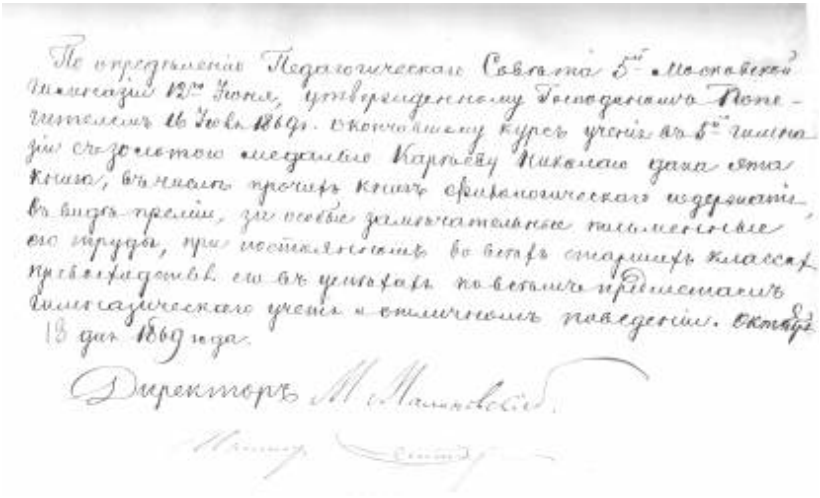
Наградная книга поступила в фонд библиотеки Бестужевских курсов в 1885 году в составе книжного собрания композитора, пожертвованного курсам его вдовой В.С. Серовой. В отчете сообщалось: «Вдова известного покойного композитора А.Н. Серова пожертвовала курсам часть библиотеки покойного ее мужа, состоящую большею частию из английских, французских и немецких сочинений образцовых беллетристов прошлого и первой половины нашего века. Г-жою Серовою пожертвовано 129 сочинений в 488 томах. Согласно желанию жертвовательницы, все доставленные ею книги помещены в отдельном шкапе и собранию их присвоено наименование «Серовского»[7].

3. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. 5: V. VI. Псковские и Софийские летописи. СПб.: Археогр. ком., 1851. VI, 279 с., 2 л. факс.; 32 см.

То же. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. 1863. VII с., 506 стб., 1 л. факс.; 32 см.

На форзацах обеих книг записи с идентичным текстом: «По определению Педагогического Совета 5-й Московской гимназии 12-го Июня, утвержденному Господином Попечителем 16 Июля 1869 г. окончившему курс учения в 5-й гимназии с золотою медалью Карееву Николаю дана эта книга, в числе прочих книг филологического содержания, в виде премии за особые замечательные письменные его труды, при постоянном во всех старших классах превосходстве его в успехах по всем предметам гимназического учения и отличном поведении. Октября 18 дня 1869 года. / Директор М. Малиновский. / Инспектор Ф. Миллер».

[7] Общество для доставления средств Высшим женским курсам. Отчет за 1885–1886 годы. СПб., 1887. С. 10.



Полное собрание русских летописей… Т. 5. СПб., 1851.
Наградная запись на форзаце.
Экземпляр из фонда Библиотеки Бестужевских курсов НБ СПбГУ

Пятая Московская гимназия была основана в 1865 году: первая гимназия так разрослась, что было принято решение отделить семь классов (из 18) и дать им особое название и особый педагогический совет; директор был общий на обе гимназии — Михаил Афанасьевич Малиновский, и заниматься «отделенные» классы продолжали, как и раньше, в особняке на Волхонке, напротив уже достроенного, но еще не отделанного изнутри и не открытого храма Христа Спасителя.

Николай Иванович Кареев (1850–1931), будущий выдающийся историк, профессор Петербургского университета и Бестужевских курсов, поступил в пятую гимназию как раз при ее отделении, в 1865 году. Впоследствии он вспоминал: «О гимназии у меня сохранились наилучшие воспоминания… В гимназии царил порядок и дисциплина, но ученики не были запуганы, а педагоги, большею частью, были гуманные, доброжелательные»[8]. Кареев отличался в учебе с самого начала: «С первой же «пересадки» в середине первого полугодия я сел в классе первым

[8] *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое / подг. текста, вступ. статья и комм. В.П. Золотарева. Л., 1990. С. 97.

и был записан первым на «золотую доску», сохранив это свое место до окончания курса»[9]. К своему первенству и сам он, и его одноклассники относились весьма щепетильно. В воспоминаниях одного из педагогов, Е.В. Белявского, рассказана история о том, как однажды, по дисциплинарной причине, директор приказал стереть имя Кареева с «золотой доски». На следующий день стертыми оказались все имена, и легко сознавшийся в совершении этой дерзости «второй» ученик так объяснил свой поступок: «Если Кареева стерли с золотой доски, то мы никто не желаем быть на этой доске»[10]. Этим «вторым» был одноклассник и товарищ Кареева — Владимир Соловьев, сын знаменитого историка и сам впоследствии знаменитый философ.

Наградные книги поступили в библиотеку Бестужевских курсов от самого Н.И. Кареева в 1912 году в составе объемного пожертвования (254 тома)[11].

* * *

Мы видим, что в учебных заведениях старались выбрать для награждения книги, соответствующие (хотя бы в общем направлении) интересам награждаемого: склонному к основательным историческим исследованиям Карееву — научное издание летописей, творческому гуманитарию Серову — книгу о литературе; об интересах Боборыкина мы практически ничего не знаем. Это говорит скорее в пользу того, что книги приобретались для награждения окказионально, исходя из личностей награждаемых, а не на основании какой-то установленной стратегии. В судьбе наградных книг в собраниях их владельцев мы тоже можем увидеть как сходство (все экземпляры в хорошем физическом состоянии, что свидетельствует о бережном к ним отношении), так

[9] *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое.

[10] *Белявский Е.В.* Педагогические воспоминания: 1861–1902 годы. М., 1905. С. 57. Ср. описание этой истории: *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С. 108.

[11] См.: ОРКР НБ СПбГУ. Инвентарь [библиотеки ВЖК]. Книга частных пожертвований № 2. С. 192 (запись о пожертвовании датирована 1 ноября 1912 года); С.-Петербургские высшие женские курсы за 1912–1913 годы. СПб., 1914. С. 139 2-й паг. Пожертвование было осуществлено, вероятно, при участии жены Н.И. Кареева Софьи Андреевны, бывшей в это время членом Комитета Общества для доставления средств ВЖК и участвовавшей в заведовании библиотекой. В конце 1912 года Кареевы переехали на новую квартиру.

и различия. Впрочем, представленные нами три эпизода не дают материала для сколько-нибудь серьезных обобщений.

В библиотеке Бестужевских курсов поддерживалось уважительное отношение к жертвователям и книжным дарам, составлявшим преимущественный объем пополнения фонда. Наиболее значительные пожертвования сохранялись на именных шкафах; в этом случае имя бывшего владельца собрания становилось частью библиотечного шифра и отмечалось на каждой книге; в печатных каталогах именные шкафы были оговорены в специальном примечании. Многие издания имели на себе экслибрисы и суперэкслибрисы, владельческие и дарственные записи[12]. Создавалась ситуация, при которой слушательницы, взяв в библиотеке книгу с какой-то вполне конкретной практической целью, одновременно получали и модальность внимательного и уважительного отношения к ней. Курсистки как бы включались в общий ряд предыдущих владельцев и читателей книги — известных ученых, деятелей искусства, или же, наоборот, совершенно неизвестных людей; приобщались к общей для всех любви к книге. Немаловажное значение имел и сам внешний вид главного зала библиотеки Бестужевских курсов. Интерьер, выполненный по эскизу архитектора А.Ф. Красовского в стиле северной псевдоготики, впечатлял посетителей картиной всеобъемлющей красоты человеческого знания. Естественно, что наградные книги в этом отношении оказывались особенно выразительными. Взяв такую книгу, курсистка неизбежно, пусть даже на подсознательном уровне, хотела соответствовать прочитанной на форзаце наградной записи, показывая «благонравное поведение и отличные успехи в науках».

Традиция награждений (в том числе книжных) была важным стимулирующим фактором в воспитательной системе. Однако Бестужевские курсы, как высшее учебное заведение университетского типа, считали себя учреждением не воспитательным, а образовательным[13]. Какая-либо соревновательность между слушательницами отсутствовала. Ни уставом курсов, ни сложившимися обычаями не было предусмотрено выяв-

[12] Подробнее см.: Библиотека Бестужевских курсов: Историческая хроника в свидетельствах и документах / сост. А.В. Востриков. СПб., 2009.

[13] Это противопоставление в дореволюционной России было весьма существенным и поддерживалось даже на лексическом уровне: учащиеся гимназий и институтов благородных девиц назывались «воспитанницами»; это слово никогда не применялось к слушательницам высших курсов.

ление «первых» или запись особо выдающихся слушательниц на «золотые доски» и в памятные альбомы. Неизвестны нам и случаи книжных награждений. Однако курсистки прекрасно помнили собственные гимназические или институтские годы и понимали значение награды. А после окончания курсов большинство выпускниц стали педагогами. И если им довелось награждать книгами своих учеников, возможно, они были вдохновлены не только собственными ученическими воспоминаниями, но и давней традицией, с которой они столкнулись, взяв книгу из курсовой библиотеки.

Елена Субботина

«ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ ЮНОШЕСТВА»: УЧЕБНИКИ, НАПИСАННЫЕ ДЛЯ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ, В РУССКОМ КНИЖНОМ ФОНДЕ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА

В отделе книжных фондов Всероссийского музея А.С. Пушкина хранится коллекция учебников XVIII — начала XX века. В ее основу легли книги, написанные лицейскими педагогами. При открытии Лицея в 1811 году остро стоял вопрос об учебных пособиях, поскольку учебников для высших учебных заведений в России в это время почти не было. Потребность в создании учебников по своим предметам испытывали все лицейские преподаватели. Создание учебных пособий являлось одной из их обязанностей, поощрялось начальством. Почти все преподаватели, которых собрал вокруг себя первый директор Лицея В.Ф. Малиновский, стали впоследствии авторами учебников, а кто-то из лицейских педагогов начал составлять учебники еще до открытия Лицея.

Но надо сказать, что и в XVIII веке педагоги различных учебных заведений тоже составляли для своих учеников учебники. Достаточно вспомнить Леонтия Филипповича Магницкого, преподавателя Навигацкой школы, и его «Арифметику» ***(см. Приложение в конце статьи)***, по распоряжению Петра написанную «ради народныя пользы» и напечатанную в 1703 году, или Николая Гавриловича Курганова, ученика Л.Ф. Магницкого, преподававшего в Морском корпусе и составившего ряд учебников, среди которых надо отметить известный «Письмовник» и «Арифметику, или Числовник».

Во второй половине XVIII века в России начинается реформа образования. Правительство Екатерины II искало новые идеи и формы организации учебных заведений, так как в стране постоянно ощущалась потребность в грамотных и образованных людях. В 1780 году императрица узнала от австрийского императора Иосифа II об успешно проведенной в Австрийской империи школьной реформе. Она была начата в 1774 году известным педагогом И.И. Фельбигером и в основном сво-

дилась к созданию во всех городах начальных школ, а далее главных училищ, готовивших к высшему образованию или к практической жизни, а также к учреждению в каждой провинции школ для подготовки учителей для училищ. Одновременно была проделана работа по составлению учебников. Екатерина II решила принять австрийскую систему начального народного образования. В сентябре 1782 года была создана Комиссия для заведения в России народных училищ. Для проведения реформы в Россию был приглашен Федор Иванович Янкович де Мириево (1741–1814), который участвовал в устроении народных училищ в Австрии. Он знал русский язык и по вероисповеданию был православным. Янкович прибыл в Петербург в августе 1782 года и проработал в России в области народного образования около 30 лет.

По предложению Янковича в губернских городах создавались главные народные училища, в которых учились пять лет, а в уездных городах открывались малые училища, рассчитанные на два года обучения. Помимо этого в 1783 году в Петербурге открывается первое специальное заведение для подготовки учителей — учительская семинария, директором который был назначен Янкович де Мириево.

Главным методическим документом, определяющим деятельность учителей, раскрывающим содержание, методы и формы обучения, становится «Руководство учителям первого и второго класса» И.И. Фельбигера (СПб., 1783), которое перевел Михаил Александрович Ковалев, учитель академической гимназии, переводчик Академии наук и секретарь Комиссии народных училищ. В музее хранятся два экземпляра этого издания. Один экземпляр со штампом фундаментальной библиотеки Вятского духовного училища, другой с несколькими владельческими записями из библиотеки народного училища (к сожалению, не указан город, где находилось это училище). На обороте титульного листа есть надписи середины XIX века: «Подарок Федота Иконикова любезному своему товарищу Николаю Андреев[ичу]. Кукину на память» и ниже надпись: «Свидетель Иван Фаворский 1853 года», а на обороте последней страницы: «Собственность ученика 3 класса Николая Кукина 1853 года ноября».

В августе 1786 года Екатерина II утвердила «Устав народным училищам Российской империи». В его разработке принимали участие члены Комиссии для заведения в России народных училищ, члены Академии наук, но главная роль в написании «Устава» принадлежала Янковичу де Мириево.

В книжном фонде музея хранится экземпляр этого интереснейшего документа, регламентировавшего все стороны деятельности народных училищ. Малые и главные училища были преемственно связаны, в начальных классах обучали чтению, письму, закону Божиему, русской грамматике, арифметике и рисованию, в старших классах должны были преподавать грамматику, арифметику, геометрию, физику, естественную историю, русскую и всеобщую историю, географию, астрономию, архитектуру. Преподавание должно было вестись на «языке природном» — то, за что ратовал и чему придавал большое значение М.В. Ломоносов. Ученики, которые предполагали продолжить обучение в гимназиях и университетах, могли дополнительно изучать латынь, кроме этого в училищах осваивали такой иностранный язык, «какой по соседству каждого наместничества находится». Уставом была утверждена классно-урочная система преподавания, появилось расписание уроков, классный журнал, устанавливались дни начала занятий и сроки проведения экзаменов. Обучение было бесплатным. Уставом предусматривалось создание библиотеки при Главном народном училище, также училищам рекомендовалось иметь коллекции наглядных пособий. Основное место в уставе занимает раздел «О должностях учительских». Учитель должен был быть примером для учеников: «Наипаче же требуется, чтобы учителя подавали учащимся своим собственным поведением и поступками примеры к благочестию, дружелюбию, учтивости и прилежанию». Учитель должен был иметь основательное познание в тех науках, которые он преподавал, излагать материал так, чтобы ученики «преподаваемые им предметы ясно и правильно понимали», а любовь к юношеству и терпение должны были сочетаться с умеренной строгостью и беспристрастием. Отношение к ученику не должно было зависеть от достатка его родителей. Помимо этого учитель должен был точно придерживаться учебного плана, а преподавание вести строго по учебникам.

Отдельный раздел был посвящен ученикам, их обязанностям, наказаниям за «ослушания» и поощрениям. Особо отличившимся дарили «по учебной книге в хорошем переплете за собственноручным подписанием директора».

В это время была переведена книга И.И. Фельбигера «О должностях человека и гражданина», ее чтение было рассчитано на весь период обучения, и часто отличившихся учеников награждали именно ей. В русском книжном фонде хранится два экземпляра этого издания, 1791

и 1796 годов. Один экземпляр был подарен в Новороссийской главной школе с надписью: «Подарена сия книга от Новороссийскаго приказа общественнаго призрения Новороссийской главной школы ученику 2-го класса Платону Любенкову за благонравие, прилежание и оказанные успехи при открытом испытании 1800 года июля 31 дня в Новороссийске». Другой экземпляр был вручен в Вышневолоцком уездном училище с надписью: «Вышневолоцкаго уезднаго училища ученику Алексею Сорокину 30 августа 1805 г. Старший учитель Веревкин».

Самая ранняя наградная книга в русском фонде — это вторая часть «Руководства к арифметике: Для употребления в народных училищах Российской империи» (СПб., 1786), которая была вручена в Новоладожском училище в 1790 году, о чем свидетельствует надпись на обороте свободного листа переднего форзаца: «Сия арифметика подарена от Новоладогскаго градоваго училища учителя Михайлы Малиновскаго, новоладогскому второй гильдии купецкому сыну Александры Васильиву Попову 1790 году генваря 18-го дня».

Янкович де Мириево был не только директором Главного училища и Учительской семинарии в Петербурге — он был автором, составителем и редактором большого количества учебников, учебных пособий, правил, методических указаний и руководств. Он составил «Руководство к чистописанию для юношества в народных училищах Российской империи» (СПб., 1782) и «Прописи, расположенные по правилам Руководства к чистописанию» (СПб., 1782), «Российский букварь для обучения юношества» (СПб., 1782), «Сокращенный катехизис для обучения юношества православному закону христианскому» (СПб., 1797), «Правила для учащихся в народных училищах» (СПб., 1782), «Краткую священную историю церкви Ветхого и Нового завета» (СПб., 1784), первую часть «Всемирной истории» (СПб. 1787) — и был редактором второй и третьей частей, написанных И.Ф. Яковкиным, ставшим впоследствии профессором истории, географии и статистики Казанского университета.

Также Янковичем де Мириево была написана «Краткая российская история» (СПб., 1799). Она была создана на основе материалов, собранных И.М. Стриттером, которому еще в 1783 году Комиссия народных училищ поручила создание истории Российского государства для народных училищ по плану, составленному Янковичем. Но работа затянулась на 17 лет, и стало понятно, что фундаментальный научный труд Стриттера не может стать руководством для начальной школы. Поэтому

Янкович решил сам создать подходящее учебное пособие по истории, которое и было издано на три года раньше, чем был напечатана «История Российского государства» Стриттера[1].

В книжном фонде музея хранятся три тома второго издания «Всемирной истории» (СПб., 1789–1800) и первый том третьего издания (СПб., 1799). На верхней крышке первого тома (СПб., 1789) есть тисненая надпись: «За прилежание и благонравие», то есть эта книга была предназначена в качестве наградной. Другие экземпляры ранее находились в библиотеке петербургской Медико-хирургической академии, высшего специального учебного заведения, созданного в 1798 году из ранее существовавшего в Петербурге медико-хирургического училища. На обороте титульных листов стоит штамп на латыни: «Ex bibliotheca academiae medicochir. petropolitanae».

В училищах также по-новому решался вопрос о преподавании религии: преподавателей-священников в училищах не было, эти предметы должны были вести гражданские учителя. Им же поручалось составление учебников священной истории и катехизиса. Автором одного из таких учебников также был Янкович де Мириево.

В музее хранится седьмое издание «Краткой священной истории церкви Ветхого и Нового завета» (СПб., 1799). Экземпляр в полукожаном переплете, на передней крышке и на форзаце которого есть запись черными чернилами: «Maitieu De Mouravieff Apostol». На крышке еще приписан год: «1809», а рядом с фамилией на форзаце другая дата: «1890». Чуть ниже другим почерком на французском языке написано: «Son fils a été perdu dans la dernier conspiration 1826» («Его сын был потерян во время последнего восстания 1826»).

По всей вероятности, книга принадлежала Матвею Ивановичу Муравьеву-Апостолу — декабристу, участнику восстания Черниговского полка, автору воспоминаний. Его братья Ипполит и Сергей также были декабристами. Сергей был казнен как один из предводителей восстания в 1826 году. В записи на книге скорее всего содержится ошибка: «son fils» (его сын) перепутано с «son frère» (его брат), так как казнен был именно его брат, а единственный сын умер в 1837 году. В дате «1890» на форзаце, видимо, тоже описка, поскольку Матвей Иванович умер в 1886 году, правильная же дата стоит на крышке переплета — «1809».

[1] *Смагина Г.И.* Академия наук и российская школа. СПб., 1996. С. 132–134.

До этого времени Матвей вместе с братом Сергеем учились в частном пансионе в Париже, в Россию вернулись в 1809 году, а осенью 1810 года оба брата были приняты в открывшийся институт Корпуса инженеров путей сообщения. Матвей Иванович мог пользоваться этим учебником.

Одним из важнейших вопросов, которые решала Комиссия народных училищ, было создание школьных учебников. На первом этапе было решено переводить иностранные учебники. С этой просьбой обратились в Академию наук. Много переводов было сделано Тимофеем Прокофьевичем Кирияком, выпускником академической гимназии. В русском фонде хранится переведенное им «Краткое описание нравов и обычаев древних римлян, изданное для употребления обучающегося юношества от Комиссии об учреждении училищ» (СПб., 1792).

Но переводы иностранных книг не могли полностью решить проблему нехватки учебных пособий, необходимы были свои оригинальные учебные книги.

В Учительской семинарии преподавали приглашенные адъюнкты Академии наук. Физико-математические предметы читал М.Е. Головин, естественную историю — В.Ф. Зуев, всеобщую историю и географию — И.Ф. Гакман. Они же были привлечены и к созданию русских учебников.

Учебники географии были написаны Иоганном Фридрихом Гакманом: «Краткое землеописание Российского государства, изданное для народных училищ Российской империи…» (СПб., 1787) для 3–4-х классов народных училищ и «Пространное землеописание Российского государства, изданное в пользу учащихся…» (СПб., 1787) — пособие для учителей и «в пользу учеников, старающихся приобрести основательное сведение о своем отечестве». Руководства Гакмана дают сведения как в области физической, так и в области экономической географии, характеризуют развитие и размещение промышленности, сельского хозяйства и населения России во второй половине XVIII века. К учебникам были составлены географические карты[2]. В 1788 году Гакман подготовил к зданию первую часть «Всеобщего землеописания», которая касалась описания Европы, вторую часть написал его ученик И.Ф. Яковкин под руководством Янковича де Мириево.

В книжном фонде музея хранится два экземпляра «Пространного землеописания Российского государства». Один экземпляр ранее

[2] *Смагина Г.И.* Академия наук и российская школа. С. 124.

находился в Царскосельской дворцовой библиотеке в Александровском дворце, на титульном листе стоит штамп: «Bibliothèque de Tsarskoe selo». На форзацах другого экземпляра есть большое количество записей бытового характера, хозяйственные списки товаров с ценами, подробные советы по посадке тюльпанов.

Первый русский учебник по естествознанию «Начертание естественной истории» (СПб., 1786) создал Василий Федорович Зуев, русский ученый-естествоиспытатель, путешественник, этнограф, академик Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. В свое время он учился в академической гимназии и академическом университете, в дальнейшем за границей в Лейдене и Страсбурге изучал естественную историю, физику, химию, метафизику. По возвращении в Россию Зуев был назначен адъюнктом Академии. Участвовал во многих академических экспедициях, в том числе в экспедиции П. Палласа[3].

Учебник Зуева, написанный для народных училищ, содержит описание «трех царств природы» — ископаемого, растительного и животного. Ко второй части прилагались иллюстрации — офорты резцом, изображение зверей, птиц, земноводных, взятые В.Ф. Зуевым из трудов Ж.Л. Бюффона, И.К. Шребера, П.С. Палласа. По отзыву П. Палласа, труд Зуева превосходил все иностранные руководства того времени по этому предмету. Он был напечатан с исправлениями и дополнениями, сделанными Палласом в 1787 году, в количестве 3 000 экземпляров. Зуеву было выдано вознаграждение в 1 000 рублей[4]. Четверть века это был основной учебник естествознания, он переиздавался пять раз большими тиражами (последнее издание было в 1814 году) и употреблялся в школах до 1828 года, когда естествознание было исключено из учебных планов. В музее хранятся первые части первого (1786) и второго (1789) издания.

Занятия членов Академии наук педагогической деятельностью вызывали недовольство у президента Академии наук княгини Е.Р. Дашковой. В 1784 году по ее распоряжению В.Ф. Зуев был уволен от академической службы. Только после того, как академик П. Паллас обратился к Екатерине II, Е.Р. Дашкова отменила приказ[5] . Чтобы в дальнейшем

[3] Русский биографический словарь. Жабокритский — Зябловский. Пг., 1916. С. 558–562.

[4] Там же. С. 563–564.

[5] Там же. С. 562–563.

у членов Академии наук не возникало проблем, императрица издала указ «О нечинении препятствия и затруднения профессорам, академикам и адъюнктам». В указе говорилось: «Кто из академиков, профессоров или адъюнктов употреблен будет тою Комиссиею для дел ей порученных, в том не надлежит препятствовать или же затруднений делать… И ежели кто… употреблен или же употреблен будет от Комиссии, оный место свое в Академии или в Университете со всеми к тому принадлежащими выгодами сохранять неотъемлемо долженствует»[6].

Зуев был также одно время редактором ежемесячного журнала «Растущий виноград», в 1785–1787 годах издававшегося совместно учащимися Учительской семинарии и Главного народного училища. «Растущий виноград» был первым в России студенческим журналом. В нем печатались научные статьи, переводы, стихотворения студентов и профессоров семинарии.

Значительный вклад в развитие учебной литературы внес Михаил Евсеевич Головин — адъюнкт и почетный член Петербургской академии наук, один из первых методистов-математиков. Головин по матери приходился племянником Михаилу Васильевичу Ломоносову, по чьей рекомендации в 1765 году он поступил в академическую гимназию. Впоследствии учился в академическом университете, где изучал физику у академика В.Л. Крафта, а математику — у Леонарда Эйлера[7]. Был ближайшим учеником и помощником выдающегося ученого, записывал его сочинения, участвовал в подготовке трудов. Он выполнил перевод знаменитой «Морской науки» Эйлера, дополнил и снабдил книгу обширными комментариями и замечаниями. Эта первая книга на русском языке по морскому и корабельному делу была напечатана в 1778 году под названием «Полное умозрение строения и вождения кораблей, сочиненное в пользу учащихся навигации Леонгардом Ейлером, а с французского подлинника переведенное Академии наук адъюнктом Михайлом Головиным».

Научные интересы Головина были очень широки, он занимался математикой, физикой, астрономией, с момента открытия Учительской семинарии занимал должность профессора математики. Он создал учебные пособия по арифметике, геометрии, механике, физике, математической географии и архитектуре: «Краткое руководство к физике»

[6] Полное собрание законов Российской Империи. 1830. Т. 22. № 15.948. С. 60–61.

[7] *Смагина Г.И.* Академия наук и российская школа. С. 110.

(СПб., 1785), «Краткое руководство к геометрии» (СПб., 1786), «Краткое руководство к гражданской архитектуре» (СПб., 1789), «Краткое руководство к математической географии и к познанию небесного шара» (СПб., 1787), «Плоская и сферическая тригонометрия с алгебраическими доказательствами» (СПб., 1789). Под его руководством было переведена вторая часть «Руководства к арифметике для употребления в народных училищах» (СПб., 1786). В музее хранится часть вторая «Руководства к арифметике» и «Краткое руководство к гражданской архитектуре или зодчеству». В предисловии к «Краткому руководству к гражданской архитектуре» автор указывает на пользу и важность изучения этого предмета в народных училищах. Для учителей даются методические указания по преподаванию: ученики читают по параграфу, учитель объясняет предмет и проверяет, как ученики поняли материал, большое внимание уделяется практической части, черчению сперва на доске, а потом на бумаге. К учебнику прилагались чертежи.

Учебники были написаны на самом высоком научном уровне, с учетом новейших открытий и достижений в науках, их отличает четкое построение, точность определений, краткость изложения. Они пользовались широкой известностью и неоднократно переиздавались. В течение 30–40 лет учебники Головина были единственными пособиями по физико-математическим дисциплинам в народных школах и оставили заметный след в истории развития математического образования. Головин уделял значительное внимание творческому развитию новейших дидактических идей XVIII века, связи науки с жизнью, сознательному усвоению материала, самостоятельной работе учащихся, доступности преподавания. Особенно настойчиво и последовательно он проводил в жизнь принцип наглядности обучения, создал первый в России физический школьный кабинет в Учительской семинарии и предлагал организовать такие же при всех училищах[8].

Первое время составленные учебные книги представлялись на утверждение Екатерине II подобно законодательным актам. В документах Комиссии народных училищ в Российском государственном историческом архиве (РГИА) сохранилось несколько рукописей учебников, на которых есть надпись императрицы «быть по сему». Это «Российский букварь», «Сокращенный катехизис», «Правила для учащихся» и «Руководство к чистописанию». В 1786 году был создан специальный

[8] *Смагина Г.И.* Академия наук и российская школа. С. 114–115, 126–130.

комитет, который занимался рассмотрением, оценкой и рекомендацией к публикации учебных книг.

В русском книжном фонде Всероссийского музея А.С. Пушкина хранится гравированное издание «Руководство, ведущее к удобному изучению российского чистописания» (СПб., 1782), написанное и изданное Александром Максимовичем Рыковым, членом Комиссии об учреждении училищ, и одобренное Екатериной II к публикации.

А.М. Рыков — писатель, переводчик Коллегии иностранных дел, был учителем у детей императора Павла I. Помимо «Руководства, ведущего к удобному изучению российского чистописания», составил целый ряд книг и пособий: «Способ изведанный опытом, писать на пергаменте, золотом и чернилами» (СПб., 1784), «Прописи российския, изданныя Александром Рыковым» (СПб., 1789), «Забавный вечерок» (СПб., 1790), «Тестиада, или Чтение для пользы и удовольствия» (СПб., 1806–1808).

Экземпляр «Руководства» из фонда Всероссийского музея А.С. Пушкина происходит из собрания Е.Н. Тевяшова, на форзаце наклеен экслибрис бывшего владельца. Евгений Николаевич Тевяшов, библиофил, коллекционер, собирал материалы по истории театра, гравюры, литографии, экслибрисы, иллюстрированные издания о Финляндии, был одним из учредителей и товарищем председателя Кружка любителей русских изящных изданий. Был владельцем крупной библиотеки, в которой преобладали русские иллюстрированные издания, преимущественно начала XIX века. Известен также как автор книг «Описание нескольких гравюр и литографий» (1903), «Материалы для библиографии русских иллюстрированных изданий» (1910).

Учебники, написанные для народных училищ, были очень популярны, их использовали для обучения и в других учебных заведениях, как в России, так и за границей (например, в Прибалтике). Издательская деятельность Комиссии народных училищ, создание и распространение учебных книг внесли значительный вклад в развитие русского просвещения.

Учебники, созданные для народных училищ, были представлены на выставке «Всякое дитя родится неученым», которая проходила в 2021 году во Всероссийском музее А.С. Пушкина.

Леонтий Филиппович Магницкий (1669–1739).
Арифметика, сиречь наука числительная. [Москва: Печатный двор, 1703]

АРИѲМЕТИКА
ИЛИ
ЧИСЛОВНИКЪ,

содержащій въ себѣ всѣ правила цыфирнаго вычисленія, случающагося въ общежитіи, въ пользу всякаго учащагося, Воинскаго, Статскаго и Купеческаго Юношества.

ИЗДАНІЕ ТРЕТІЕ
поправленное и умноженное
Профессоромъ Николаемъ Курановымъ.

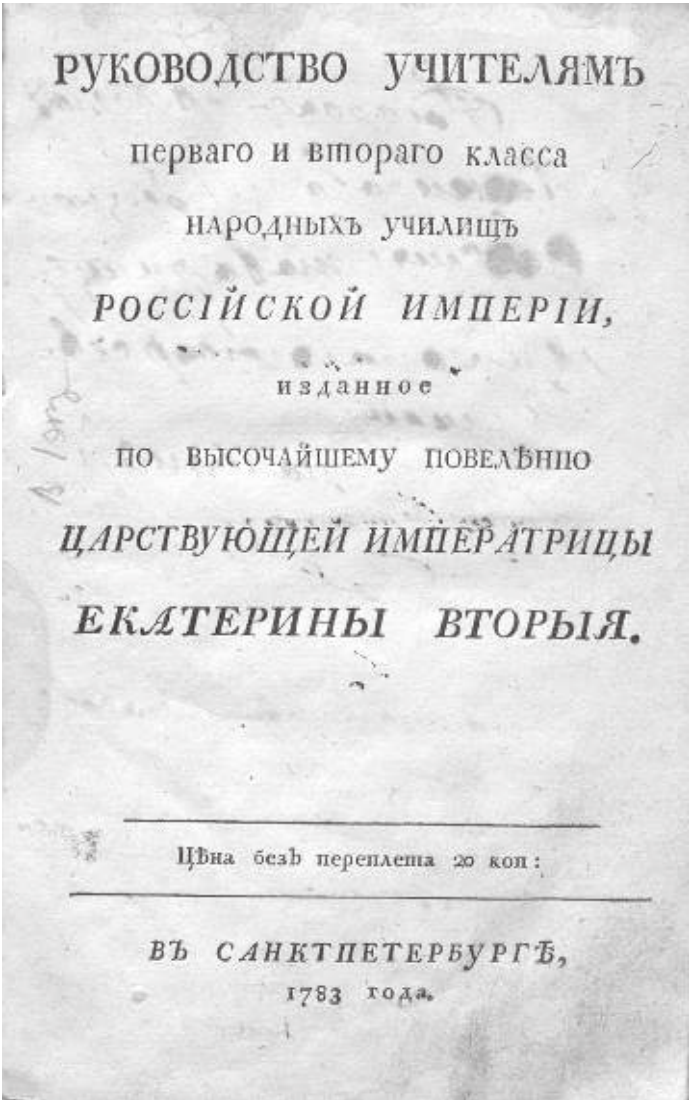
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи Наукъ
1776 года.

Николай Гаврилович Курганов (1726–1796).
Арифметика, или Числовник. В Санктпетербурге, 1776

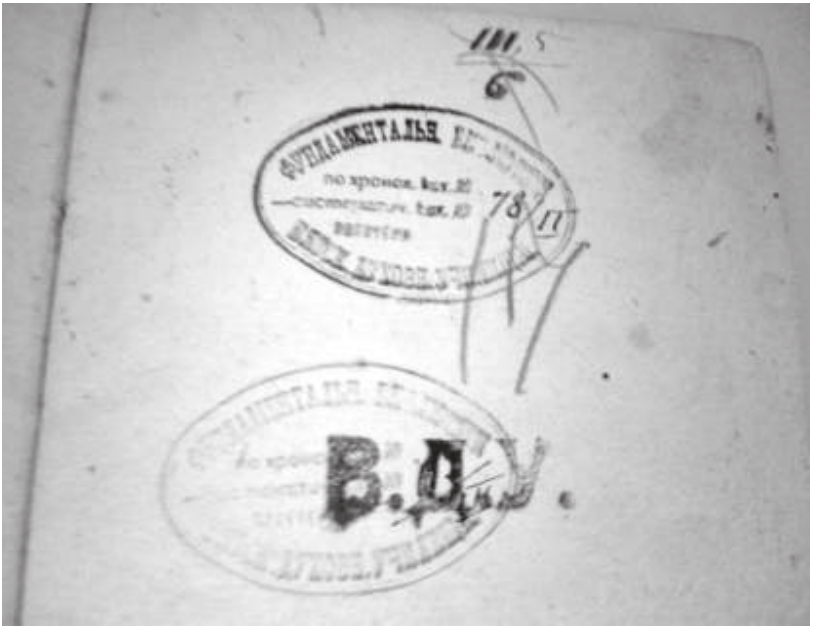
КНИГА
ПИСМОВНИКЪ
СЪ ВЪНЕЙ
Наука россійскаго языка съ седмью присовокупленіями, разныхъ учебныхъ и полезнозабавныхъ всесловій.
НОВОЕ ИЗДАНІЕ
пересмотрѣнное, поправленное и умноженное.
Духовной ли, мирской ли ты? прилѣжно се читай:
Все найдетъ здѣсь, тотъ и другой; но разумѣнь смѣкай.
ЦѢНА НЕОДѢТОЙ ПЯТНАДЦАТЬ ГРИВЕНЪ.
Во Градѣ Святаго ПЕТРА
Въ книгопечатнѣ морскаго общества благородныхъ Юношей. 1777 года.

Н.Г. Курганов. Книга писмовник. Во граде святаго Петра, 1777

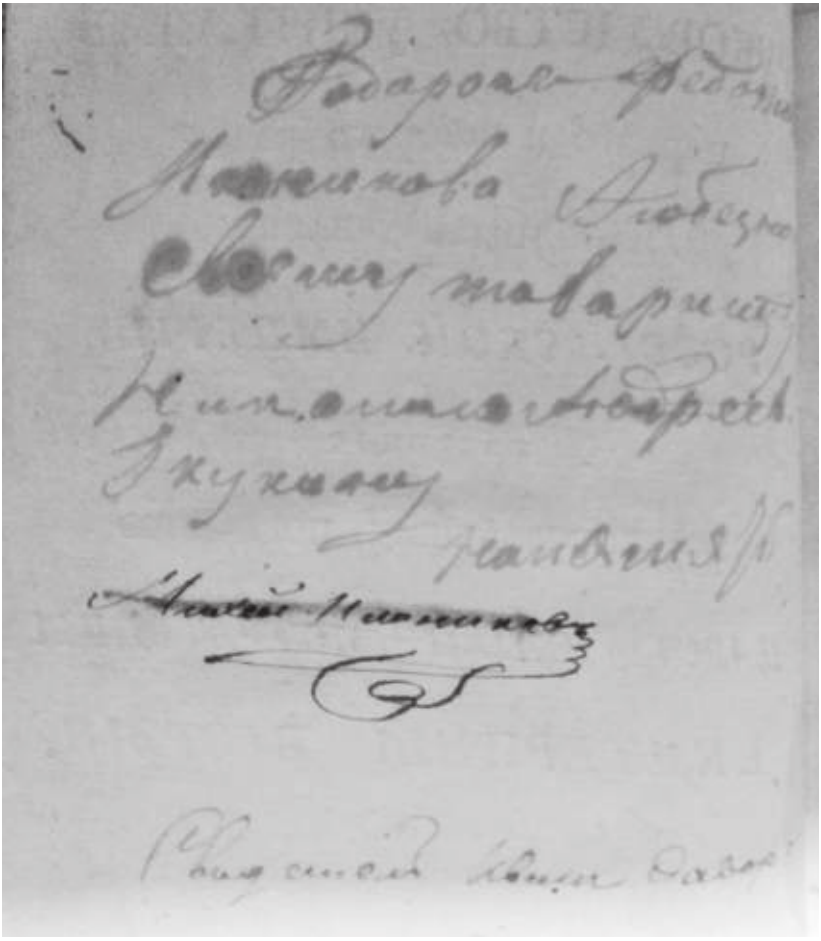
Федор Иванович Янкович де Мириево (1741–1814)


РУКОВОДСТВО УЧИТЕЛЯМЪ
перваго и втораго класса
НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ,
изданное
ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ
ЦАРСТВУЮЩЕЙ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ.
Цѣна безъ переплета 20 коп:
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
1783 года.

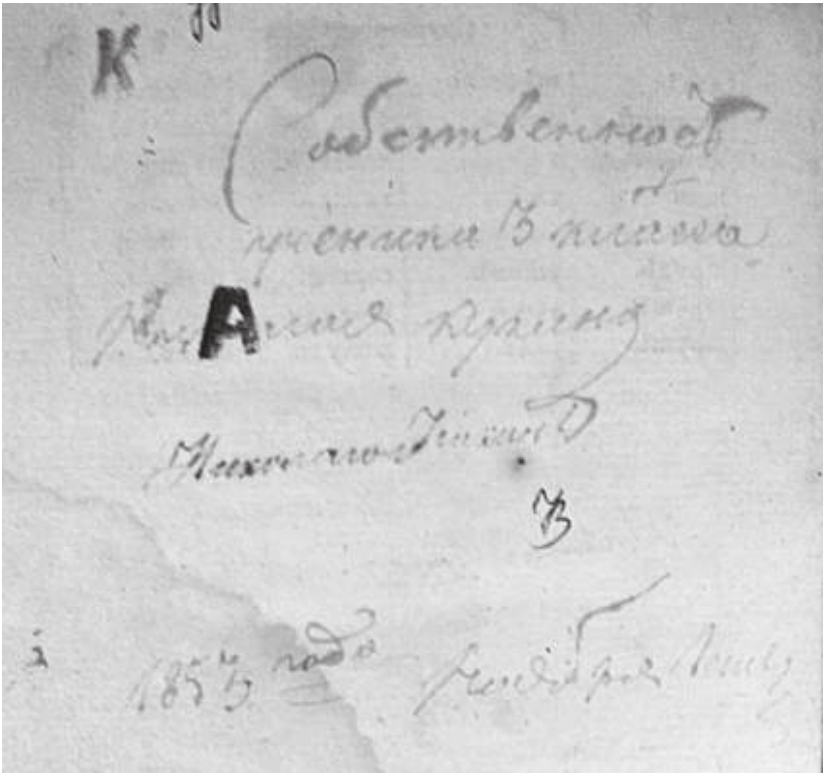
Иоганн Игнац Фельбигер (1724–1788).
Руководство учителям перваго и втораго класса народных училищ Российской империи. В Санктпетербурге, 1783



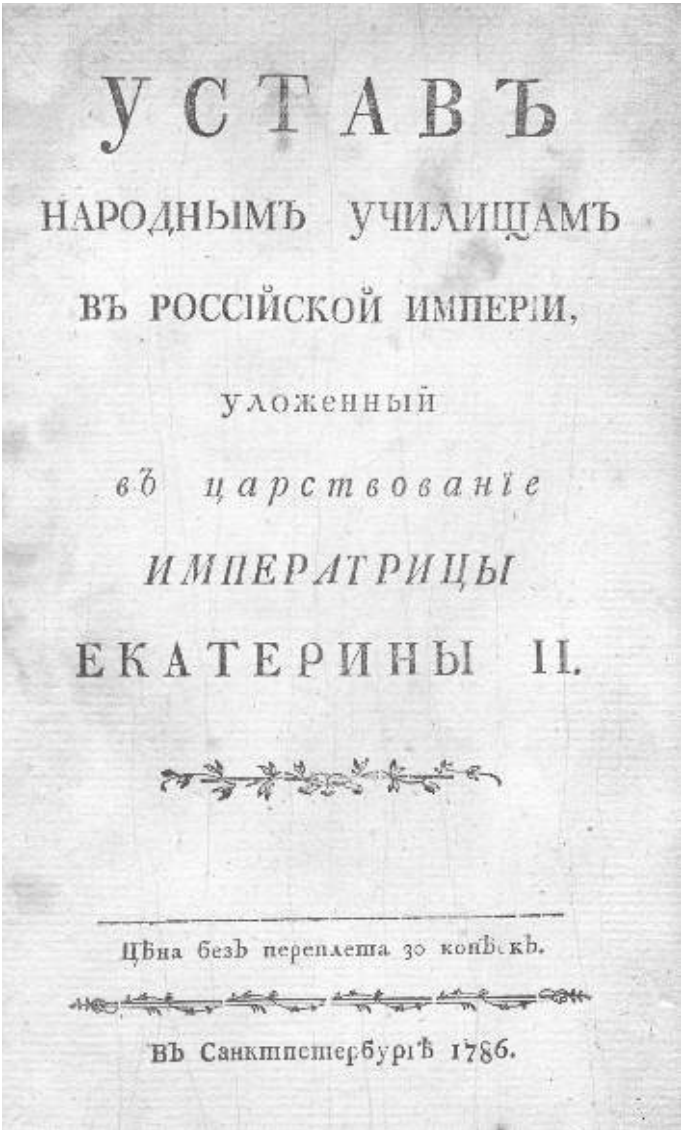
Штампы Фундаментальной библиотеки Вятского духовного училища



Надпись: «Подарок Федота Иконникова любезному своему товарищу Николаю Андреев. Кукину на память. Свидетель Иван Фаворский 1853 года»



Надпись: «Собственность ученика 3 класса Николая Кукина 1853 года ноября»



УСТАВЪ

НАРОДНЫМЪ УЧИЛИЩАМЪ

ВЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ,

уложенный

въ царствованіе

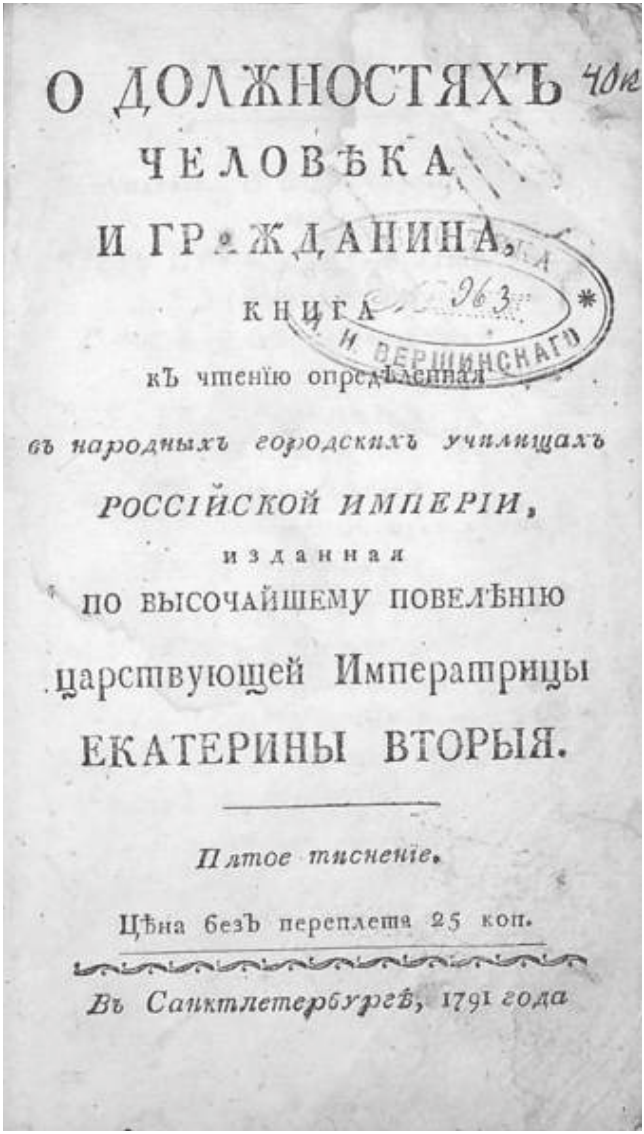
ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II.

Цѣна безъ переплета 30 копѣекъ.

ВЪ Санктпетербургѣ 1786.

Ф.И. Янкович де Мириево (1741–1814). Устав народным училищам в Российской империи. В Санктпетербурге, 1786



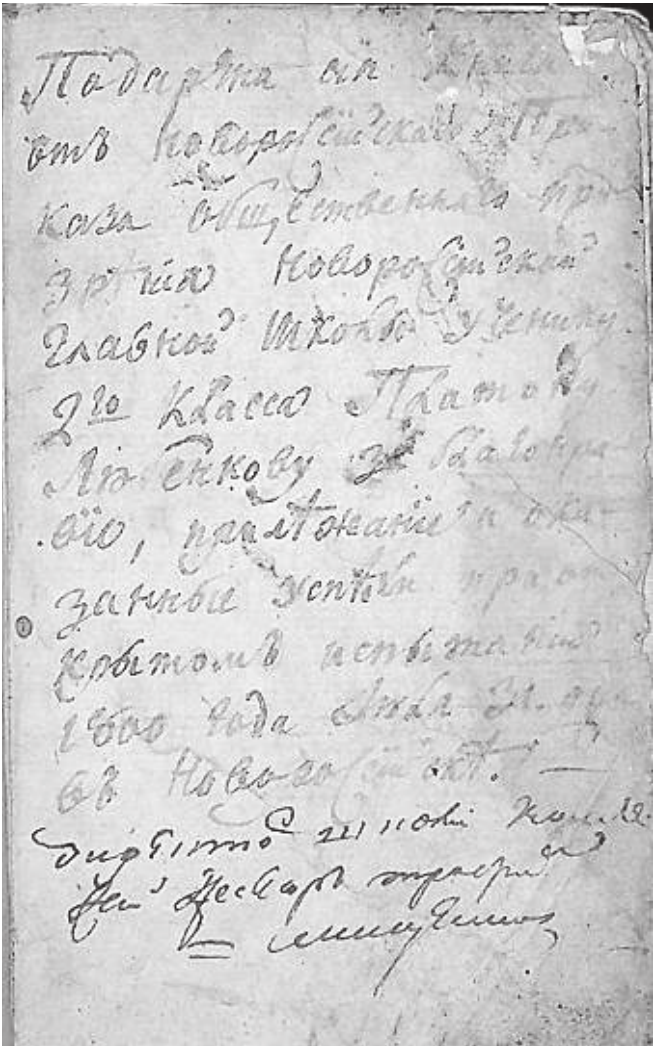
О ДОЛЖНОСТЯХЪ
ЧЕЛОВѢКА
И ГРАЖДАНИНА,
КНИГА
кЪ чтенію опредѣленная
въ народныхъ городскихъ училищахъ
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ,
изданная
ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ
царствующей Императрицы
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ.

Пятое тисненіе.

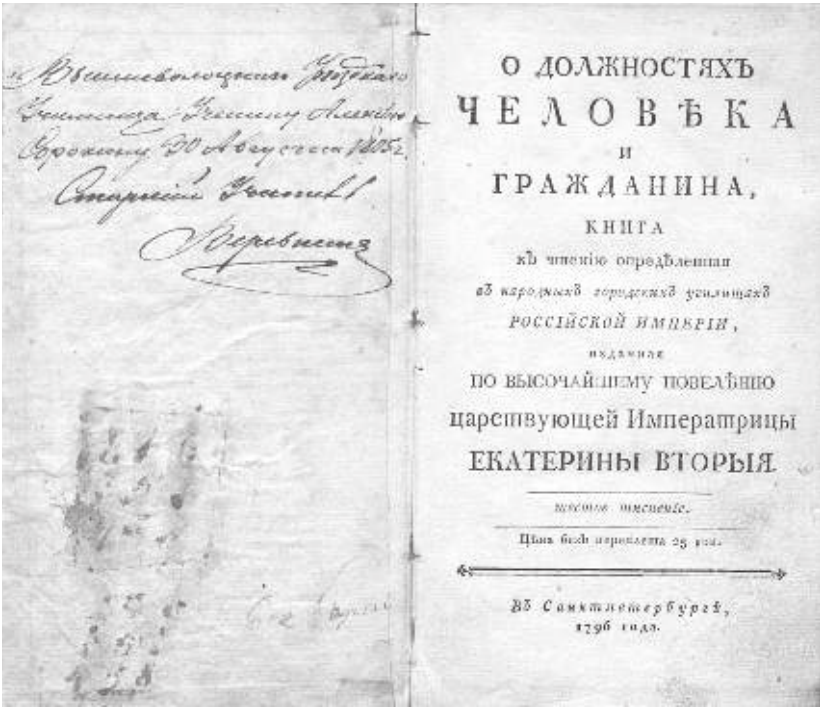
Цѣна безъ переплета 25 коп.

Въ Санктпетербургѣ, 1791 года

И.И. Фельбигер. О должностях человека и гражданина. В Санктпетербурге, 1791

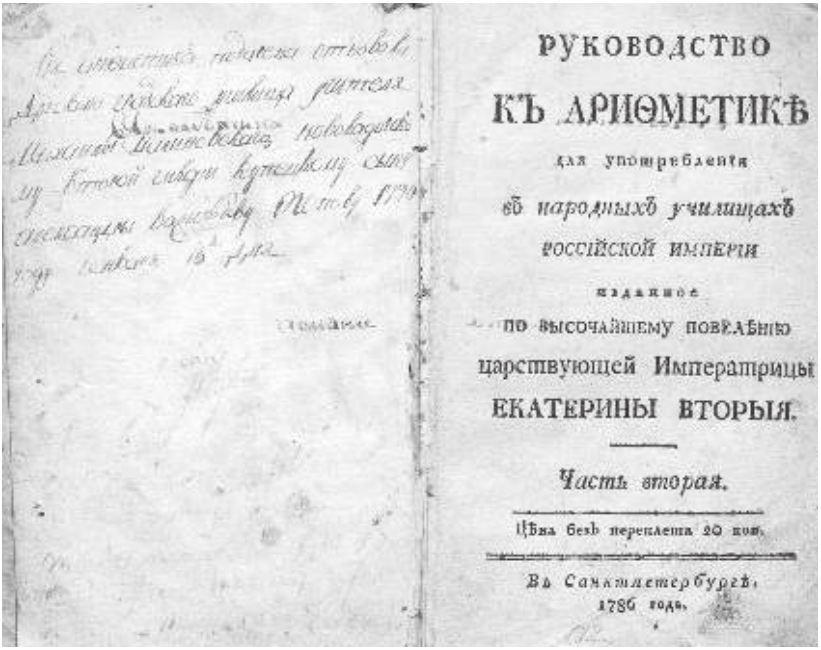


Надпись: «Подарена сия книга
от Новороссийскаго приказа общественнаго призрения
Новороссийской главной школы ученику 2-го класса Платону Любенкову
за благонравие, прилежание и оказанные успехи при открытом испытании
1800 года июля 31 дня в Новороссийске»



О ДОЛЖНОСТЯХЪ
ЧЕЛОВѢКА
И
ГРАЖДАНИНА,
КНИГА
къ чтенію опредѣленная
въ народныхъ городскихъ училищахъ
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ,
изданная
ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ
царствующей Императрицы
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ.
шестое изданіе.
Цѣна безъ пересылки 25 коп.
Въ Санктпетербургѣ,
1796 года.

Надпись: «Вышневолоцкаго уезднаго училища ученику Алексею Сорокину 30 августа 1805 г. Старший учитель Веревкин»



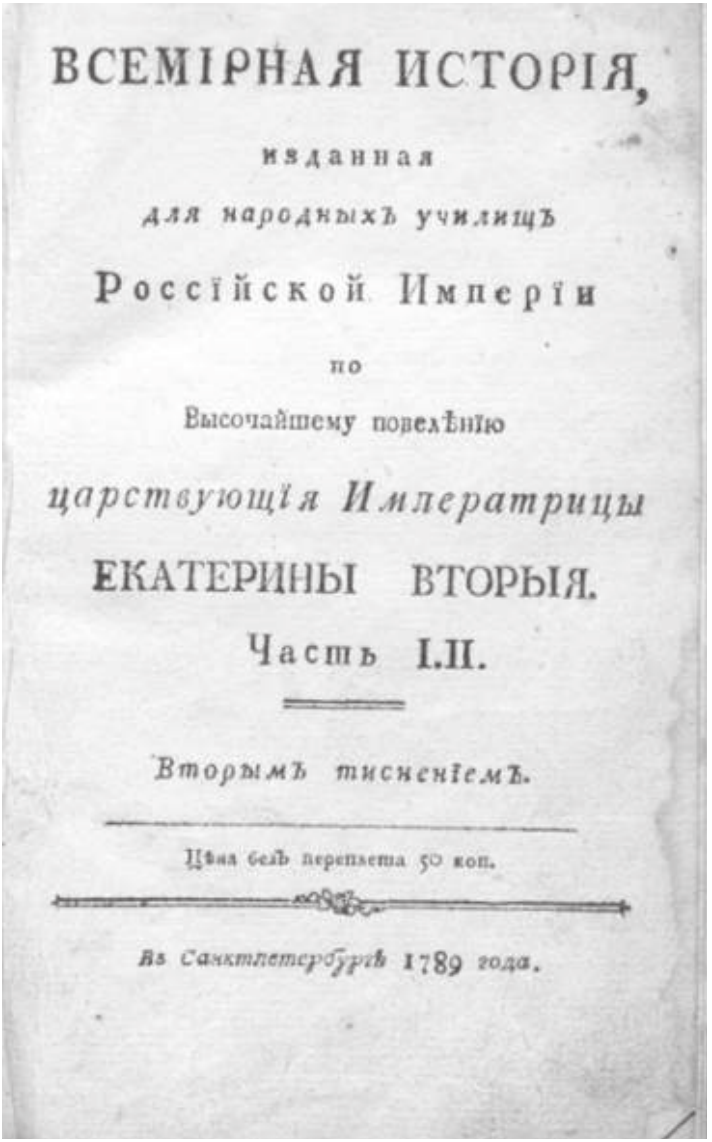
РУКОВОДСТВО
КЪ АРИѲМЕТИКѢ
для употребленія
въ народныхъ училищахъ
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ
изданное
ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВѢЛѢНІЮ
царствующей Императрицы
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ.

Часть вторая.

Цѣна безъ переплета 20 коп.

Въ Санктпетербургѣ,
1786 годѣ.

Надпись: «Сия арифметика подарена
от Новоладогскаго градоваго училища учителя Михайлы Малиновскаго
новоладогскому второй гильдии купецкому сыну Александры Васильиву Попову
1790 году генваря 18-го дня»



ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ,

изданная

для народныхъ училищъ

Россійской Имперіи

по

Высочайшему повелѣнію

царствующія Императрицы

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ.

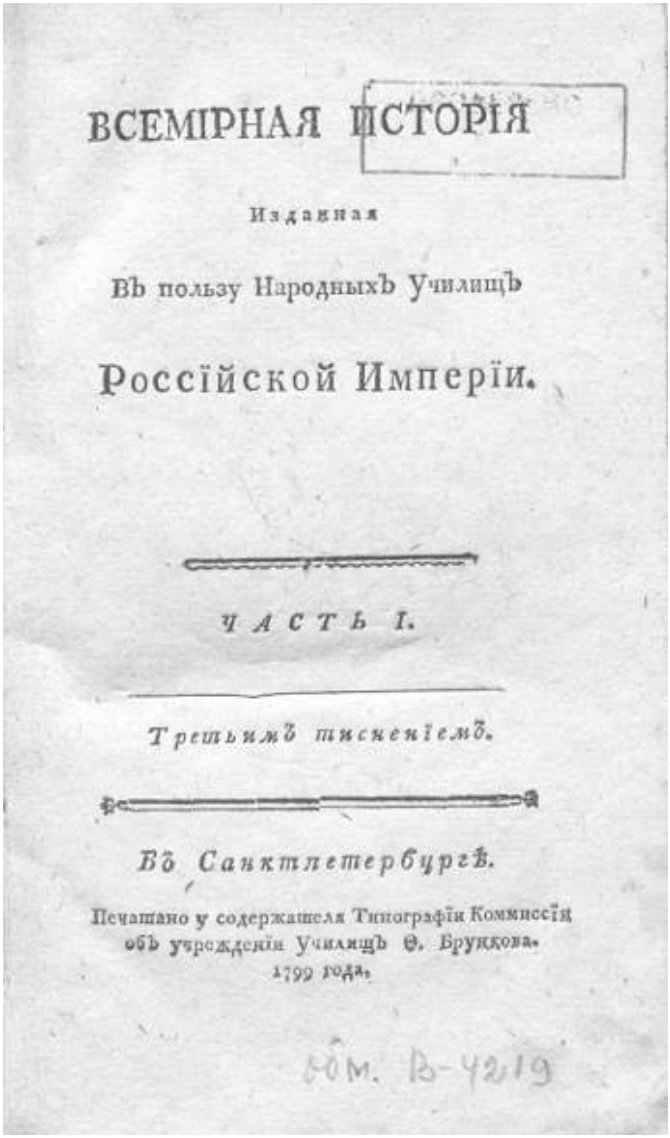
Часть I.II.

Вторымъ тисненіемъ.

Цѣна безъ переплета 50 коп.

Въ Санктпетербургѣ 1789 года.

Ф.И. Янкович де Мириево, И.Ф. Яковкин.
Всемирная история. В Санктпетербурге, 1789–1800



ВСЕМІРНАЯ ІСТОРІЯ

Изданная

Въ пользу Народныхъ Училищъ

Россійской Имперіи.

ЧАСТЬ I.

Третьимъ тисненіемъ.

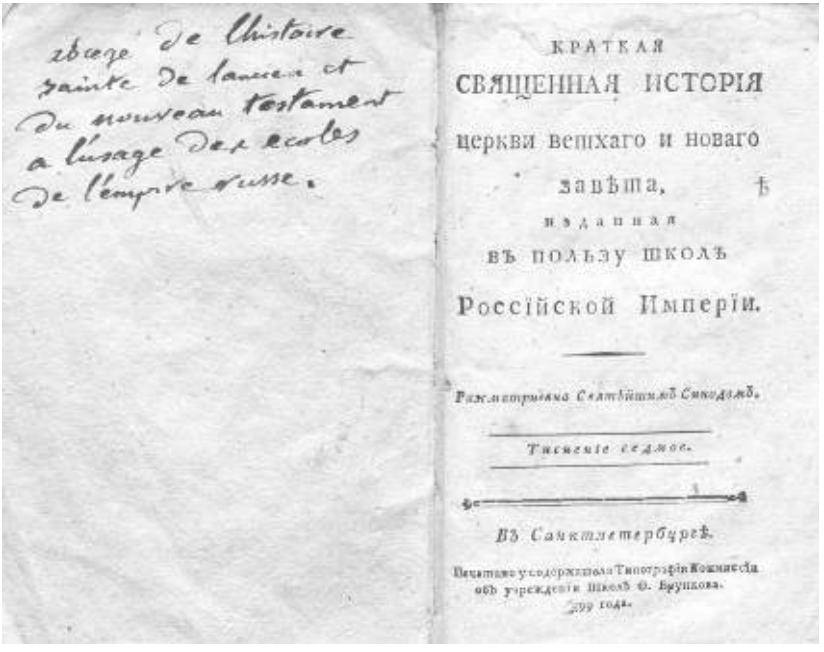
Въ Санктпетербургѣ.

Печатано у содержателя Типографіи Коммиссіи
объ учрежденіи Училищъ Ѳ. Брунова.
1799 года.

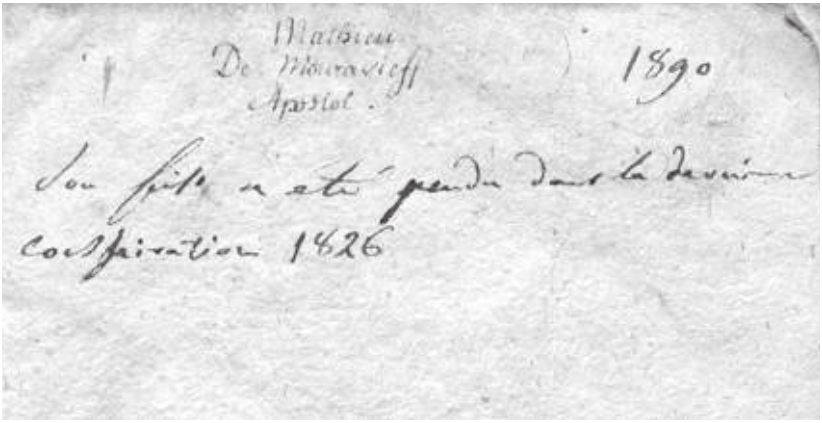
НМ. В-4219

Ф.И. Янкович де Мириево, И.Ф. Яковкин.
Всемирная история. В Санктпетербурге, 1799–1806

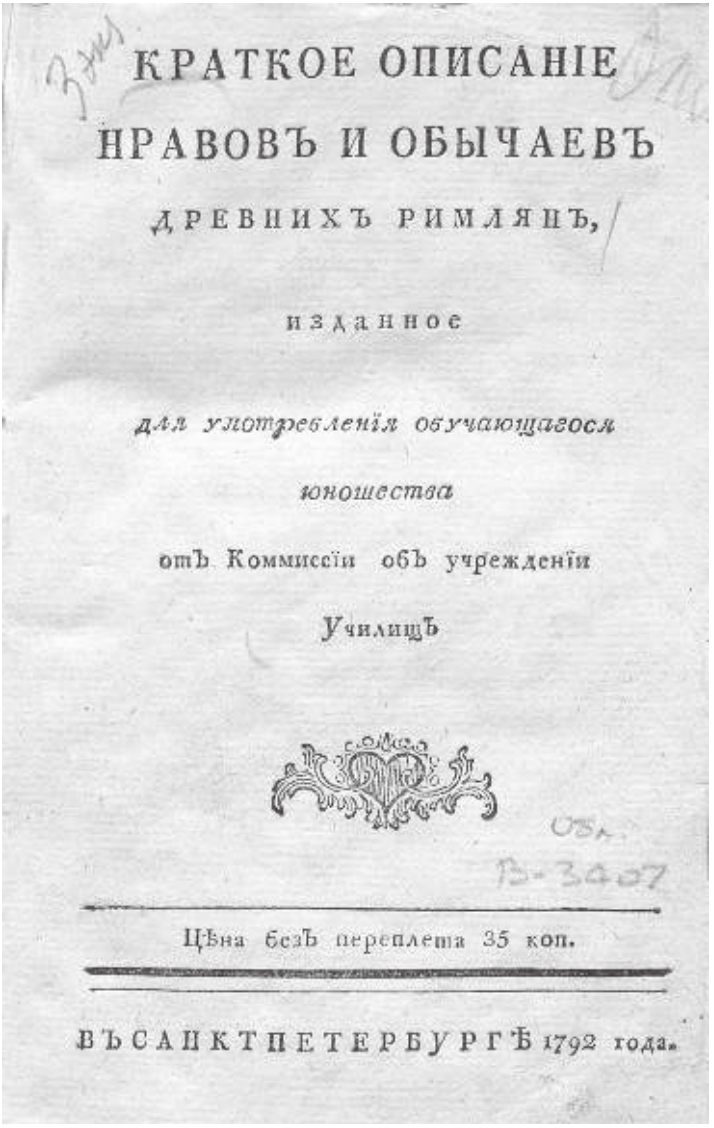
Штамп библиотеки Медико-хирургической академии



Ф.И. Янкович де Мириево. Краткая священная история церкви Ветхаго и Новаго завета. В Санктпетербурге, 1799



Надпись:
«Maitieu De Mouravieff Apostol»; «1890»;
«Son fils a été perdu dans la dernier conspiration 1826»



КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ
НРАВОВЪ И ОБЫЧАЕВЪ
ДРЕВНИХЪ РИМЛЯНЪ,

изданное

для употребленія обучающагося
юношества
отъ Коммиссіи объ учрежденіи
Училищъ

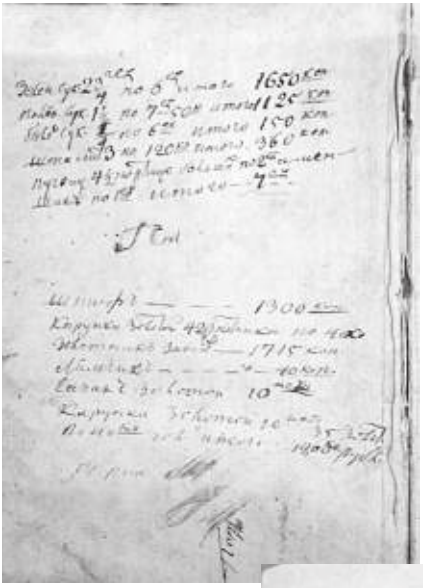
Цѣна безъ переплета 35 коп.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1792 года.

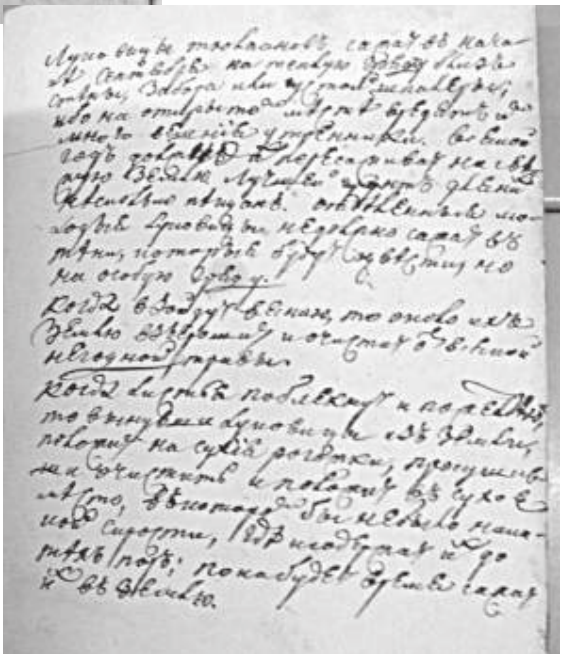
Краткое описание нравов и обычаев древних римлян / [перевел Т.П. Кирияк]. В Санктпетербурге, 1792

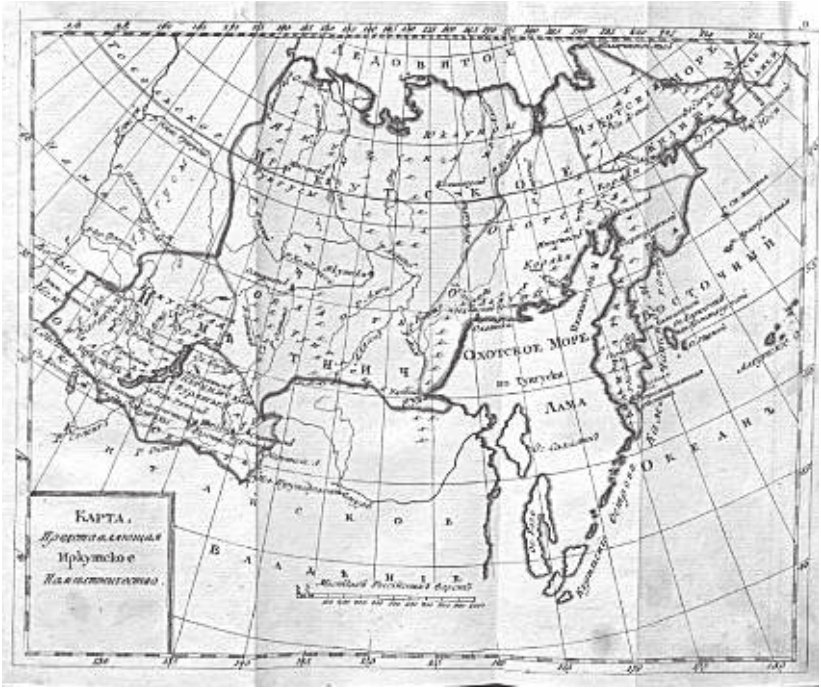
ПРОСТРАННОЕ
ЗЕМЛЕОПИСАНІЕ
Россійскаго Государства,
ИЗДАННОЕ
въ пользу учащихся
по
Высочайшему повелѣнію
Царствующія Имлератрицы
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ.
Цѣна безъ пересылки 60 коп.
Въ Санктпетербургѣ 1787 года.
XIV 752
ПРОСТРАННОЕ
ЗЕМЛЕОПИСАНІЕ
Россійскаго Государства,
ИЗДАННОЕ
въ пользу учащихся
по
Высочайшему повелѣнію
Царствующія Имлератрицы
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ.
05
В-2777
Цѣна безъ пересылки 60 коп.
Въ Санктпетербургѣ 1787 года.

Иоганн Фридрих Гакман. Пространное землеописание Российскаго государства. В Санктпетербурге, 1787

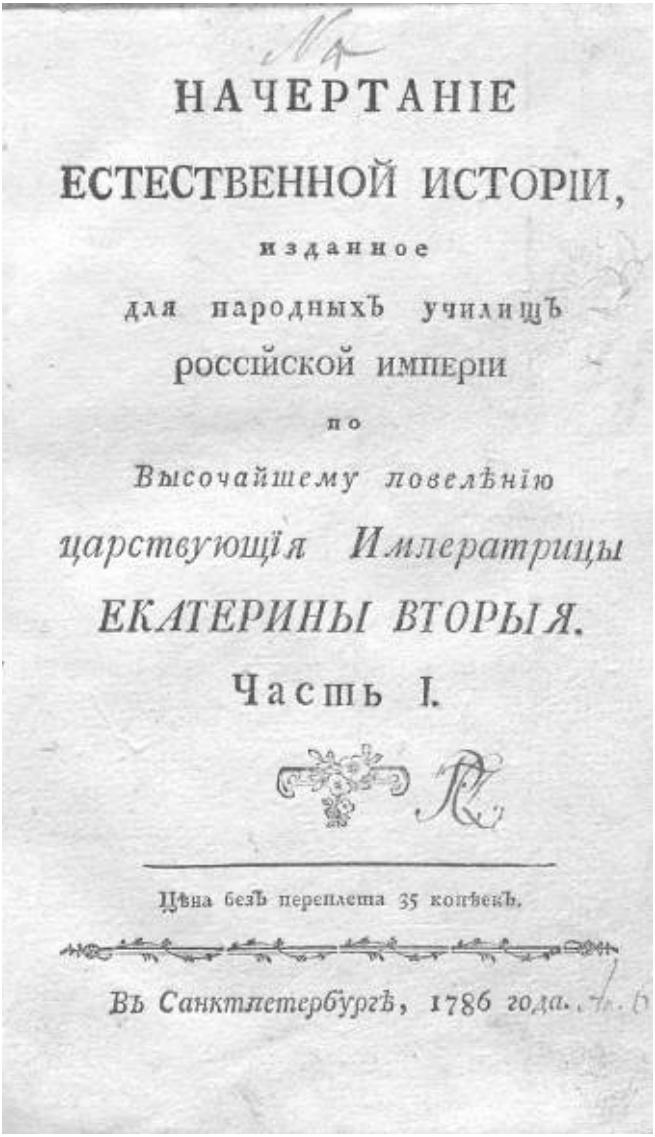


Записи бытового характера в книге:
Иоганн Фридрих Гакман.
Пространное землеописание
Российскаго государства.
В Санктпетербурге, 1787





Иоганн Фридрих Гакман. Пространное землеописание Российскаго государства. В Санктпетербурге, 1787

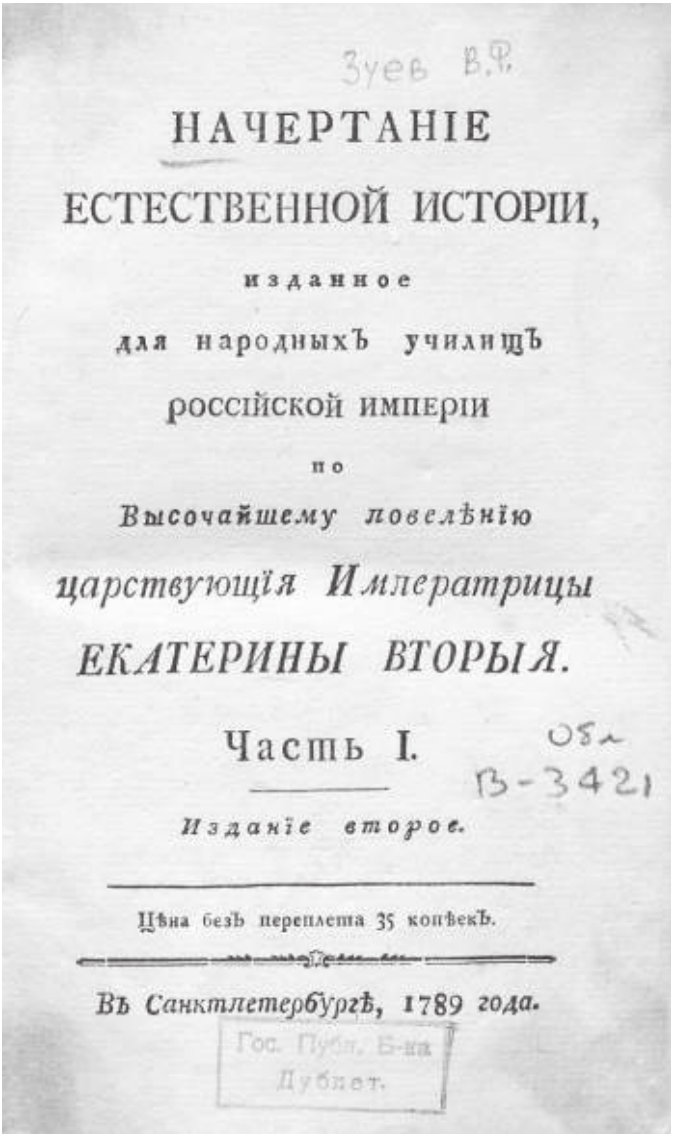


НАЧЕРТАНІЕ
ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ,
изданное
для народныхъ училищъ
россійской имперіи
по
Высочайшему повелѣнію
царствующія Императрицы
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ.
Часть I.

Цѣна безъ переплета 35 копѣекъ.

Въ Санктпетербургѣ, 1786 года.

Василий Федорович Зуев (1754–1794). Начертание естественной истории. В Санктпетербурге, 1786


Зуев В.Ф.

НАЧЕРТАНІЕ
ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ,
изданное
для народныхъ училищъ
россійской имперіи
по
Высочайшему повелѣнію
царствующія Имлератрицы
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ.

Часть I.

Оба
В-3421

Изданіе второе.

Цѣна безъ переплета 35 копѣекъ.

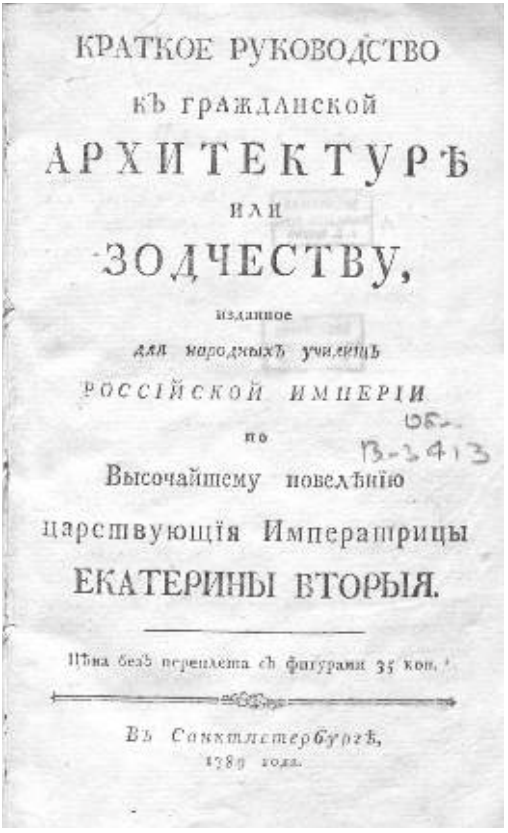
Въ Санктлетербургѣ, 1789 года.

Гос. Публ. Б-ка
Дублет.

В.Ф. Зуев. Начертание естественной истории.
В Санктпетербурге, 1789

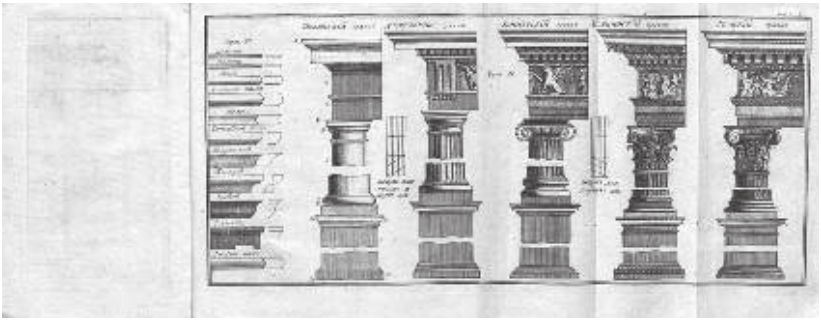
РАСТУЩІЙ
ВИНОГРАДЪ.
ежемѣсячное сочиненіе,
издаваемое
отъ
Главнаго народнаго училища
города Святаго Петра.
Мѣсяцъ Декабрь
1785.
РАСТУЩІЙ
ВИНОГРАДЪ,
ежемѣсячное сочиненіе,
издаваемое
отъ
Главнаго народнаго училища
города Святаго Петра.
Мѣсяцъ Апрѣль
1786.

Растущий виноград. Декабрь 1785; апрель 1786



КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО
КЪ ГРАЖДАНСКОЙ
АРХИТЕКТУРѢ
ИЛИ
ЗОДЧЕСТВУ,
ИЗДАННОЕ
ДЛЯ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ
ПО
ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ
ЦАРСТВУЮЩІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ.
Цѣна безъ перешлета съ фигурами 35 коп.
Въ Санктпетербургѣ,
1789 года.

Михаил Евсевьевич Головин (1756–1790). Краткое руководство к гражданской архитектуре или зодчеству. В Санктпетербурге, 1789



Елена Приставкина

УЧЕБНИКИ XIX ВЕКА В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ИМЕНИ А.Т. ТВАРДОВСКОГО

В 1802 году в России было образовано Министерство народного просвещения с целью «воспитания юношества и распространения наук». Его задача — полная реорганизация всего учебного процесса. В этот период появилось разделение учебных заведений на начальные, средние и высшие, было открыто много новых школ, училищ, гимназий и университетов.

С развитием системы образования растет количество и качество издаваемой учебной литературы. Для ее написания привлекаются высококвалифицированные кадры, известные преподаватели и профессора университетов. Учебник должен был отвечать требованиям современного развития науки и одновременно формировать нравственные качества у учащихся. Перечень учебной литературы, разработанный в 1803 году, со временем пересматривался и изменялся. Учебники проходили процедуру экспертизы с четкими критериями: учет возрастных особенностей учащихся, систематичность и доступность изложения, формирование интереса к предмету, наличие заданий для самостоятельной работы.

В редком фонде Смоленской областной универсальной научной библиотеки имени А.Т. Твардовского хранятся учебники по математике, химии, биологии, русскому языку и литературе, географии и истории XIX века. С 1922 года фонд библиотеки пополнялся за счет национализированных фондов библиотек закрываемых учреждений города[1]. Многие учебники попали в библиотеку из учебных заведений Смоленской губернии.

К числу книжных памятников относится хранящийся в нашем редком фонде «Курс математики господина Безу, члена Французской академии наук, экзаминатора воспитанников Артиллерийскаго и Морскаго Корпусов, и Королевскаго цензора» (четвертая часть, 1803 года издания). Этьен Безу (1730–1783) — французский математик, член Французской академии наук, автор неоднократно переиздававшегося шеститомного

[1] *Артамонова Г.И.* История Смоленской областной универсальной библиотеки имени А.Т. Твардовского: к 180-летию создания. Смоленск, 2013. С. 36.

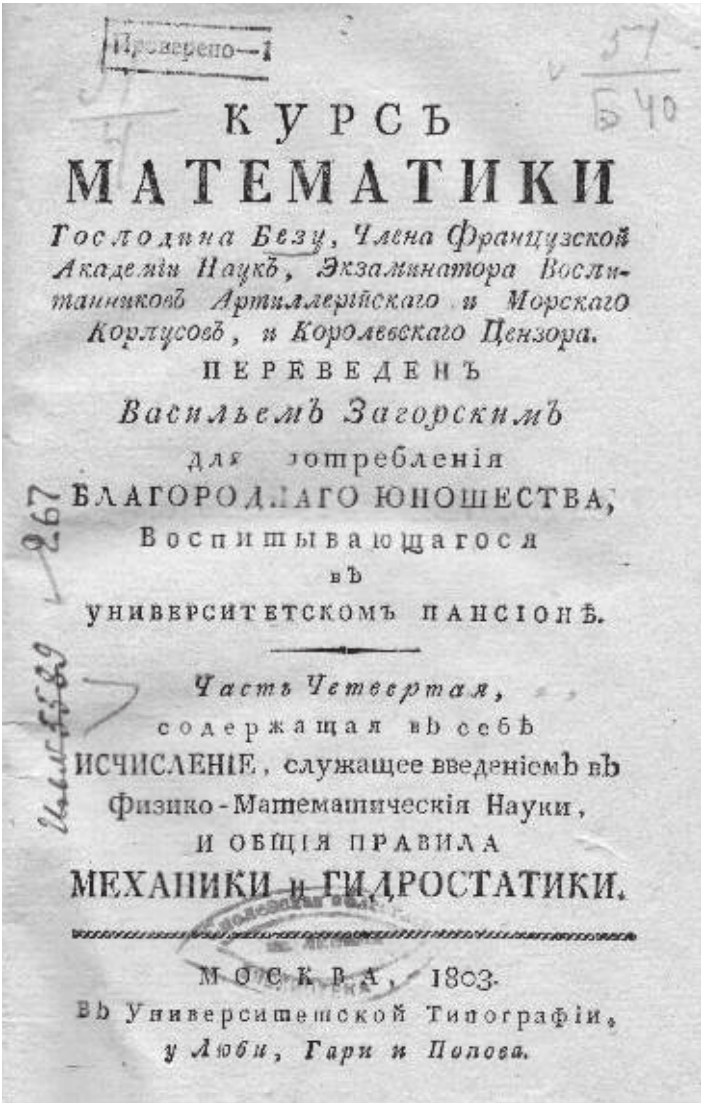
«Курса математики» (1764–1769). На русский язык этот учебник перевел адъюнкт физико-математического факультета Московского университета Василий Андреевич Загорский специально для воспитанников Университетского пансиона в Москве, в котором он служил преподавателем. Это один из первых переводов Безу на русский. В.А. Загорский числится в каталоге университетских лекций среди преподавателей университета с 1805 по 1810 год, где он читал четыре лекции по часу в неделю[2].

Первые четыре тома издания были переизданы уже в 1804–1806 годах. Четвертая часть, хранящаяся в нашем фонде, называется «Исчисления, служащие введением в физико-математические науки и общие правила механики и гидростатики». На титульном листе стоит штемпель Смоленского общества краеведения. Оно было образовано в 1926 году инициативной группой исследователей Смоленской губернии, изучавших историю, этнографию и экономику родного края. Членами Общества краеведения были смоленские историки В.И. Грачев, Н.Н. Редков, В.П. Лапчинский и другие. В 1930 году Смоленское общество краеведения было закрыто[3].

Большой популярностью пользовалась в свое время «Арифметика, служащая к легчайшему обучению малолетнего юношества», в двух частях, о чем красноречиво свидетельствует тот факт, что до 1848 года этот учебник был переиздан восемнадцать раз. В нашем редком фонде хранится девятое издание, увидевшее свет в 1836 году. Автор «Арифметики…» — Петр Иванович Куминский, смотритель Скопинского народного училища. Любопытно, что первые издания были напечатаны в Москве в типографии С. Селивановского, а это издание — также в Москве, но уже в типографии Лазаревых при Институте восточных языков, созданном в 1815 году по инициативе и на средства армянской семьи Лазаревых как общеобразовательное училище. В 1829 году при институте была открыта типография, печатавшая книги на 13 языках, в том числе на русском, армянском, латинском, греческом, французском и немецком. Эта типография выпускала в основном учебники и учебную литерату-

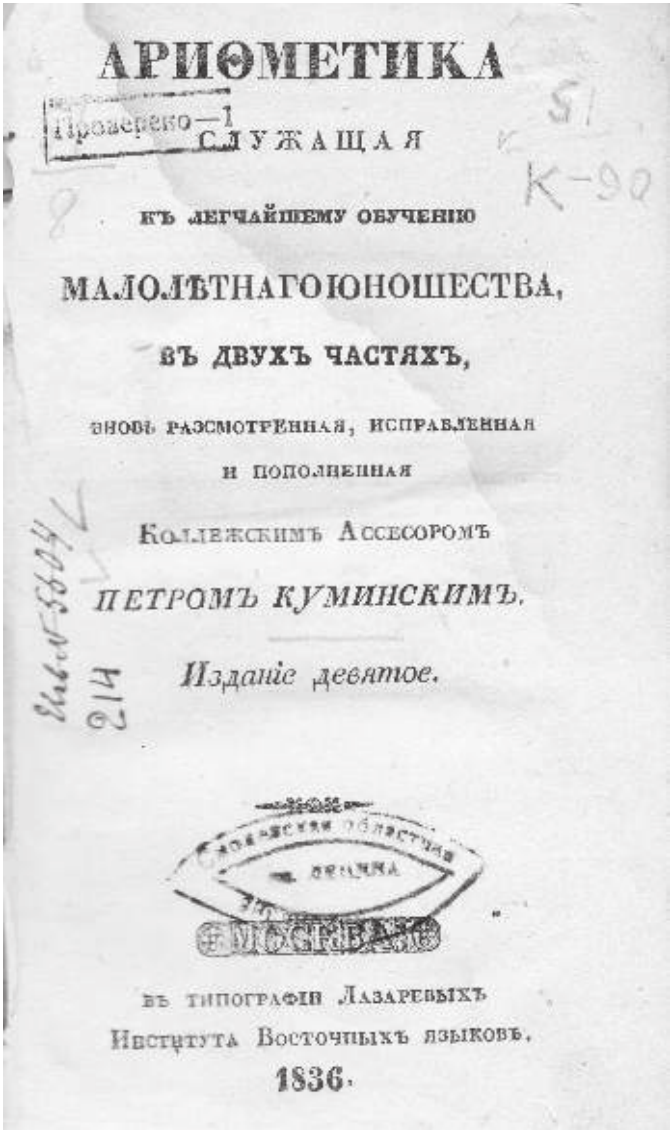
[2] Загорский Василий Андреевич // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. Т. I. М., 1855. С. 333–334.

[3] Книжные знаки в фонде Смоленской областной универсальной библиотеки: иллюстрированный каталог. Смоленск, 2006. С. 194.



КУРСЪ
МАТЕМАТИКИ
Господина Безу, Члена Французской Академіи Наукъ, Экзаминатора Воспитанниковъ Артиллерійскаго и Морскаго Корпусовъ, и Королевскаго Цензора.
ПЕРЕВЕДЕНЪ
Васильемъ Загорскимъ
для употребленія
БЛАГОРОДНАГО ЮНОШЕСТВА,
Воспитывающагося
въ
УНИВЕРСИТЕТСКОМЪ ПАНСІОНѢ.
Часть Четвертая,
содержащая въ себѣ
ИСЧИСЛЕНІЕ, служащее введеніемъ въ Физико-Математическія Науки,
И ОБЩІЯ ПРАВИЛА
МЕХАНИКИ и ГИДРОСТАТИКИ.
МОСКВА, 1803.
Въ Университетской Типографіи,
у Любы, Гари и Попова.

Курс математики господина Безу, члена Французской академии наук, экзаминатора воспитанников Артиллерийскаго и Морскаго корпусов, и королевскаго цензора. Часть 4. 1803 год



АРИѲМЕТИКА

Проверено—1

СЛУЖАЩАЯ

КЪ ЛЕГЧАЙШЕМУ ОБУЧЕНІЮ

МАЛОЛѢТНАГОЮНОШЕСТВА,

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ,

ВНОВЬ РАЗСМОТРѢННАЯ, ИСПРАВЛЕННАЯ

И ПОПОЛНЕННАЯ

КОЛЛЕЖСКИМЪ АССЕСОРОМЪ

ПЕТРОМЪ КУМИНСКИМЪ.

Изданіе девятое.

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЛАЗАРЕВЫХЪ

ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

1836.

Арифметика, служащая к легчайшему обучению малолетнего юношества. Издание 9-е. 1836 год

ру[4]. В 30-е годы XIX века типография Лазаревых считалась одной из лучших в Москве. Основатели института не жалели денег на издательскую деятельность и обязывали правление института печатать всё, что могло способствовать улучшению учебного процесса и укреплению педагогических основ «фамильного заведения».

«Арифметика…» — это небольшой по формату учебник в двух частях. Первая часть о главных, а вторая — о высших действиях. В каждом разделе дается правило на арифметические действия, а затем два — три примера с подробным описанием.

В московской типографии Лазаревых был напечатан в 1835 году и учебник «Французский учитель, или Курс французского языка для российского юношества, сочиненный Московского Александровского института французского класса учителем Федором Куртенером», третье издание.

Федор Федорович Куртенер (1796–1850) — статский советник, преподаватель французского языка. Его родители-французы жили в Москве с 1785 года, отец Франсуа Куртенер был издателем. В 1806 году эта семья получила русское подданство. С 1817 по 1832 год Федор Федорович преподавал французский язык в Московском Александринском училище, в Воспитательном доме, в Александринском институте и Институте восточных языков. С 1830 до 1848 года был преподавателем французского языка в Московском университете. Он составил целый ряд учебников и учебных пособий для преподавания на французском языке. В первой части «Французского учителя…» параллельно на французском и русском языке даются правила грамматики для разговорной речи и письма. Во второй части — примеры на все части речи для перевода с русского на французский язык. На авантитуле, титульном листе издания, хранящегося в нашем редком фонде, имеется несколько записей чернилами коричневого цвета неустановленных владельцев.

В редком фонде Смоленской областной универсальной научной библиотеки имени А.Т. Твардовского хранится учебное пособие знаменитого российского ученого немецкого происхождения Эмилия Христиановича Ленца (1804–1865), стоявшего у истоков электротехники и учения о магнитных явлениях, известного многими открытиями в области физики (Закон Ленца, 1883; Закон Джоуля и Ленца, 1884,

[4] Отечественная история: история России с древнейших времен до 1917 года. Т. 3 (К–М). М., 2000. С. 265–266.

ФРАНЦУЗСКІЙ

УЧИТЕЛЬ.

КУРСЪ

ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА

ДЛЯ

РОССІЙСКАГО ЮНОШЕСТВА,

СОЧИНЕННЫЙ

Учителемъ Французской Словесности при Московскомъ Александровскомъ институтѣ

ѲЕОДОРОМЪ КУРТЕНЕРОМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Третіе изданіе.

МОСКВА,

въ типографіи Лазаревыхъ института восточныхъ языковъ.

1835.

Французский учитель,
или Курс французского языка для российского юношества,
сочиненный учителем французской словесности при Московском
Александровском институте Федором Куртенером. Издание 3-е. 1835 год

и другие)[5]. «Руководство к физике, составленное по поручению Министерства народного просвещения для русских гимназий академиком и профессором Э. Ленцом», было издано в 1851 году. На протяжении трех десятилетий Ленц был профессором, а с 1863 года — первым избранным ректором Санкт-Петербургского университета. Его лекции по физике и физической географии отличались ясностью и строгой систематичностью. Главной целью в составлении учебника для Ленца должна была быть ясность понятий[6].

«Руководство…» разделено на две части, в первой рассматриваются явления, зависящие от свойств самих тел, а во второй — явления, известные на тот момент (свет, теплота, магнетизм и электричество). Первая часть рассчитана на преподавание в предпоследнем, а вторая — в последнем классе. Учебник был напечатан в университетской типографии Киевского университета. В этой типографии, хорошо оборудованной для того времени, печатались главным образом научные труды преподавателей университета, учебники, курсы лекций.

В ряду знаковых учебных пособий XIX века нельзя не упомянуть и «Краткий учебник неорганической и физической химии» британского химика и физика, лауреата Нобелевской премии по химии 1904 года Уильяма Рамзая (1852–1916), напечатанный в 1898 году. Учебник, состоящий из двух частей — «Физическая химия» и «Неорганическая химия», — предназначался для изучения химии, как в университетах, так и школах. Первая часть содержит избранные главы физической химии, вторая описание элементов и соединение элементов, расположенных главным образом по периодической системе. В предисловии Рамзай выражает надежду, что метод изложения этого учебника будет иметь успех[7]. К числу достоинств учебника Уильяма Рамзая специалисты относят научность изложения — автор неизменно подчеркивает различие между фактами и гипотезами. Материал сгруппирован таким образом, чтобы учащимся было легче познакомиться с основами химии.

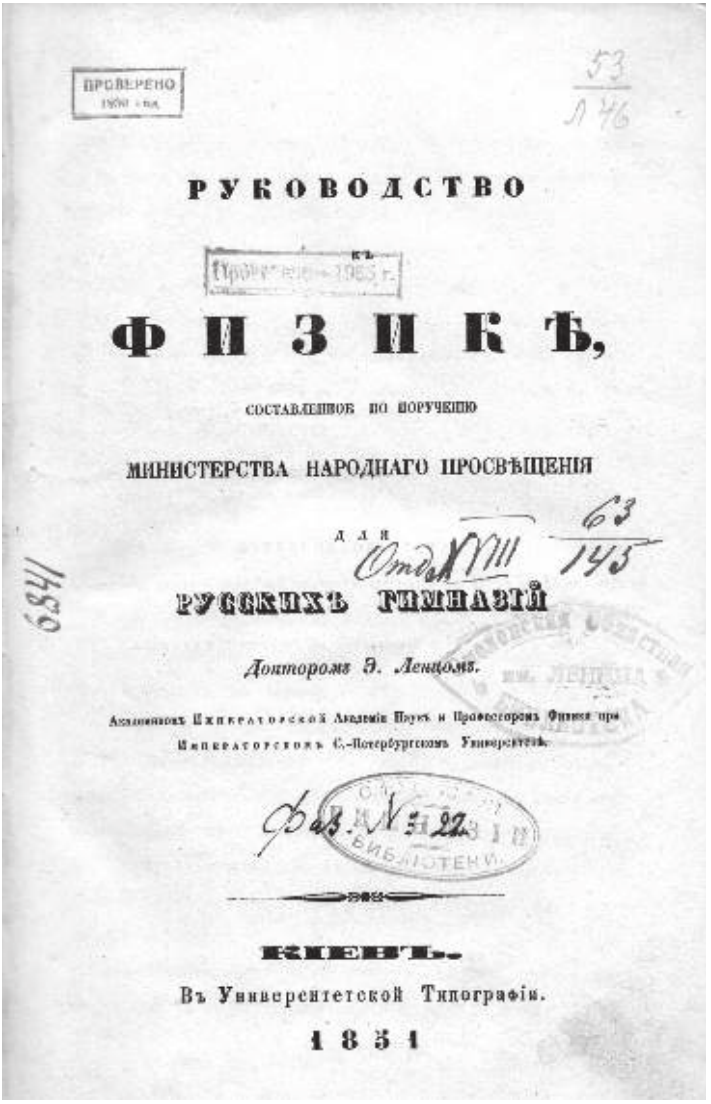
На русский язык первые две части учебника перевел Алексей Васильевич Сперанский (1865–1919), автор «Краткого курса химии»,

---

[5] Русский биографический словарь: Лабзина — Ляшенко. М., 1996. С. 193.

[6] *Ленц Э.Х.* Руководство к физике, составленное по поручению Министерства народного просвещения для русских гимназий доктором Э. Ленцом. Киев, 1851. С. 5.

[7] *Рамзай У.* Краткий учебник неорганической и физической химии: С прил. сб. хим. задач. М., 1898. С. 7.



РУКОВОДСТВО

КЪ

ФИЗИКѢ,

СОСТАВЛЕННОЕ ПО ПОРУЧЕНІЮ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ДЛЯ

РУССКИХЪ ГИМНАЗІЙ

Докторомъ Э. Ленцомъ.

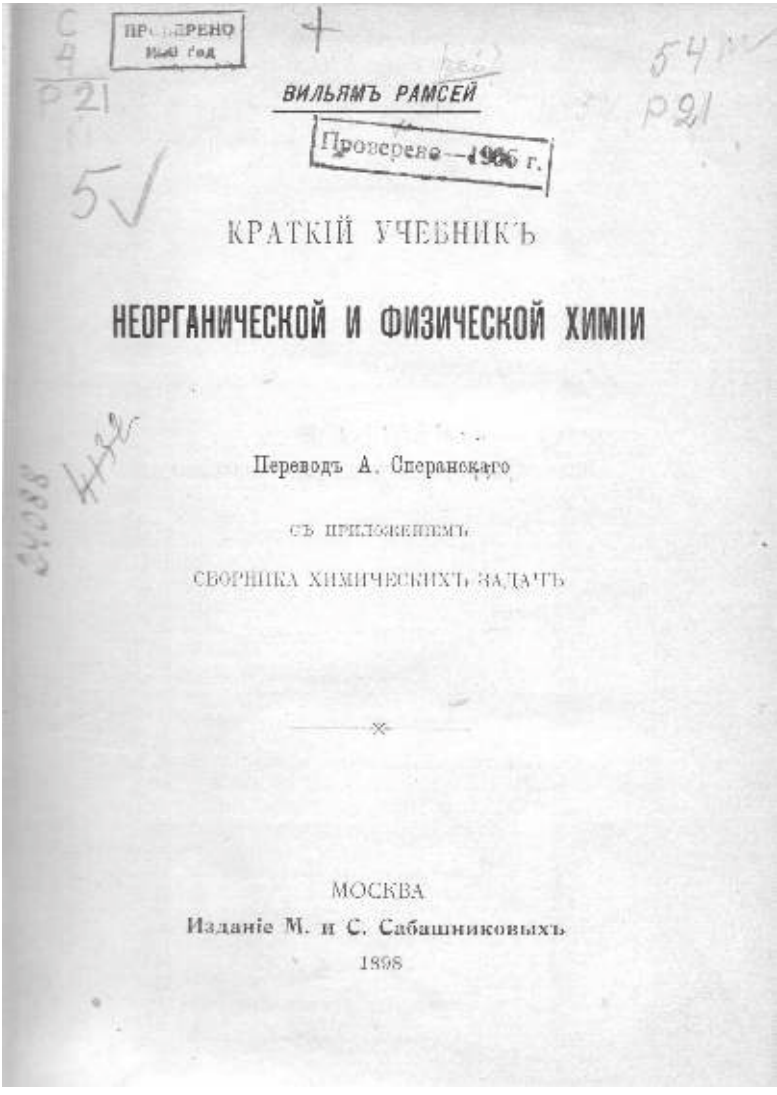
Ординарнымъ Императорской Академіи Наукъ и Профессоромъ Физики при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

КІЕВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1851

Руководство к физике, составленное по поручению Министерства народного просвещения для русских гимназий доктором Э. Ленцом. 1851 год



У. Рамзай. Краткий учебник неорганической и физической химии. 1898 год

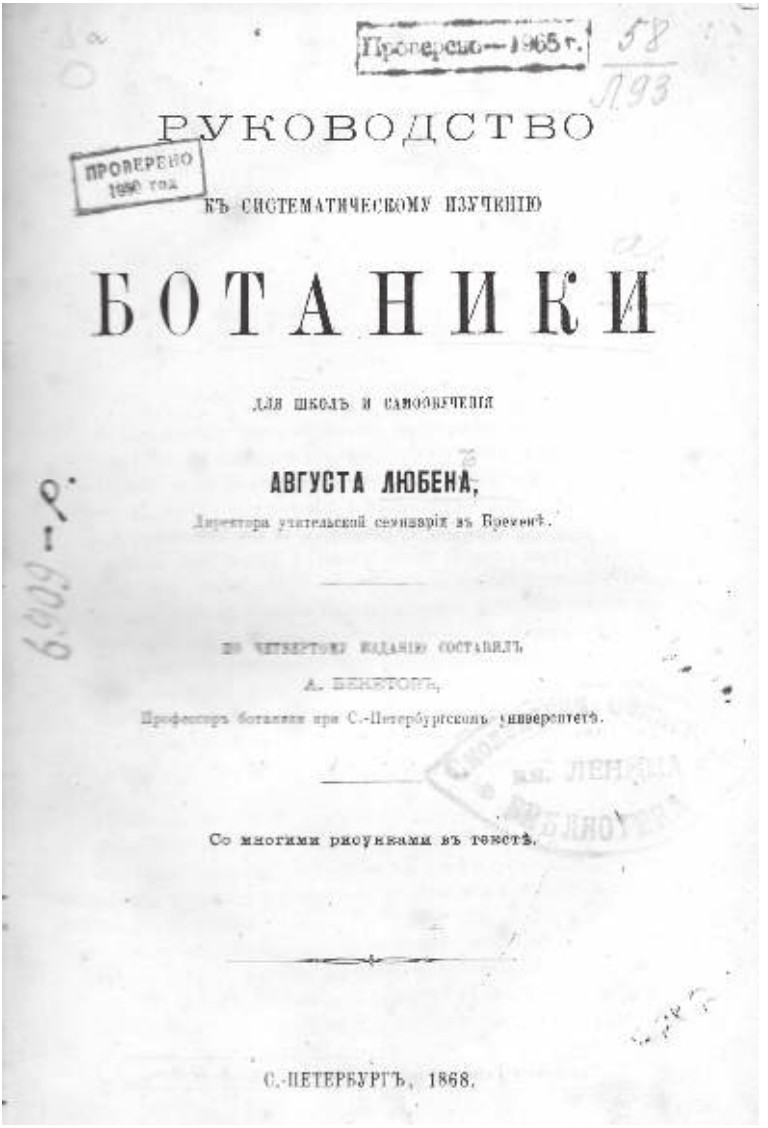
неоднократно переиздававшегося в начале XX века. С 1891 года Сперанский был преподавателем Московского университета, а с 1907-го — профессором Киевского университета. Причем Сперанский не просто перевел, но и дополнил учебник сборником вопросов и задач, а для учеников, которые самостоятельно захотят познакомиться с основами химии, добавил не только ответы, но и подробные решения.

На корешке издания, которое хранится в нашем фонде, имеется суперэкслибрис, на форзацном листе экслибрис, а на отдельных листах штемпель библиотеки Московского педагогического собрания. Московское педагогическое собрание объединяло лиц, имеющих отношение к делу образования и воспитания, на основе общепедагогических интересов, оказывало моральную и материальную помощь лицам педагогического звания. При Собрании имелись справочное и посредническое бюро для педагогов и учреждений, библиотека и кабинет для чтения. Библиотека насчитывала 10 000 томов по педагогике, психологии, языкознанию, естественным наукам, искусству, справочные издания, детские книги. На нашем учебнике стоит номер 4349, под которым он числился в библиотеке Московского педагогического собрания. После 1917 года это книжное собрание поступило в библиотеку Института красной профессуры[8].

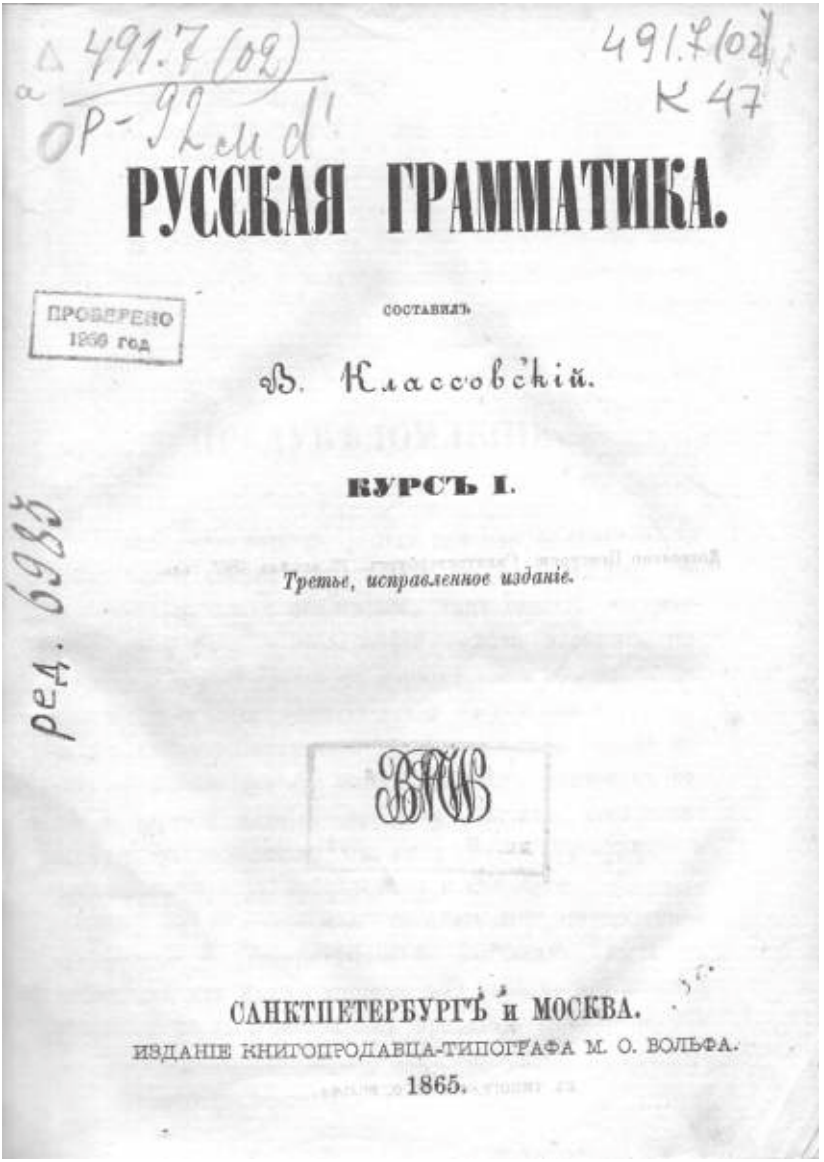
В библиотеке имени А.Т. Твардовского хранится напечатанное в Санкт-Петербурге в 1868 году «Руководство к систематическому изучению ботаники для школ и самообучения» немецкого педагога-естественника Августа Любена (1804–1873). Любен был директором семинарии в Бремене, его основные труды опубликованы в 30–40-е годы XIX века в Германии. В изучении естествознания этот ученый предлагал идти от простого к сложному, от известного к неизвестному, от конкретного к отвлеченному. В предисловии к книге переводчик и составитель Андрей Николаевич Бекетов (1825–1902), профессор ботаники при Санкт-Петербургском университете, пишет: «Любен есть один из самых знаменитых педагогов в Германии. Его учебники по всем отраслям естественной истории, его книги для постепенного чтения и пр. распространены в Германии сотнями тысяч экземпляров и продолжают постоянно выходить новыми изданиями»[9]. Бекетов перевел на русский язык

[8] Книжные знаки в фонде Смоленской областной универсальной библиотеки: иллюстрированный каталог. Смоленск, 2006. С. 156.

[9] *Любен А.* Руководство к систематическому изучению ботаники для школ и самообучения. СПб., 1868. С. 1.



А. Любен. Руководство к систематическому изучению ботаники для школ и самообучения. 1868 год



В.И. Классовский. Русская грамматика. 3-е издание. 1865 год

и многие другие классические работы по ботанике, имевшие огромное значение для развития отечественной науки.

Морфологическая часть учебника написана Бекетовым, а всё остальное основательно им переработано. Здесь даны основы морфологии, анатомии и физиологии растений, а также сведения, необходимые для работы с микроскопом[10]. Бекетов перевел на русский язык многие другие классические работы, которые имели огромное значение для развития отечественной биологической науки.

В Санкт-Петербурге в 1870 году был издан и «Учебник ботаники, составленный доктором Юлиусом Саксом». Юлий Сакс (1831–1897) — известный немецкий биолог, ботаник. С 1868 по 1897 год был профессором ботаники Вюрцбургского университета. В нашем редком фонде хранится выпуск первый, книга первая — «Общая морфология» в переводе петербургских ботаников С.П. Карельщикова (1834–1869) и С.М. Розанова (1840–1870).

В учебнике Сакса дано исчерпывающее изложение всего, что было известно о науках и растениях в то время, и представлены многочисленные идеи, основанные на собственных оригинальных экспериментах автора.

Среди учебников по грамматике и русскому языку, хранящихся у нас в редком фонде, отметим «Русскую грамматику» педагога и писателя Владимира Игнатьевича Классовского (1815–1877). Это третье издание, напечатанное в 1865 году выдающимся книгоиздателем и книготорговцем М.О. Вольфом (1825–1883).

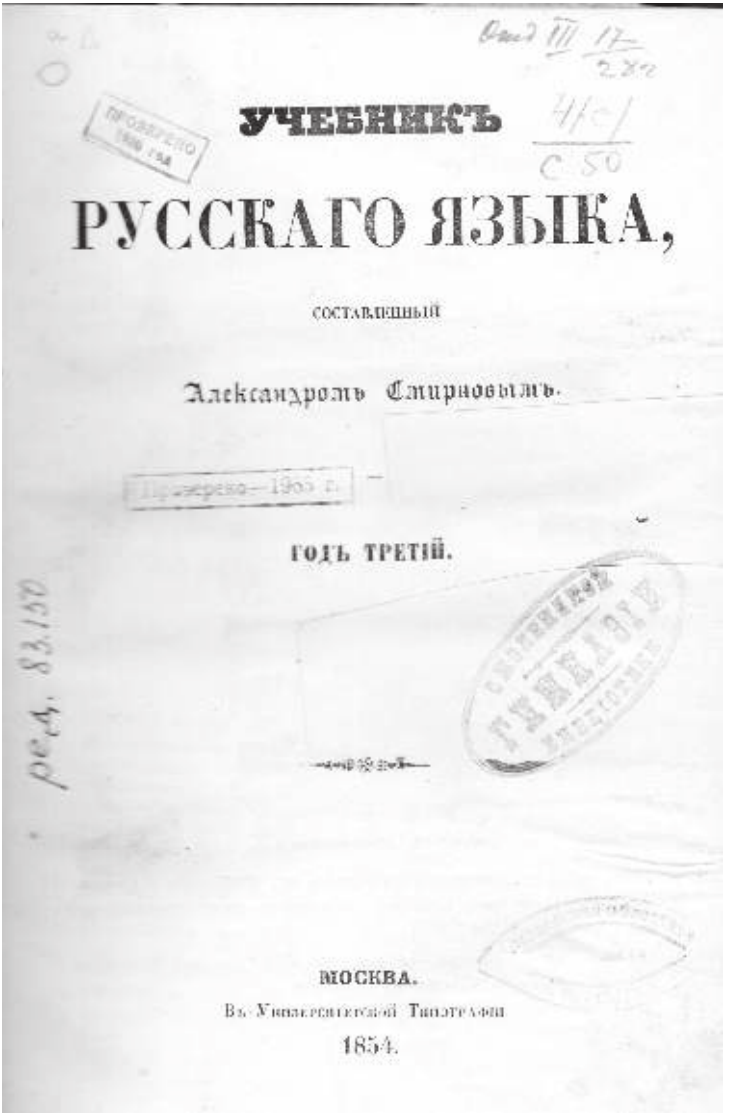
В 1852–1857 годах Классовский преподавал русский язык великому князю Николаю Александровичу и среди преподавателей был наиболее яркой личностью[11]. Впоследствии он служил наблюдателем по русскому языку в военно-учебных заведениях, в 1874 году был назначен инспектором классов Елизаветинского института и вошел в состав ученого комитета Министерства народного просвещения. Классовский составил значительное количество известных работ, среди которых учебники по грамматике русского и церковнославянского языков, издания классиков с комментариями[12].

---

[10] *Щербакова А.А.* Андрей Николаевич Бекетов — выдающийся русский ботаник и общественный деятель. М., 1958. С. 53.

[11] *Толмачев Е.П.* Александр III и его время. М., 2007. С. 19.

[12] Русский биографический словарь: Ибак — Ключарев. [Репринт. воспроизведение]. М., 1994. С. 729–730.



УЧЕБНИКЪ

РУССКАГО ЯЗЫКА,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Александромъ Смирновымъ.

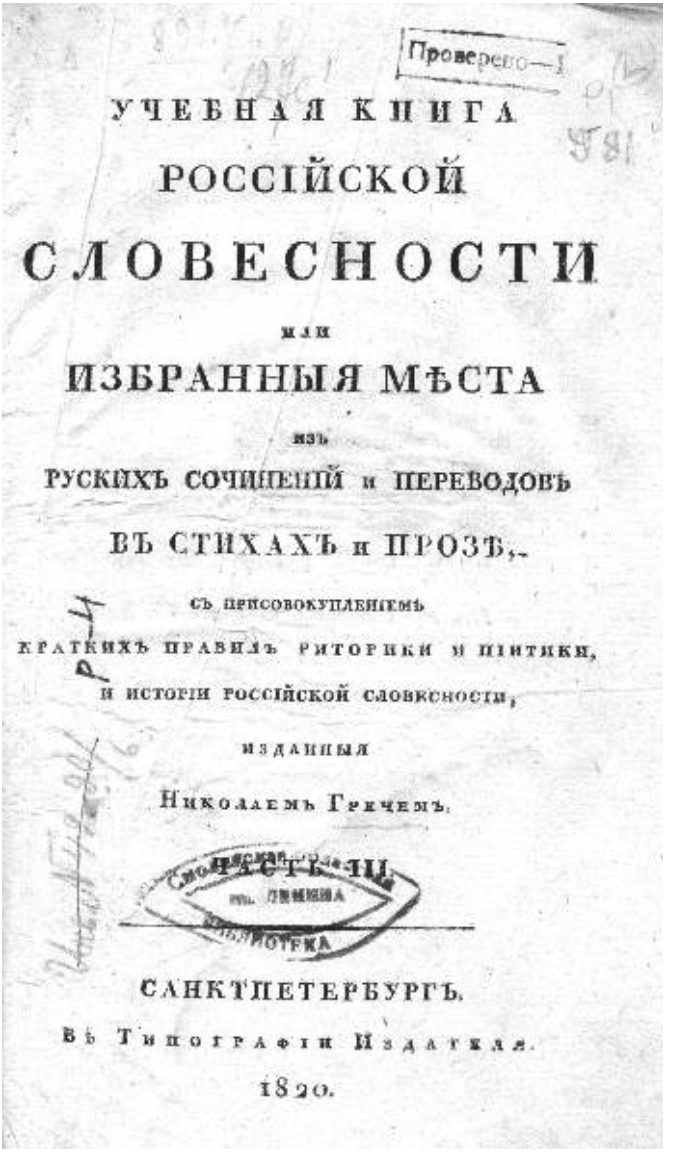
ГОДЪ ТРЕТІЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи

1854.

Учебник русского языка, составленный учителем 3-й Московской реальной гимназии Александром Смирновым, третий год. 1854 год



Учебная книга российской словесности. Часть 3. 1820 год

«Учебник русского языка, составленный учителем 3-й Московской реальной гимназии Александром Смирновым, третий год», был напечатан в 1854 году в Москве в университетской типографии. Александр Петрович Смирнов (1825–1885) — педагог-словесник, общественный деятель, действительный статский советник. Третий год обучения включает в себя «Синтаксис», им и завершается этот курс преподавания. Учебник состоит из трех разделов: «Логическое построение речи», «Этимологическое построение речи», «Синтаксическое построение речи». Главным источником для написания этой части послужили сочинения писателей-классиков, но также даны примеры из обиходной речи.

На титульном листе стоит штемпель библиотеки Смоленской гимназии. Мужская гимназия, одно из старейших учебных заведений в Смоленске, была основана в 1804 году[13]. В гимназии преподавались древнегреческий и латинский языки, математика, Закон Божий и другие дисциплины. Образование классической гимназии давало право поступления на любое отделение университета. Фундаментальная и ученическая библиотеки гимназии пополнялись на выделяемые ежегодно суммы (по штату полагалось 250 рублей), а также за счет пожертвований[14]. В нашем редком фонде выявлено более 350 книг из библиотеки Смоленской губернской мужской гимназии.

Из учебников по русской словесности и литературе можно выделить книжные памятники «Учебная книга российской словесности», третья часть, 1820 года и «Учебная книга русской словесности», третья часть, 1830 года Николая Ивановича Греча (1787–1867). Автор учебников — русский писатель, журналист, издатель, филолог и педагог. С 1804 года он преподавал в частных школах, Петропавловском училище, Пажеском корпусе, будучи одновременно членом цензурного кабинета. С 1812 года Греч вместе с Булгариным издавал журнал «Сын Отечества», с 1825 года — газету «Северная пчела». В 1829–1831 годах редактировал «Журнал Министерства народного просвещения». Влиятельность «Учебной книги словесности» подтверждают ее неоднократные переиздания.

Труды Греча существенно повлияли на состояние гуманитарного образования в России. Николай Иванович был блистательным педагогом и методистом, умевшим отобрать, систематизировать и кратко опи-

[13] *Аксенов М.В.* Историческая записка о Смоленской губернской гимназии. Ч. 1 (1786–1833). Смоленск, 1912. С. 1–5.

[14] Там же. С. 125.

сать литературный и грамматический материал. Этот талант проявился в «Учебной книге словесности», где краткие и точные определения богато проиллюстрированы множеством литературных примеров. Учебник представляет собой избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, дополненные краткими правилами риторики и истории российской словесности с характеристикой отдельных периодов. Здесь также даны краткие правила пиитики (искусство стихосложения и правила, по которым полагается писать стихи). На издании 1830 года, хранящемся в нашей библиотеке, на титульном листе стоит штемпель библиотеки Смоленской гимназии.

«История русской литературы» Александра Ивановича Кирпичникова (1845–1903), русского историка литературы, филолога, профессора Харьковского, Новороссийского и Московского университетов, члена-корреспондента Академии наук, была издана в Москве в 1869 году. А.И. Кирпичников — автор ряда статей по вопросам педагогики и по методике преподавания русского языка и литературы. Либеральные убеждения, общественная отзывчивость и огромная эрудиция Александра Ивановича сделали его одним из популярных профессоров эпохи. Завершающие III и IV тома «Всеобщей истории литературы», начатой В.Ф. Коршем, являются одними из серьезных его трудов[15]. В предисловии к «Истории русской литературы» Кирпичников указывает, что в этом учебнике, «во-первых, даются краткие историко-литературные обозрения, во-вторых, изложение содержания произведений и отдельные отрывки из произведений, которые будут напечатаны в хрестоматии к учебнику, и, в-третьих, биографические сведения о писателях, в основном об их воспитании»[16]. Материал дан от начала славянской письменности до А.С. Грибоедова. По словам автора, из учебника было исключено всё сомнительное, неясное, все предположения и мнения, а оставлены только факты. На форзаце издания, хранящегося в редком фонде нашей библиотеки, есть технический ярлык библиотеки Смоленской духовной семинарии. Семинария — первое среднее учебное заведение на Смоленщине, основанное в 1728 году стараниями епископа Смоленского и Дорогобужского Гедеона Вишневского. Библиотека была

[15] *Захарьин М.* Воспоминания об А.И. Кирпичникове // Исторический вестник. 1903. № 6. С. 1012.

[16] *Кирпичников А.И.* История русской литературы: для учащихся. М., 1869. С. [3].

Проверено—1965 г.

НОВѢЙШЕЕ ЗЕМЛЕОПИСАНІЕ

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ,

сочиненное Зябловскимъ,

Санктпетербургскаго Педагогическаго Института Экстраординарнымъ Профессоромъ.

Рег 18094

ЧАСТЬ ВТОРАЯ,

содержащая четвертую и послѣднюю главу, въ коей описывается раздѣленіе Государства на части.

Съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

въ типографіи И. Глазунова, 1807 года.

Е.Ф. Зябловский. Новейшее землеописание Российской империи. Часть 2. 1807 год

одной из крупнейших в Смоленской губернии[17]. На форзаце также имеется запись: «Воспитанника II-го класса Смоленской Духовной Семинарии Александра Протопопова 1885 года», а на титульном листе: «Петр Тихоненков V класса 1911/12 уч. г.» Скорее всего, это свидетельствует о том, что книга выдавалась на школьный год для обучения.

Географию в редком фонде Смоленской областной универсальной научной библиотеки имени А.Т. Твардовского представляет книжный памятник «Новейшее землеописание Российской империи» Евдокима Филипповича Зябловского (1764–1846), изданное в Санкт-Петербурге в 1807 году. У нас хранится вторая часть. Автор учебника — профессор статистики, в 1797 году был назначен профессором истории географии, а позже статистики в Санкт-Петербургской учительской гимназии (с 1803 года Педагогический институт). Труды Зябловского по статистике и географии были широко известны. В то время состояние географического образования было предметом оживленных дискуссий, его недостатками были обеспокоены многие общественные деятели. При изучении географии ставились высокие цели — нравственное воспитание молодежи и подготовка заботливых хозяев отечества.

Во второй части учебника дается материал о государственном гербе, образе правления и разделении государства на части. Дано описание 50 губерний Российской империи, а также областей, которые не являются губерниями, среди которых Грузия, Земля донских казаков, Курильские и Алеутские острова и другие. К описанию каждой губернии вклеен отдельный лист с цветным изображениями герба и губернского мундира.

У нас хранится и напечатанная в 1832 году в Санкт-Петербурге «Российская статистика» Зябловского, составленная из лекций, которые он читал студентам Императорского Санкт-Петербургского университета. Это издание состоит из двух частей. В предисловии Зябловский выражает надежду, что в изучении российской статистики для юношества эта книга будет полезным руководством. На титульном листе есть штемпель библиотеки Смоленской гимназии.

Еще одно пособие по географии — «Учебная книга географии. Российская империя» Евгения Алексеевича Лебедева. В нашем фонде представлено девятое издание, напечатанное в 1879 году. Этот

[17] Книжные знаки в фонде Смоленской областной универсальной библиотеки. С. 78.

учебник по географии России для гимназий переиздавался 28 раз с 1871 по 1916 год. Во вводной главе рассматриваются границы России, Северный Ледовитый океан, его части и острова, Каспийское, Балтийское, Черное и другие моря. Основное повествование разбито на две крупных главы: европейская Россия и азиатская Россия. В них даются сведения по географии, климату, говорится о населении и административном устройстве. В этнографических очерках отдельно рассматривается население областей России. На форзаце стоит штемпель Смоленского общества краеведения.

Среди учебников по истории стоит отметить «Учебную книгу всеобщей истории» Никиты Ивановича Зуева (1823–1890), русского педагога, преподавателя, картографа, географа, публициста и издателя. В нашем фонде хранится вторая часть — «Средняя история», четвертое издание, дополненное и исправленное по замечаниям Комитета рассмотрения учебных руководств, выпущенное в 1857 году[18]. Материал учебника разделен на два периода: в первом описана история от падения Западной Римской империи до Крестовых походов (476–1095 годы), во втором — от начала Крестовых походов до конца XV века. В конце прилагаются хронологические таблицы, по которым можно проследить исторические события разных государств за эти периоды, и три исторические карты: «Каролингского государства и Норманнских владений в Европе и С. Америке между VIII и XII столетиями», «Мусульманских государств и Калифатов во времена их славы и могущества», «Европы во времена Крестовых походов до XV столетия».

Зуев составил большое число учебных руководств и пособий по истории и географии. Его статьи естественно-исторического, этнографического, культурологического содержания печатались в «Живописном обозрении», «Ниве», «Кругозоре». Он сам был основателем журналов «Живописное обозрение» и «Северная звезда». На корешке и форзаце «Учебной книги всеобщей истории» из нашего редкого фонда — ярлык библиотеки Смоленской духовной семинарии, а на титульном листе — штемпель библиотеки Смоленского государственного института, основанной в 1918 году.

Учебное пособие для учащихся «Отечествоведение: Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям» составил русский

[18] Русский биографический словарь: Жабокритский — Зяловский. [Репринт. воспроизведение]. М., 1999. С. 566.

педагог и писатель Дмитрий Дмитриевич Семенов (1834–1902). Он преподавал географию и историю в гимназиях, Смольном институте и на Высших педагогических курсах, написал около 300 статей педагогического, биографического, критического и исторического содержания, разработал методики преподавания географии и русского языка, а также первые наглядные пособия для гимназий.

«Отечествоведение» Семенова вышло в шести томах. До 1917 года это издание было обязательной частью гимназического курса. В каждом томе дается полное историко-географическое и статистическое описание определенного региона.

В фонде библиотеки имени А.Т. Твардовского хранится четвертый том «Восток и Запад» и пятый том «Великорусский край», напечатанные в 1879 году. Помимо статей самого Д.Д. Семенова, в них входят статьи Л.Н. Толстого, Н.И. Костомарова, Д.В. Григоровича, С.М. Марковой, П.И. Мельникова и других. Это учебники из библиотеки Смоленского реального училища, о чем свидетельствует суперэкслибрис «Б. СМ. Р. У.» на корешках. Училище было открыто 28 августа 1877 года по инициативе губернского земства, поддержанной в Городской думе, а в 1880 году получило высочайшее разрешение именоваться Александровским. При училище имелись фундаментальная и ученическая библиотеки.

Отечественные учебники и учебные пособия XIX века дают возможность проследить, как менялась форма преподавания, название и содержание дисциплин, технологии издания и оформление книги, составляют фактическую основу для изучения истории педагогического процесса, и являются важным источником исторических сведений о людях, внесших существенный вклад в развитие образования в России.

Александр Шевцов

«СЛЫШУ УМОЛКНУВШИЙ ЗВУК БОЖЕСТВЕННОЙ ЭЛЛИНСКОЙ РЕЧИ...»

Наставникам, хранившим юность нашу, посвящен этот разговор. Но я бы хотел задаться вопросом: что значили эти слова для самого Пушкина, что сам Пушкин понимал под наставничеством? И в каком произведении он выразил свое понимание? Вот это я бы и хотел найти в своем маленьком исследовании.

«Словарь языка Пушкина» однозначно свидетельствует: он знал два слова для передачи этого понятия. В «Арапе Петра Великого» и в «Капитанской дочке» он использует слово «ментор». В остальных случаях, а они гораздо обильнее, он использует слово «наставник» и его производные.

Ментор уводит нас к Гомеру и его влиянию на воспитание европейской молодежи. Ментор — это имя друга Одиссея, которому, уезжая под Трою, Одиссей поручает заботы о сыне. То, как Ментор сопровождает и наставляет юного царевича, стало архетипом наставничества в европейской культуре.

Однако слово «ментор» стало нарицательным лишь в восемнадцатом веке, после появления романа Фенелона «Приключения Телемака» в 1699 году. Греки ко времени Гомера очень хорошо владели наставничеством, источники свидетельствуют, что этот вид культурного поведения был глубоко разработан в ту эпоху. Но они не знали слова «ментор».

Как не знали его и наши предки — скажем, когда вещий Олег опекает малолетнего Игоря. Но знали слово «уй» или «дядька» — в значении наставника, хранящего юность наследника. Дядьки дожили у нас до конца эпохи дворянства.

Как ведет себя дядька? Как описал его Пушкин в «Капитанской дочке». Или как гофмейстер в Европе. Вернер Йегер в исследовании, посвященном греческой педагогике, дает такое описание того, как видит наставничество Гомер:

«В следующих песнях Афина, от которой, как верит Гомер, исходит божественное вдохновение, обещающее делам удачу, является в образе еще одного старшего друга, Ментора, который сопровождает Телемаха в его путешествии в Пилос и Спарту… Ментор недреманным оком сле-

дит за каждым шагом своего подопечного и в любой ситуации оказывается рядом, помогая поучениями и советами.

Он наставляет юношу относительно правил поведения в обществе, где тот, будучи еще неуверенным в себе, попадает во всё новые трудные ситуации»[1].

Как видим, для грека наставничество — это одно из тех важнейших дел, которому людей учили боги, наряду с пением, медициной, ремеслом, охотой и верховой ездой. Иначе говоря, это дела демиургов. Но вот любопытная деталь: демиургия — это то, чем занимается ремесленник. И это важно, потому что наставничество — это всегда обучение какому-то ремеслу или искусству, «техне» по-гречески. Его можно было бы изучать по средневековой цеховой культуре. Но не в случае Пушкина!

Чтобы понять его, нам придется глубже заглянуть в истоки, следуя шаг за шагом за развитием гения.

Известно, что с Гомером Пушкин познакомился еще до лицея, лет в девять. Но что это мог быть за Гомер? Один из русских переводов, вроде ломоносовского? Скажем, прозаический перевод Кондратовича или Мартынова? Или перевод Кострова, выполненный александрийским стихом? Возможно, Пушкин читал Гомера на французском.

Греческого он не знал, зато любил Вольтера. И поэтому в своих первых оценках Гомера он, следуя за Вольтером, как Онегин, бранил Гомера, Феокрита… Но постепенно понимание Пушкина менялось, а после выхода переводов Гнедича его смущенная душа начала чуять тень великого старца…

А вместе с этим менялось и пушкинское понимание наставничества. С понимания наставника как дядьки, гофмейстера, ментора, который учит недоросля манерам и вводит в общество благородных людей, он начал прозревать то, что видели греки, когда говорили, что сквозь ментора проливается вдохновение богини.

Но что видели греки?

Для нас самый понятный образ того дядьки, который водит ребенка в школу, — это педагог. Но педагог — это раб, и поэтому он ничему не может учить отпрыска благородного семейства. И это не единственная помеха. Дело в том, что само слово «педагог» известно лишь с пятого века. А наставничество описывает уже Гомер.

Наставник во времена Гомера звался дидаскал. Что это такое?

---

[1] *Йегер В.* Пайдейя. Т. 1. М., 2001. С. 58.

Само слово известно с микенской поры в записях на глиняных табличках линейным письмом. Уже для того времени исследователи предпочитают считать, что дидаскалы обучают ремеслу. Но «из табличек неясно, к какой области или группе навыков относятся эти наставления»[2].

Мы можем судить о том, что делает дидаскал, по произведениям Гомера и авторов близкой к нему поры. И обнаруживаем, что в первую очередь его задача — обучить благородного юношу правильному обращению с незнакомцами. Это, безусловно, объясняется тем, что в облике незнакомца в дом может прийти и бог. И сами дидаскалы так же бродили от двора ко двору, принося с собой различные важные знания.

Это была целая социальная прослойка древнегреческого общества — прорицатели, врачи, плотники и певцы, аэды, которые обладали особыми навыками в своих искусствах, то есть техне. Что важно в этих навыках: они не были врожденными, им можно было обучать.

У всех этих искусств был источник, некто в начале начал, от которого можно было выводить передачу, как родство с героем или царем. Кентавр Хирон учил Ахиллеса искусству медицины, Афина и Гефест обучали смертных ремеслам. Аполлон, как рассказывается в «Одиссее», обучает Демодока «путям песни». Гермеса благодарят в гомеровском гимне «К Гермесу» за то, что он изобрел слово и обучил ему людей, которые без этого вели бы звериный образ жизни.

В определенном смысле дидаскал той поры приравнивается к демиургу, как звали ремесленника. То есть к искусству того, кто делает вещи. Но вот вопрос: что за ремесло было в основе всего и что за вещи творит дидаскал? Здесь нас ждут неожиданные открытия.

В том же гимне «К Гермесу» рассказывается, что новорожденный Гермес передает Аполлону лиру, в сущности, обучив его тому делу, которое станет главным для Мусагета в классический период. За это Аполлон, в ответ на просьбу Гермеса научить его прорицанию, дарит Фрий, которых исследователи называют сестры-пчелы.

При этом он объясняет, что не может научить тому, как читать мысли Зевса, поскольку дал страшную клятву. Зато научит малому прорицанию, которому сам учился в детстве у этих сестер.

---

[2] *Брэтт М. Роджерс.* До пайдэйи: представления об образовании в трагедиях Эсхила. СПб., 2021. С. 70.

Некие Фрии на свете живут, урожденные сестры,
Девы. На быстрые крылья свои веселятся те девы.
Трое числом. Волоса их посыпаны белой мукою.
А обитают они в углубленье Парнасской долины,
Там обучая гаданью. И мальчиком подле коров я
Им занимался и сам. Но отец ни во что его ставил.
Дом свой покинув и с места на место проворно летая,
К сотам они приникают и каждый дотла очищают.
Если безумьем зажгутся, поевши янтарного меда,
Всею душою хотят говорить они чистую правду.

К Гермесу. 352–60

Как бы ни пренебрежительно относился Аполлон к этому виду гадания, очевидно, народному, но первый храм в Дельфах, где он основал свое прорицалище, убив Пифона, был сделан из воска… И это наводит нас на мысль о меде поэзии.

Аполлон не мог стать водителем муз, пока не овладел арфой, то есть до рождения Гермеса. Но если Гермес изобретатель слова, то и музы Аполлона не могли стать музами ни одного вида поэзии. Как не могли без слова родиться и прорицания.

Именно про Фрий в гимне сказано, что они дидаскалы, поскольку обучают гаданию. И это однозначно связывает в единое три искусства: слова, песни и прорицания. Уже в древности греки связывали наставничество с поэзией. Так, у Гераклита поэт Гесиод назван дидаскалом многих людей (D-K B-57). В другом фрагменте (D-K B-104) он прямо сопоставляет дидаскала и поэта:

«Ибо где у них ум и где разум? Песни холопов горланит один, словно наставник (διδασάλω) вещает другой…»

Эта связь рапсода, аэда и дидаскала была подмечена многими исследователями, но лучше всего ее выразил Брэтт Роджерс:

«Но эти ранние описания уже изображают διδασάλος как фигуру, вовлеченную в рассуждения о прорицании и особенно о поэзии»[3].

Как сказал Аристофан в «Лягушках»: «Малых ребяток наставляет учитель (διδασάλος) добру и пути, а людей возмужавших — поэты» (Аристофан 1054–1055).

[3] *Брэтт М. Роджерс.* До пайдэйи: представления об образовании в трагедиях Эсхила. С. 89.

Но что такое поэт для древнего грека? И что такое поэзия?

Поэзис этимологически образован от древнегреческого термина ποιεῖν, что означает «делать». Поэтому современные словари древнегреческого языка определяют Ποιησις (ποιεω) как делание, приготовление, создание, произведение, постройку, а также творение поэта, сочинение, стихотворство, поэзию.

Иными словами поэзис — это работа демиурга, творящего некие вещи, подобно ремесленнику. Но ведь это не такие вещи! Смею сделать предположение, что это такие вещи, которые еще не переданы богами людям. Поэтому поэт, подобно Гермесу, оказывается посредником между богами и людьми в творении тех вещей, которые еще не открылись человеку, ибо истина для грека — это сокрытое!

Об этом лучше всего сказал Хайдеггер, в рассуждении, посвященном технике. Технике — от греческого техне, то есть искусства. Если мы вчитаемся в определение поэзиса, то узнаем в нем описание ремесла. Это как бы одно и то же для грека. Вот только ремесло поэзиса — это не просто изготовление вещей, потому что среди значений слова ποιεω обнаруживаются непростые: сотворить, совершать жертвоприношение, приносить жертву… Совершается в честь бога…

Но Хайдеггер идет не от этого, он отталкивается от одного высказывания Платона из «Пира». В нашем академическом переводе Апта оно звучит так, что поэту в нем нет места, как, впрочем, и Платону:

«Ты знаешь, творчество [понятие] широкое. Всё, что вызывает переход из бытия в небытие, — творчество, и, следовательно, создание любых произведений искусства и ремесла можно назвать творчеством, а всех создателей их — творцами»[4].

Хайдеггер исходит из этого утверждения Платона, но в оригинале оно звучит совсем иначе. Переводя Хайдеггера, Владимир Бибихин сделал свой перевод этого места. Он гораздо ближе к Платону:

«Всякий повод для перехода и выхода чего бы то ни было из несуществования к присутствию есть Ποιησις, произведение»[5].

И уж если быть последовательным, то стоит привести и то, как завершается этот отрывок в оригинале: все демиурги поэты.

Платон говорит о выводе произведения из несуществующего, Хайдеггер из потаенного:

[4] *Платон.* Пир // Платон. Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1993. С. 205.

[5] *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993. С. 224.

«Человек, строящий дом или корабль или выковывающий жертвенную чашу, выводит про-из-водимое из потаенности…»[6] «Событие произведения происходит лишь постольку, поскольку потаенное переходит в непотаенное»[7].

Что это за потаенное? Это то, что мы бы назвали истиной в смысле естины Павла Флоренского, того, что есть в действительности. А греки называли алетейей. «А-» — это отрицание летейи, сокрытости или потаенности на языке Хайдеггера. Поэт, называя нечто, дает ему имя, и оно перестает быть неведомым, сокрытым, я бы даже сказал — невидимым для остальных людей.

Если уж быть до конца точным, то летейя греческой истины этимологически производна от Леты, реки забвения. Сокрытие-забвение возможно лишь в том случае, если до какого-то мгновения нечто было тебе доступно, даже известно, но вот забылось или было перекрыто в твоей памяти воздействием реки забвения. Когда это происходит? Когда мы приходим в этот мир.

Воплощаясь, человек забывает всё, что знал в мире душ, на Небесах, где живут бессмертные идеи. Но кому-то дано проникать мыслью сквозь эту преграду и добывать из того мира идеи вещей. Именно эти особо одаренные люди становятся прорицателями и поэтами, потому что они творят образы, которым ремесленники дают жизнь в нашем мире. Именно их называют дидаскалами, наставниками, хранящими наши души.

Но как достичь такого уровня?

Пушкин сказал. И я считаю, что сказал он это именно тогда, когда понял, что такое действительный наставник.

Перевод Гнедича вышел в 1825 году. А в 1828-м Пушкин, в душе которого теперь звучит божественная эллинская речь, пишет «Пророка». Событие «Пророка» сопоставимо с тем, что пишет Хайдеггер о событии произведения, оно рассказывает о том, как потаенное переходит в непотаенное. Теперь мы знаем, что это случается с теми, кто достигает мрачной пустыни, подобной чистилищу Данте или полям между Коцитом и Ахероном в Аиде.

Мы знаем, что должен явиться гений, о котором говорит Платон в том же «Пире», как посредник между людьми и богами, возможно, это

---

[6] *Хайдеггер М.* Время и бытие. С. 225.

[7] Там же. С. 224.

Гермес. И раскрыть видение, одновременно заменив празднословный и лукавый язык на язык мудрости…

Так из поэта рождается пророк.

Думаю, что именно в «Пророке» Пушкин дал свое настоящее понимание наставника.

Литература

Пушкин А.С. Арап Петра Великого; Капитанская дочка; 19 октября; На перевод Илиады; Пророк.

Йегер В. Пайдейя. Т. 1. М., 2001.

Брэтт М. Роджерс. До пайдэйи: представления об образовании в трагедиях Эсхила. СПб., 2021.

Гераклит // Die Fragmente der Vorsokratiker. 3 Bände., Nachdruck der 6. verbesserten Auflage von 1951/52: Weidmann, Zürich 1996.

Гераклит // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989.

Аристофан. Комедии. Фрагменты / пер. А. Пиотровского. М., 2008.

Платон. Пир // Платон. Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1993.

Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.

Анастасия Никифорова

ОБУЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЯ: ПОИСК АРХИВОВ И АНАЛОГОВ В НАУЧНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПАНЕЛЕЙ ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ

К 80-м годам XX века послевоенный опыт воссоздания интерьеров дворцов уже был огромный. В Ленинграде сложилась целая школа реставрации архитектуры, монументальной живописи, деревянной резьбы, позолоты. Екатерининский дворец восстанавливался из руин, там трудились живописцы, позолотчики, резчики. Ленинградская школа реставрации опиралась на жесткие постулаты научного подхода к воссозданию утраченных шедевров. Для создания реставрационного задания для каждого поврежденного/утраченного памятника собиралось огромное количество информации, проводились десятки исследований. Искались и находились аналоги утраченного, акварели, фотографии, гравюры, образцы, старые чертежи и планы. Тот же подход был реализован и в группе А.А. Кедринского — архитектора, ответственного за воссоздание Екатерининского дворца.

В зале, где располагались янтарные панели, восстановление живописного плафона, наборного паркета, деревянной резьбы требовало значительного времени и умений, но было понятным по техникам и технологиям исполнения. Работа над янтарными панелями оказалась более сложной, ведь со времен создания Янтарной комнаты таких же масштабных изделий более создано не было.

Все собранные по Янтарной комнате материалы можно разделить на несколько групп:

	Найденные материалы	Как использовались
I. Непосредственно относящиеся к Янтарной комнате		
1	Оригинальные кусочки янтарных панелей, сохраненные хранителем комнаты А. Кучумовым	Определение наличия окрашивания камня, составление цветовой палитры, определение состава клея

2	Исторические черно-белые фотографии, негативы и цветные слайды с изображением Янтарной комнаты	Определение высот рельефов каменного убранства, чертежи с раскладками камней
3	Воспоминания современников, свидетельства очевидцев	Косвенные данные о цвете, степени сохранности панелей
4	Архивные материалы: описания, реестры, ведомости, описи, сметы, акты XVIII–XX веков, относящиеся к транспортировке, бытованию Янтарной комнаты в России, отчеты о проведенных реставрационных работах	Данные об обработке янтаря, его объемах, качестве, обработке, «варении», составах клея и прочее
5	Фотографии янтарного кабинета из немецкого журнала «Пантеон», опубликованные весной 1942 года	Чертежи с раскладками камней
II. Имеющиеся в России янтарные изделия/аналоги		
6	Коллекция янтарных изделий Екатерининского дворца	Работа с прямыми аналогами, определение состава клея и мастик, опыт реставрации изделий XVIII–XIX веков. Изготовление копий оригинальных исторических предметов. Определение состава клея, качества деревянной основы, типа соединений пластин между собой. Формирование представления о качестве резьбы, гравировок, обработки камня
7	Коллекция янтарных изделий в государственном Эрмитаже	
8	Коллекция янтарных изделий в Оружейной палате Московского Кремля	
9	Коллекция янтарных изделий в музее-заповеднике в Гатчине	
10	Коллекция янтарных изделий в музее-заповеднике в Павловске	
III. Янтарные изделия в музеях Европы		
11	Музей янтаря в Паланге (Литва)	
12	Музей янтаря в Гданьске (Польша)	

13	Изделия из коллекции музея Grunes Gewolbe («Зеленые своды»), в Дрездене	
14	Музей естественной истории в Берлине	
IV. Иконографические материалы с изображением аналогов, текстовым описанием		
15	Отечественные журналы конца XIX — начала XX века с рисунками/гравюрами/фотографиями изделий из янтаря	Поиск аналогов
16	Сборники с узорами, декоративными элементами разных стилей и эпох, подготовленные сотрудниками музеев	
V. Репринтные издания и издания на иностранных языках		
17	А. Роде «Янтарь — немецкий материал» (Берлин, 1937), «Книга о янтаре» (Кенигсберг, 1937)	Изготовление научных реконструкций оригинальных исторических предметов
18	Репринтные издания зарубежных исследований: Dr. Otto Pelka, Bernstein, Berlin; Richard Carl Schmidt & Co. 1920; и др.	Сбор данных об имеющихся коллекциях, традициях янтарного дела
VI. Флорентийские мозаики		
19	«Вид порта в Ливорно». Флорентийская мозаика из коллекции Екатерининского дворца-музея	Изготовление копий, изучение технологии изготовления флорентийских мозаик
20	Цветные слайды живописных картонов Джузеппе Дзокки (Флоренция)	
21	Коллекция флорентийских мозаик в Хофбурге (Вена)	

BERNSTEIN

EIN DEUTSCHER WERKSTOFF

Seine künstlerische Verarbeitung
vom Mittelalter bis zum 18. Jahrhundert

Von

Alfred Rohde

Титульный лист из книги Альфреда Роде «Янтарь».
Фото из архива А.А. Журавлева

Ответственным за восстановление янтарного декора был назначен Александр Журавлев — художник-реставратор произведений из янтаря высшей категории. Он был директором и художественным руководителем работ по воссозданию убранства Янтарной комнаты на протяжении 16 лет (с 1981 по 1997 год). При его непосредственном участии разрабатывался и реализовывался проект научной реконструкции этого всемирно известного памятника декоративно-прикладного искусства[1].

Казалось бы, тут предполагалась работа руками — бери камень, режь, пили, полируй. Однако чертежей янтарного убранства не осталось, да и к XX веку традиция художественной обработки камня была

[1] *Журавлев А.А., Кедринский А.А., Колотов М.Г.* Методика художественной обработки янтаря по воссозданию экспериментального панно на стене Янтарной комнаты Екатерининского дворца. Л., 1981.

Фото из альбома А. Роде «Янтарь». Florenz: Palazzo Pitti, Museo Argenti. Hainhover Schrank. Из архива А.А. Журавлева

прервана. У камнерезов не было опыта создания сложных крупных изделий, при изготовлении которых секреты обработки камня и технические нюансы передавались бы от мастера к ученику. На момент решения Совета министров РСФСР в 1981 году о воссоздании интерьера Янтарной комнаты Екатерининского дворца (ныне государственный музей-заповедник «Царское Село») ремесло резчика по янтарю существовало только в Калининградской области на региональном уровне[2]. В послевоенное время, получив в свое распоряжение Кенигсберг и все богатства его земель, советское правительство долгое время почти не занималось развитием предприятия, о чем свидетельствует ряд документов[3]. Почти вся продукция Калининградского комбината к началу 1980-х годов представляла собой типовые бусы, запонки, мундштуки, броши, серьги. Масштабные изделия появлялись крайне редко, а свободное художественное творчество не поощрялось.

Поэтому в процессе создания концепции научной реконструкции убранства Янтарной комнаты большим подспорьем стали подлинные янтарные экспонаты из коллекций отечественных и зарубежных музеев. В процессе их реставрации были уточнены составы мастик и клеев, определено качество деревянной основы крупных изделий, выяснены секреты соединения каменных деталей между собой. Особым сокровищем для реставраторов стала уникальная книга Альфреда Роде «Янтарь»[4], опубликовавшего незадолго до Второй мировой войны фотографии янтарных коллекций из европейских музеев и королевских резиденций. Анализ фотографий, проведенный А.А. Журавлевым и В.М. Домрачевым, позволил сделать заключение о размерах традиционно используемого для масштабных изделий сырья, качестве его обработки, глубине гравировок, высоте рельефов, пластике узоров, сочетании прозрачного и непрозрачного материалов.

Особое внимание хотелось бы уделить работе именно с архивными документами. Подбор иконографического материала, его систематизация

---

[2] *Журавлев А.А.* Воссоздание Янтарной комнаты. Формирование рабочего коллектива. История и опыт // Преемственность традиций художественной обработки янтаря. Проблема подготовки кадров. Материалы международной научно-практической конференции (21 октября 2005 года). Калининград, 2006. С. 39–55.

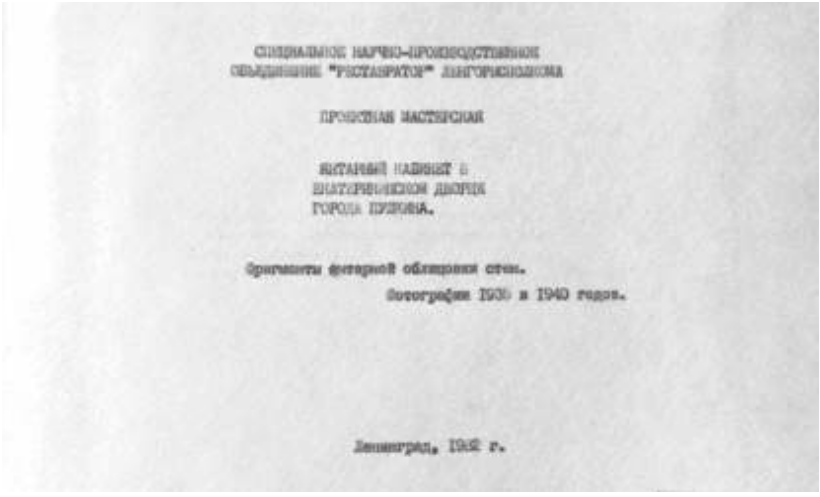
[3] *Костяшова З.В.* История Калининградского янтарного комбината. 1947–2007. Калининград, 2007.

[4] *Rode A.* Bernstein. Berlin, 1937.

Фото И. Крестовского. 1940-е годы.
Фото из архива А.А. Журавлева

Проект панели с разбивкой по камням. 1980–1990-е годы.
Фото из архива А.А. Журавлева

легли на плечи музейных сотрудников. К этому процессу подключились работники Оружейной палаты Московского кремля, Государственного Эрмитажа, Академии художеств, всех дворцов-музеев Ленинградской области. В поиске участвовали научные библиотеки Ленинграда, архивные данные были получены из музеев Московского Кремля, Исторического музея. Их трудами были сформированы объемные альбомы со всеми имеющимися фотографиями, сборники текстов с описаниями панелей, отчетами о проведенных в былые годы реставрационных работах. Важной была любая мелочь, каждая зацепка, которая помогла бы в уточнении деталировки элементов, могла бы раскрыть некоторые секреты обработки камня. Такие важные детали мы можем увидеть на фотографиях Игоря Крестовского, сделанных в ходе реставрации янтарного убранства в 1935 и 1940-х годах. Благодаря этим данным удалось создать полномасштабный проект с максимальной детализацией элементов. Цветные слайды, оригинальные кусочки убранства, сохраненные А. Кучумовым, хранителем Екатерининского дворца-музея, работа с прямыми аналогами позволили восстановить оригинальную цветовую палитру янтарных панелей.



СПЕЦИАЛЬНОЕ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ "РЕСТАВРАТОР" ЛЕНГОРИСПОЛКОМА

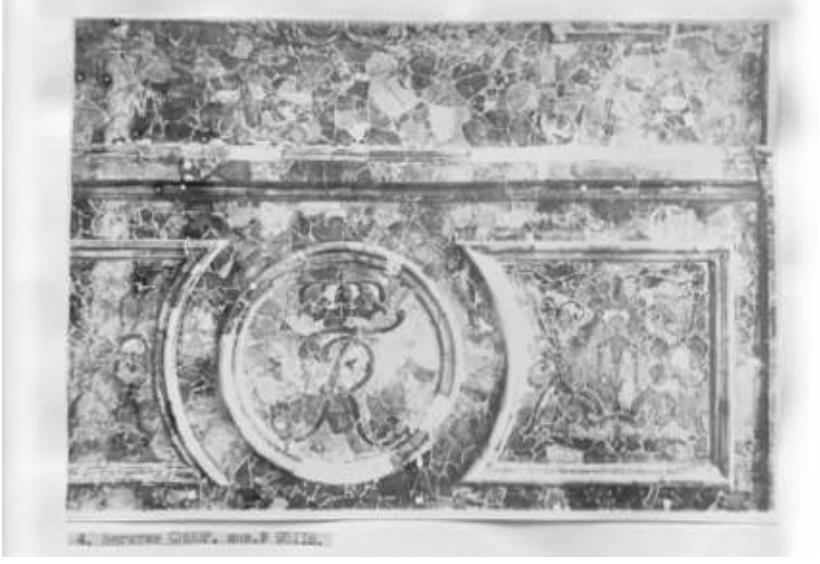
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ

ЯНТАРНЫЙ КАБИНЕТ В
ЕКАТЕРИНИНСКОМ ДВОРЦЕ
ГОРОДА ПУШКИНА.

Орнаменты янтарной облицовки стен.
Фотографии 1938 и 1940 годов.

Ленинград, 1982 г.

Титульный лист сборника фотографий. Ленинград, 1982 год.
Фото из архива А.А. Журавлева



Отпечаток негатива одной из панелей из сборника фотографий.
Фото из архива А.А. Журавлева

А.А. Журавлев. Проект мозаики «Зрение». 1980-е годы. Картон, темпера. Фото из архива А.А. Журавлева

Также было обнаружено значительное количество архивных документов с описанием внешнего вида панелей, списки материалов, необходимых для монтажа, «варки янтаря» и т. д. Эти и другие материалы представлены в фундаментальном исследовании М.Г. Воронова и А.М. Кучумова «Янтарная комната»[5]: ни один из современных альбомов о восьмом чуде света не может сравниться с этим научным исследованием по качеству и количеству собранного материала.

Не менее важны и сборники изображений декоративных элементов, орнаментов, вензелей и характерных элементов разных стилей и эпох, составленные сотрудниками музеев. Эти сборники были полезны при дальнейшей работе по стилистическому воссозданию тех элементов янтарного декора, о форме которых можно было догадываться только

[5] *Воронов М.Г., Кучумов А.М.* Янтарная комната. Шедевры декоративно-прикладного искусства из янтаря в собрании Екатерининского дворца-музея. Л., 1989.

Деталь проекта

примерно: фотографии не давали всей полноты картины. И это — несмотря на то, что в результате проведенной фотограмметрии в лаборатории Института земной коры удалось с точностью до миллиметра определить высоты всех рельефов.

Сложным и запутанным был поиск оригинальных живописных картонов для воссоздания утраченных флорентийских мозаик. Ошибки в первоначальном определении авторства живописных образцов завели поиски в тупик, однако случай позволил обратиться к специалистам из Вены, где в музейном собрании Хофбурга удалось обнаружить копии утраченных мозаик. В коллекции другого музея — Екатерининского — сохранилась мозаика «Вид порта в Ливорно», которая была прямым аналогом утраченных каменных шедевров. Имея перед глазами живой образец, а также проекты с разбивкой по камням, созданные А. Журавлевым по цветным фотографиям из Хофбурга, можно было приступать к поиску и подбору сырья и — к самой работе. Поездки во Флоренцию, в мастерскую мозаики, а также в Вену, позволили «осмотреть великолепную коллекцию, провести сравнительный анализ соответствия цветовой палитры российского камнесамоцветного сырья и исторических мозаик, степень проработки и разбивки элементов на лицах, фигурах, архитектурных сооружениях и окружающей их природе»[6].

Подводя итоги этого небольшого обзора, важно подчеркнуть фундаментальную роль архивов и музейных коллекций в деле сохранения культурных ценностей. Формирование концепции научной реконструкции Янтарной комнаты — яркий тому пример. Фотографии, тексты, описания — то, что казалось на момент создания этих документов не таким уж и значимым, — через столетия сыграло свою решающую роль в воссоздании янтарного шедевра.

---

[6] *Журавлев А.А.* Жизнь в янтарном свете. Калининград, 2013.

Ани Туманян

«ШКОЛА НАЧИНАЮЩЕГО ПИСАТЕЛЯ»: ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУППА «РЕЗЕЦ», 1920—1930-Е ГОДЫ

Исторические события 1920–1930-х годов серьезно повлияли на многие сферы жизни общества.

Литература в эти годы выполняла, кроме всех прочих, и идеологическую функцию: появился спрос на произведения, которые могли бы служить инструментом в воспитании «нового» гражданина.

Можно предположить, что в этот период в СССР не было ни одного завода или фабрики, где не выпускалась бы своя стенгазета или не собирался бы кружок рабкоровцев (рабочий корреспондент, нештатный корреспондент печатного издания из рабочей среды). Зачастую из таких кружков организовывались литературные группы. Если в сформировавшемся на заводе кружке не было руководителя и найти его там же не удавалось, то, как правило, ядро кружка присоединялось к другой уже сформировавшейся литературной группе. «Рабочие» писатели, которых вела «переполненная душа», инициировали создание новых газет и журналов, чтобы публиковать свои произведения, чтобы собирать и привлекать к работе над «художественным словом» таких же активистов, как они.

В тот период существовало много литературных объединений и групп, среди которых основными являлись РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей и ЛАПП — Ленинградская ассоциация пролетарских писателей. Для объединения разрозненных литературных групп на общей платформе РАПП была создана новая структура: творческий актив, играющий роль центра по обсуждению основных творческих задач ассоциации. Актив состоял из членов ЛАПП, не входящих в литературные объединения, членов литературных групп «Смена» и «Стройка», а также активистов литературной группы «Резец».

История литературной группы «Резец» и литературно-художественного журнала «Резец» началась еще в 1921 году. Своими истоками она обязана «Красной газете» и ее разделу «На фабриках и заводах», которым занимался Александр Леонтьевич Рабинович (печатался под псевдонимом Ярвич).

Александр Леонтьевич Рабинович

«Часто бывало так. В отделе «На фабриках и заводах» тесно. В комнате рабкоров за длинным столом нет свободных мест. Рабкоры пишут. У одного из углов стола сгрудилась группа человека в четыре. Один из них тихо, чуть ли не шепотом читает по рукописи стихи, часто останавливается и объясняет соседу-автору — где у того оборвана фраза, неясно выражена мысль, что такое ударение, размер стиха, где стих сбился с размера. Другие два начинающих поэта прислушиваются: это «стихоправ» занимается с первыми сотрудниками «Резца».

У «Резца» еще нет своего помещения. Вся его редакция умещается в одной из папок заведующего отделом «На фабриках и заводах». Он же и редактирует «Резец». Стихоправ приходит к нему по воскресеньям (в другие дни у зав. отделом не хватает времени) и приносит стихи начинающих поэтов. Многие стихи сильно правлены, перестановка слов даже не считается правкой, некоторые строки написаны заново»[1].

Сейчас «биография» «Резца» вряд ли поместилась бы в одну папку. Более чем за двадцать лет работы журнал менял не только свое название, но и оформление, рабочую и инициативную группы, руководителей. Первый номер газеты «Резец» был выпущен в печать 22 мая 1924 года тиражом 130 тысяч экземпляров в качестве бесплатного еженедельного приложения к «Красной газете», а уже после выхода второго номера сформировалось направление работы по развитию художественных навыков писательства.

Первым руководителем литературного кружка стал поэт Илья Иванович Садофьев (1889–1965). Как и Ярвич, он работал в «Красной газете».

[1] *Ярвич.* От газеты к журналу // Резец. 1929. № 22. С. 9.

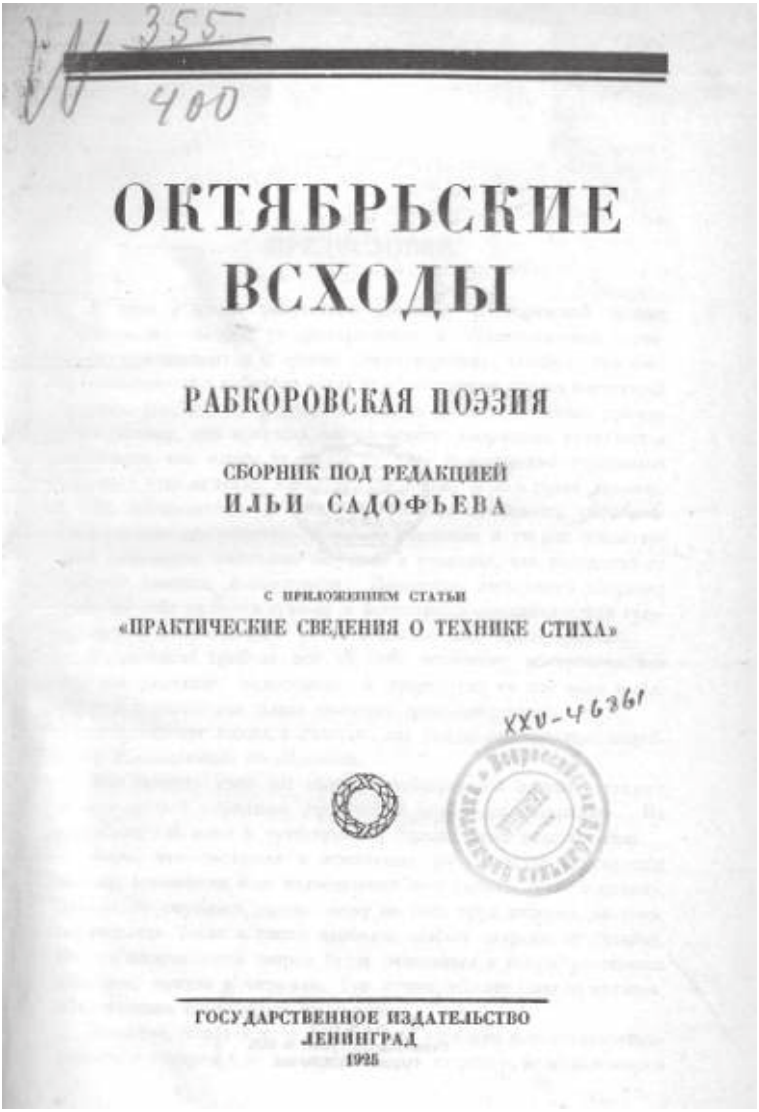
Под его редакцией в 1925 году вышел сборник «Октябрьские всходы: рабкоровская поэзия». Год — очень маленький срок для качественного развития рабкоровского творчества, если учитывать тот факт, что пришедшие впервые начинающие писатели не всегда знали даже, «каким концом нужно перо в руках держать». Илья Иванович Садофьев, как и другие наставники литературной группы, относился к молодой рабкоровской поэзии строго, но с пониманием, стремясь не столько раскритиковать, сколько обучить азам. Важно было сохранить голос рабочего человека, но при этом заставить его «звучать» на другом уровне.

Илья Иванович Садофьев

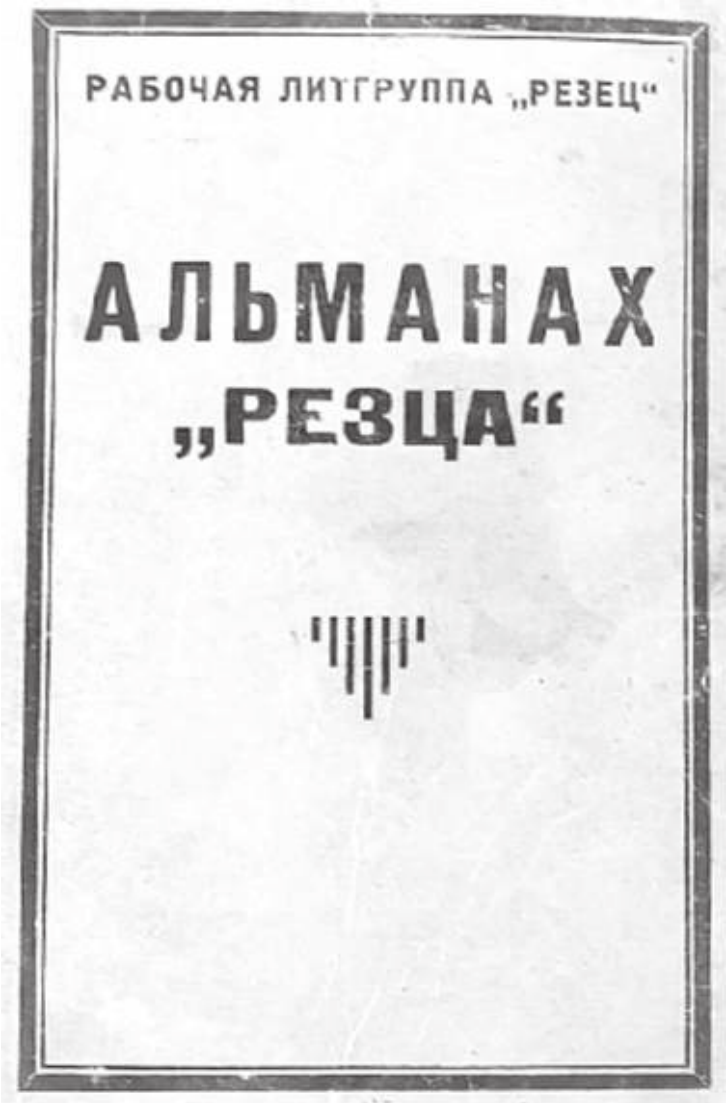
«Стихийное развитие рабкоровской поэзии за короткий срок своего существования уже наглядно перерастает рамки газетных столбцов и всё больше и больше определяется как самостоятельное крупное поэтическое течение, имеющее все права на большую литературу. В огромной массе печатаемых ежедневно рабкоровских стихов появляются произведения высокой художественной ценности. И, несмотря на это, поэты-рабкоры не только не мнят себя новоявленными гениями, но и методически и упорно учатся поэтическом ремеслу, грызут стихологию, совершенствуются технически, читают, изучают лучшие образцы классической и современной поэзии… И всё это после далеко не легкого восьмичасового заводского труда»[2].

В литературной группе «Резца» учили писательству и самокритике. Один день в неделю уделялся обучению тех, кто только присоединился к группе, второй день считался творческим. В этот день можно было выступить со своим произведением и услышать замечания старших коллег. Порой члены группы выезжали на такие же «творческие вечера» других

[2] Октябрьские всходы: рабкоровская поэзия / под ред. И. Садофьева. Л., 1925.



Октябрьские всходы: рабкоровская поэзия. Сборник. Л., 1925. Титульный лист. Из коллекции А.Г. Максименкова



Альманах «Резца». 1928 год.
Из коллекции А.Г. Максименкова

литературных объединений. Слушали там наставления старших товарищей, делились своими работами, успехами и трудностями.

Благодаря возможности быть опубликованным, доступной любому начинающему автору-рабкоровцу, рабочему или крестьянину, журнал обрел популярность. «Резец» стал центром притяжения, сюда стремилась рабочая молодежь, здесь часто встречались и члены другой литературной группы — «Смена».

После Ильи Садофьева руководителем группы стал Алексей Петрович Крайский (1892–1941). Он же в последующем вел в журнале рубрику «Литературные беседы». Беседы затрагивали поэзию, прозу, очерк и драматургию. Спустя полгода после выхода первого выпуска газеты «Резец» начал издаваться как журнал. Он обрел лицо — стал школой для начинающих писателей.

Тираж журнала вырос, теперь его читали по всей стране, и печатались в нем писатели не только из Ленинграда. К литературной группе присоединялись всё новые и новые активисты.

В школе для начинающих писателей учили рифме, зачину и кульминации, учили тому, как увлечь читателя и как закончить произведение, как правильно слышать и понимать критику. Одним из самых важных аспектов было, как ни странно, домашнее задание. Несмотря на то, что рабочий писатель был очень ограничен во времени, которое мог уделять стихам или прозе, всё равно домашнее задание брали и делали охотно. В ответ требовали подробного разбора своих ошибок.

В 1928 году в одном издании вышли второй и третий выпуски альманаха литературной студии «Резца», над которыми работал Алексей Петрович Крайский.

Под заголовком «Что надо знать начинающему писателю» велась теоретическая часть, рассказывающая о том, как начать сюжет, как его построить, как работать с темой произведения и можно ли писать на заказ. Весьма обширный список глав в содержании отражал конкретную и практическую информацию. Разбиралось всё на примерах произведений писателей, чьи имена уже давно укоренились в литературе; в то же время не забывали и про начинающих писателей. Обязательно давались задания для практики и самопроверки[3].

Благодаря вниманию, которое уделяли Ярвич, Садофьев и Крайский обучению, удалось откинуть газетную схематичность и голую

[3] См.: *Крайский А.* Что надо знать начинающему писателю: построение рассказов и стихов. Л., 1928.

агитацию. Работы начинающих писателей со временем становились более художественными и образными. Илья Иванович отмечал, что третье поколение рабкоровских поэтов во многом отличается от первых двух поколений, но особенно — количеством. Действительно, численность третьего поколения рабкоровских писателей была намного больше. Это и вызывало потребность в работе с начинающими поэтами и прозаиками. Благодаря этой потребности рос интерес к самому журналу.

Алексей Петрович Крайский (наст. Кузьмин)

«Если поэтам второго поколения принадлежит в известной мере наше сегодня, то поэтам третьего поколения принадлежит наше великое завтра»[4].

Осенью «Школа начинающего писателя» начинала «новый учебный год».

Занятия проходили всё интенсивнее. Литература рассматривалась как часть процесса, не уступающего по сложности процессам на заводах и фабриках. Наставники литературных групп и кружков, редакторы и уже состоявшиеся писатели работали вместе с теми, кто только начинал свой путь, чтобы проложить новую дорогу для пролетарской литературы.

«Организованный пробовавшими свои силы в художественном слове рабкорами около 5 лет назад кружок при «Красной газете» в дальнейшем развернулся и оформился в одну из самых сильных организационно и деятельных творчески групп… С ростом популярности «Резца» среди рабочего читателя и в кружок пошел новый, интересующийся литературой рабочий, работница…»[5]

[4] Октябрьские всходы: рабкоровская поэзия.

[5] Рабочая литгруппа «Резец»: альманах. Л., 1928.

Это выдержка из предисловия, обращения редакции рабочей литературной группы «Резец» в «Альманахе», который вышел в свет спустя четыре года после выпуска первого номера газеты, в 1928 году. На первых страницах заголовок «Между гудками» отсылает нас к работе на фабриках и заводах, где только во время досуга у рабочих писателей было время создавать свои произведения. Да иногда и сам процесс работы над стихами и прозой происходил далеко за пределами трудовых часов. Увлеченные наставники, разбирающие произведения молодых писателей, могли продолжать полемику до полуночи. А если кто-то успевал застать их позже, то всё равно задерживались, чтобы ознакомиться с новым текстом.

«Альманах» представлял собой не просто сборник произведений. Издание структурно было разделено на четыре части, каждая из которых не только показывала читателю результат работы писателя, но и знакомила с автором и с отзывами других писателей о работах в «Альманахе». Так, в страницах послесловий и представлений рассказывалось о важности работы, которую проводили наставники литературной группы, и о том, как работала сама система воспитания молодого писателя. Самое главное, «Альманах» раскрывал начало истории литературной группы «Резец». Первое знакомство с изданием — это знакомство с активистами, писателями и читателями, которых объединила идея развития литературных навыков.

В 1925 году группа «Резец» вошла в состав Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (ЛАПП), а в 1926 году стала одним из органов Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП).

В 1928 году писатель и поэт Виссарион Михайлович Саянов (1903–1959) в работе «Современные литературные группировки» писал:

«Почти в каждом крупном индустриальном центре есть ассоциации пролетарских писателей. В каждой организации работают низовые творческие кружки»[6].

В этой публикации он несколько раз упоминал литературную группу «Резец» как одну из наиболее сильных организаций пролетарских писателей в Ленинграде.

Виссарион Михайлович разбирал всю систему пролетарской литературы, рассматривая несколько литературных групп, сопоставлял мнения писателей той эпохи, освещая историю с разных точек зрения. Также

[6] См.: *Саянов В.* Современные литературные группировки. Л., 1928.

Алексей Глебович Максименков на открытии документально-букинистической выставки в библиотеке семейного чтения имени Ю. Инге

Саянов отмечал, что «Резец» продолжает традиции группы «Октябрь», которая была создана в 1922 году и поставила «на новые рельсы» пролетарское литературное движение.

Издание «Современные литературные группировки» интересно тем, как в нем отражен подход к литературе того времени. Вышедший в 1928 году, тираж разлетелся удивительно быстро, после чего Саянову пришлось переработать текст, учитывая критику представителей литературных объединений и пролетарских писателей, о которых он писал. В итоге в 1930 году вышло дополненное и исправленное издание: в книгу было введено много нового материала по истории советской литературы, были переработаны те главы, в которых были допущены ошибки принципиального характера, отмеченные в журнале «На литературном посту».

Юрий Инге с женой Еленой Вечтомовой. 1936 год.
Фотоархив музейной экспозиции в библиотеке семейного чтения имени Ю. Инге

Подобный подход, в котором критика использовалась как бесстрастный инструмент для совершенствования, часто встречался в литературном движении. Литературно-художественный журнал «Резец» не являлся исключением. Это отражалось в работах поэтов и писателей — активистов группы и журнала. Фамилии многих из них сейчас на слуху.

В 2022 году в краеведческом зале нашей библиотеки семейного чтения имени Юрия Инге открылась выставка «Творческое объединение «Резец» 1920–1930-х годов», которая была приурочена к ежегодному Инговскому вечеру. Подготовил, собрал и представил документально-букинистическую выставку петербургский коллекционер и исследователь Алексей Глебович Максименков.

Уникальные документы из частного собрания были выставлены впервые. Огромная работа, которую провел Алексей Глебович по иссле-

НАШ ОТРЯД

Ю. Инге.

Жмется ветер к бокам переулка,
Завывая за темным углом,
Над домами раскатисто-гулко
Прозвучало: „Налево кругом!"...
Сзади город, а спереди пустырь,
Лишь столбы фонарями пестрят
И в шагов монотонном хрусте
Тонет наш молчаливый отряд.
Много нас, расшвыряв по горсти,
Растерял девятнадцатый год.
И брели бессловесные версты
Нам навстречу в такой же поход.
Так и нынче, придя к полустанку,
Не сочтем уж который раз
Мы товарищей мертвых останки
Похороним совсем как вчера.
Мы не знали, дойдем иль погибнем
Но вернуться никто не хотел,
И брели под свинцовым ливнем
По земле, побледневшей, как мел...
Смолкли залпы и пестрыми пачками
Поезда побежали везде
Ночью темной, как дегтем испачканной,
И я очутился здесь.
Я один. Но недаром мы верстами
Отмечали упорство шагов,
Их не стало,—руками их сверстано
Нашей вольности десять томов.

Ленинград.

«РЕЗЕЦ», 1929 № 1.

Первая публикация Ю. Инге в журнале «Резец» (№ 1 за 1929 год)

дованию темы, превратилась во временную выставочную экспозицию, рассказывающую об истории самого журнала, о людях, группах писателей, которые работали там.

Юрий Алексеевич Инге, чье имя носит библиотека в Стрельне, был сотрудником редакции журнала «Резец» с перерывами в 1932–1933 годах и с 1938 по 1940 год.

По воспоминаниям современников, он был немногословным, всегда собранным и готовым к работе. Писал он быстро, но всегда вдумчиво, не любил неряшливости в тексте, чрезмерности в выражениях и описании. Когда его просили прочесть чужие стихи и дать свою оценку, всегда был сосредоточен и честен, но всю критику излагал с легкостью и улыбкой.

Про один из таких случаев вспоминает его супруга поэтесса Елена Андреевна Вечтомова (1908–1989):

«Он взял карандаш и безжалостно прошелся по скрылевской (Василия Скрылева) рукописи. На его замечания, часто саркастические и колкие, Вася никогда не обижался, как, впрочем, кажется, не обижались и другие коллеги по перу: Инге был неизменно доброжелателен»[7].

Юрий Алексеевич Инге и Елена Андреевна Вечтомова были литсекретарями в «Резце». Их произведения не раз печатались в журнале.

[7] «Счастью твоему и моему…»: стихотворения. К 115-летию со дня рождения Юрия Инге / сост. М.С. Инге-Вечтомова; худ. Сергей Опульс. СПб., 2020.

Всё это совмещалось с основной работой, с домашним бытом, поэтому поэты и писатели, входящие в литературную группу «Резца», действительно порой засиживались до поздней ночи, обсуждая новые произведения, новых авторов и делясь своими мыслями о литературном процессе того времени. Елена Андреевна не раз будет вспоминать о том, как им приходилось оставаться ночевать в редакции журнала «Резец».

Елена Андреевна надолго пережила своего супруга (Инге погиб в самом начале войны, в 1941 во время Таллинского перехода), оставалась в блокадном Ленинграде до последнего дня, где читала стихи по радио вместе с Ольгой Берггольц, которая входила в состав литературной группы «Смена».

Такие примеры «наставничества» в литературной среде того времени — не редкость. У подавляющего большинства рабочих литературных групп основной целью было создание не только прочного литературного пласта, но и «нового гражданина». Поэтому было важно слышать и понимать, о чем думает рабочий человек на заводе, что его волнует и о чем он хотел бы рассказать другим.

Несмотря на высокую оценку работы литературной группы и журнала «Резец», заинтересованность в нем всей большой страны, активную работу начинающих писателей, объединение с ЛАПП в 1925 году привело к изменениям в составе литературной группы. Основная идея деятельности ЛАПП заключалась в том, что политика и творчество — единое целое, а пролетарский писатель — голос своего времени. Со временем давление политической тематики начало формировать ощущение грубого производства. Мыслить и писать поэты начинали «по заказу». Но ядро «Резца», наоборот, пришло к осознанию, что литература и политика могут быть разделены, а пролетарский писатель может быть выходцем из любой социальной группы. Это были две противоположные позиции. И позиция, которая развилась в рядах сотрудников «Резца», привела к разногласиям, которые негативно сказались на сплоченности группы.

23 марта 1929 года на квартире Виссариона Саянова проходило очередное собрание актива ЛАПП, где было сообщено о расколе в группе «Резец»: «Актив группы хочет уйти в «Кузницу»[8]. Проблема заключалась в том, что они хотели забрать с собой и журнал. Сделать этого им

[8] «Кузница» — московское литературное объединение, существовавшее в 1920–1932 годах (с 1928-го как структурное подразделение Всесоюзного объединения ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП).

не позволили, так как на тот момент у ЛАПП всё еще не было своего издания, а литературно-художественный журнал «Резец» уже стал своего рода маркой, которая имела авторитетность и свое выработанное направление.

После этого литературная группа «Резец» продолжила свою работу до 1934 года. За это время изменился не только подход к литературному обучению. В 1929 редактором журнала стал Анатолий Горелов. Появились новые литературоведческие рубрики и очень много политики на страницах журнала. Журнал стал одним из официальных органов ЛАПП, и литконсультация журнала была слита с литконсультацией ЛАПП.

Журнал «Резец» перестраивался с течением времени. Несмотря на то, что 24 апреля 1932 года вышло постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», что означало ликвидацию РАПП и приостановление печати журналов пролетарской ассоциации, «Резец» остался на плаву. Журнал пережил ряд репрессий, после которых снова произошла смена руководства и даже издательства.

Термином «резец» обозначается основной инструмент, применяемый при токарных, строгальных и долбежных работах (и на соответствующих станках). Это имеет прямое отношение к заводам, где зарождались первые литературные кружки. Но в 1939–1940 годах такое название уже было неактуально, оно не отражало свое время.

В эту пору новым редактором был назначен Сергей Львович Горский. В новую редакционную коллегию журнала также вошел Александр Андреевич Прокофьев.

Поскольку в начале тридцатых годов журнал «Резец» стал тоньше, не привлекал читателей, новая редколлегия очень хотела начать изменения с названия журнала.

«Очень хотелось нам сменить название журнала, потерявшего кредит у читателя, с этой просьбой мы обратились к А.А. Жданову. Но нам было сказано, что сперва следует поднять уровень журнала, а там уже думать о новом названии. Прошел год — год упорных стараний, и журнал получил новое имя, его назвали, как мы и просили, «Ленинград»[9].

В 1938 году литературно-художественный журнал «Резец» перестал существовать, вместо него начал выходить журнал «Ленинград».

[9] *Дымшиц А.* Революцией призванный / А. Дымшиц // Александр Прокофьев. Вспоминают друзья: сборник / сост. П. Жур, Н. Браун. М., 1977. С. 133–150.

«Ленинград» в этот период работы журнала вписывался идеально. Наполнение стало чуть проще, легче воспринималось. Даже тяжелые некогда литературоведческие статьи усваивались проще. После перерыва в издании журнала в 1941 году он возобновил свою работу в 1942-м с более ярким, красочным оформлением. В годы войны журнал был попрежнему иллюстрированным. Много было фотографий, уникальных рисунков художников И. Еца, К. Рудакова, Н. Радлова. На его страницах печатались А. Прокофьев, Н. Тихонов, А. Ахматова и многие другие. Он снова стал привлекать к себе внимание и выступать отражением исторических событий, но уже нового периода.

Продолжалась работа с начинающими писателями.

«В мае 1943 года при редакции журнала «Ленинград» была организована литературная консультация для начинающих писателей. В апреле 1944 года открылась Студия начинающего автора, основное ядро которой было из корреспондентов редакции… актив студии насчитывает 60 человек; среди студийцев врачи, военкоры, педагоги, библиотечные работники, учащиеся вузов, а также представители рядового и командного состава РККА и Балтфлота. Лучшие литературные и научные кадры Ленинграда привлечены к работе Студии»[10].

Собственное художественное оформление, публикации известных писателей, работа школы начинающего писателя — всё это литературно-художественный журнал «Ленинград» до своего закрытия в 1946 году.

Рассматривая такие издания, как «Альманах литературной группы «Резца», «Школа начинающего писателя», «Что следует знать начинающему писателю», можно прийти к выводу о том, насколько важной для людей в период 1920–1930-х годов была литература. Несмотря на негативный опыт развития работы некоторых ассоциаций, за время своего существования пролетарское литературное движение в кружках и литературных группах сумело воспитать немало поэтов и писателей, который привнесли свой вклад в историю. Следует отметить, что к середине этого периода пролетарским писателем мог быть человек из любой социальный группы. Людей объединяло в первую очередь желание изучать литературу, «поставить свое перо», быть наставником для тех, кто только начинал свой путь.

[10] Из выступления по радио. Наталья Павловна Колпакова — русский советский фольклорист, прозаик, переводчица сказок народов СССР.

Литературная группа «Резца» — один из самых ярких примеров такой работы. За годы своего существования активисты группы провели большую работу с начинающими писателями, открыли множество новых фамилий. Литературные кружки, группы, объединения собирали вместе людей увлеченных, готовых постигать все, даже самые сложные премудрости писательства. Стихотворения Юрия Инге прошли вместе с бойцами от начала Великой Отечественной войны до самого Берлина, Елена Вечтомова всю блокаду выходила в радиоэфир, чтобы поддерживать дух горожан. Стихотворения Александра Прокофьева легли в основу многих знаменитых музыкальных произведений советского времени. Виссарион Саянов, Илья Садофьев, Александр Рабинович (Ярвич), Алексей Крайский и еще многие поэты и писатели, кто работал и в журнале «Резец», и был членом литературной группы «Резца», многое вложили не только в пролетарское, рабкоровское движение, но и в литературу своего времени.

Судьба каждого отдельно взятого писателя, поэта, журналиста, военного корреспондента навсегда осталась на страницах истории литературный группы художественно-литературного журнала «Резец».

Тамара Темирова

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ В СТРЕЛЬНЕ: ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

История немецких переселенцев под Петербургом довольно долгая, насыщенная и витиеватая. На данном этапе развития в Стрельне располагается район Нойдорф (Neudorf), что переводится как «новая деревня». Поселок Нойдорф в муниципальном образовании Стрельна Петродворцового района Петербурга — единственное компактное поселение российских немцев на Северо-Западе.

Начало его было положено еще в 90-е годы прошлого столетия. Немало усилий для организации этого района и сохранения немецкой самобытности приложил в свое время Герман Оскарович Греф, который сейчас является председателем правления Сбербанка России. Современная «новая деревня» представляет собой коттеджный район, в котором внешне, к сожалению, не удалось сохранить этническую самобытность. Тем не менее, поражает и немало радует тот факт, что сами люди, потомки немецких переселенцев, до сих пор с особым трепетом и уважением хранят память о своих предках. В семейных архивах сохранилось множество документов, фотографий, газетных вырезок и памятных вещей, которые на сегодняшний день несут в себе историю и помогают восстановить события прошлых лет, понять и узнать, каким был жизненный уклад в колонии немецких переселенцев.

Началось всё еще во времена правления императрицы Екатерины Второй (1762–1796), которая обратила свое внимание на проблемы внутренней колонизации. Манифесты 1762–1763 годов, призывавшие иностранцев переселяться в Россию, имели большой резонанс в германском мире. В течение последующих 1765–1766 годов в окрестностях Санкт-Петербурга было основано несколько колоний. Первая партия колонистов, предназначенная к поселению под Петербургом, выехала из района Иновлаца на реке Пилице (территория современной Польши, в то время Пруссии) 27 мая 1809 года и прибыла в Ораниенбаум 29 июня. Всего прибыло 68 человек[1]. Вскоре за ними последовали еще две группы переселенцев.

[1] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 1153. Л. 91–91 об.

Translat.

Von Gottes Gnaden Wir Catharina die Zweyte,

Kayserin und Selbstherrscherin aller Reußen,

zu Moscau, Kiew, Wladimir, Nowgorod, Zaarin zu Casan, Zaarin zu Astrachan, Zaarin zu Sibirien, Frau zu Pleßau und Großfürstin zu Smolensko, Fürstin zu Esthland und Liefland, Carelen, Twer, Jugorien, Permien, Wiatka, Bolgarien und mehr andern; Frau und Großfürstin zu Nowgorod des Niedrigen Landes, zu Tschernigow, Resan, Rostow, Jaroslaw, Beloserien, Udorien, Obdorien, Condinien, und der ganzen Nord-Seite, Gebieterin und Frau des Iverischen Landes, der Cartalinischen und Grusinischen Zaaren und des Cabardinischen Landes, der Tscherkassischen und Gorischen Fürsten und mehr andern Erb-Frau und Beherrscherin.

Da Uns der weite Umfang der Länder Unsers Reiches zur Gnüge bekant; so nehmen Wir unter andern wahr, daß keine geringe Zahl solcher Gegenden noch unbebauet liege, die mit vortheilhafter Bequemlichkeit zur Bevölkerung und Bewohnung des menschlichen Geschlechts nutzbarlich kann angewendet werden, von welchen die meisten Ländereyen in ihrem Schooße einen unerschöpflichen Reichthum an allerley kostbaren Erzen und Metallen verborgen hatten; und weil selbige mit Holzungen, Flüssen, Seen und zur Handlung gelegenen Meeren genugsam versehen, so sind sie auch ungemein bequem zur Beförderung und Vermehrung vielerley Manufacturen, Fabriken und zu verschiedenen andern Anlagen. Dieses gab Uns Anlaß zur Erscheinung des Manifestes, so zum Nutzen aller Unserer getreuen Unterthanen den 4ten December des abgewichenen erstlichen Jahres publiciret wurde. Jedoch, da Wir in selbigem denen Ausländern, die Verlangen tragen würden sich in Unserm Reiche häuslich niederzulassen, Unser Belieben nur sommarisch angekündiget; so beschien Wir zur bessern Erörterung desselben folgende Verordnung, welche Wir hiemit aufs feierlichste zum Grunde legen, und in Erfüllung zu setzen gebieten, jedermänniglich kund zu machen.

1.

Verstatten Wir allen Ausländern in Unser Reich zu kommen, um sich in allen Gouvernements, wo es einem jeden gefällig, häuslich niederzulassen.

2.

Dergleichen Fremde können sich nach ihrer Ankunft nicht nur in Unserer Residenz bey der zu solchem Ende für die Ausländer besonders errichteten Tauf-Canzelley, sondern auch in den andern einigen Gränz-Städten Unsers Reichs nach eines jeden Bequemlichkeit bey denen Gouverneurs, oder, wo dergleichen nicht vorhanden, bey den vornehmsten Stadts-Befehlshabern melden.

3.

Da unter denen sich in Rußland niederzulassen Verlangen tragenden Ausländern sich auch solche finden würden, die nicht Vermögen genung zu Bestreitung der erforderlichen Reisekosten besitzen: so können sich dergleichen bey Unsern Ministern und Residenten an auswärtigen Höfen melden, welche sie nicht nur auf Unsere Kosten ohne Anstand nach Rußland schicken, sondern auch mit Reisegeld versehen sollen.

4.

So bald dergleichen Ausländer in Unserer Residenz angelanget und sich bey der Tauf-Canzelley oder auch in einer Gränz-Stadt gemeldet haben werden; so sollen dieselben gehalten seyn, ihren wahren Entschluß zu erörtern, worinn nemlich die eigentlichen Verlangen bestehe, und ob sie sich unter die Kaufmannschaft oder unter Zünfte einschreiben lassen und Bürger werden wollen, und zwar nahmentlich, in welcher Stadt; oder ob sie Verlangen tragen, auf freyem und nutzbarem Grunde und Boden in ganzen Colonien und Landstücken zum

X Ackerbau

Манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» от 22 июля 1763 года. Из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА)

В Манифесте Екатерины II 1763 года среди привилегий иностранцам гарантировалась свобода вероисповедания, независимость внутренней юрисдикции. Но ни в одном из документов, которые регулировали жизнь колонистов на тот момент, не было правил и поправок на образование и школьное обучение. Первому пастору петербургских колоний Георгу Якобу Бобрику, вступившему в должность в 1766 году, были поручены и школы в старейших колониях.

Можно говорить о том, что именно благодаря усилиям самих колонистов количество немецких школ в дореволюционной России постоянно росло. В 1838 году в империи насчитывалось 287 колонистских школ, в колониях под Петербургом — восемь.

Стрельнинская колония возникла спустя почти полвека после появления первых колоний под Петербургом. Указом «О правилах для принятия и выдворения иностранных колонистов» от 2 февраля 1804 года император Александр I возобновлял дело, начатое Екатериной II. Для поселения в России теперь приглашались лишь состоятельные хозяева, владеющие имуществом и капиталом или товарами на сумму не менее чем 300 гульденов.

Во всех крупных колониях непосредственно после их основания организовывалось школьное обучение детей. Изначально все школы были приходскими и следовали укладу церкви. В связи с этим общее руководство школами переходило приходским священникам, а всё финансирование осуществлялось самими колонистами за счет сельских сборов. Комплектование штата учителей шло за счет того, что в столице проживало множество выходцев из остзейских провинций, а также были те немцы, которые приняли российское подданство. Некоторые из них имели даже опыт преподавания в учебных заведениях.

Инспектор колоний Иван Бунин писал в отчете о состоянии подстоличных колоний за 1830–1832 годы: «…Изобильный и порядочный образ их жизни и притом всегдашняя в домах чистота охраняет их здоровье, сельские школы в колониях находятся в хорошем направлении»[2].

Что касается Стрельнинской колонии, то она была центром евангелическо-лютеранского прихода Стрельна, организованного в 1812 году, что произошло в связи с назначением в колонию собственного пастора с содержанием из казны. Эрик Амбургер называет другую

[2] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1191. Л. 11 об.

Книга песнопений для евангелическо-лютеранских общин в Российской империи. Издана в Петербурге в 1903 году. Принадлежала Анне Яковлевне Плетцер, в девичестве Эйдемиллер (1903–1990). Из семейного архива Е.Я. Плетцер

дату основания прихода — 1811 год[3], а Е.Е. Князева — 1810-й[4]. При основании колонии на церковные нужды было выделено 50 десятин земли, из них 20 предназначались для школы, так называемый Kantorland, где школьная земля не обрабатывалась учителем, а отдавалась в аренду общине.

Само школьное здание обычно строилось не сразу, а появлялось в колонии через несколько лет. Связано это было зачастую с трудностями финансирования. Тем не менее, обучение детей старались организовать как можно раньше, примерно в первую или вторую зиму. Для этого мог использоваться дом кого-то из колонистов. Например, занятия в Стрельнинской колонии начались в 1813 году, тогда как первое школьное здание было построено на средства казны в 1818-м. В 1896 году

[3] *Amburger E.* Die Pastoren der evangelischen Kirchen Russlans vom Ende des 16. Jahrhunderts bis 1937. Martin-Luther-Verlag, 1998. S. 96.

[4] *Князева Е.Е., Соловьева Г.Ф.* Лютеранские церкви и приходы России XVIII–XX веков: исторический справочник. СПб., 2001. С. 153.

на средства жителей и при содействии Кассы взаимопомощи лютеранских приходов была построена новая школа. В 1906 году, через десять лет, был воздвигнут каменный дом для учителей.

Все занятия у детей в немецком поселении на протяжении длительного периода были основаны на «трех китах» — семья, церковь, школа. Расписание школьных занятий состояло из необходимого минимума для полноценной жизни в колонии: чтение, письмо, арифметика, Закон Божий, пение.

Пение значилось самостоятельным предметом, но очень тесно перекликалось с изучением основ вероисповедания и фактически было продолжением уроков Закона Божьего. На занятиях разучивались церковные гимны, велось обучение игре на музыкальных инструментах, организовывался церковный хор. Зачастую им руководил учитель Закона Божьего и немецкого языка. Всё преподавание в колонии велось на немецком языке.

Отличительной чертой для данного типа школьного образования было то, что посещение занятий было обязательным как для мальчиков, так и для девочек, тогда как в Российской империи образование на тот момент было раздельным и «женское» только начинало набирать обороты. В 1820-е годы по инициативе инспектора фон Штрика школа была преобразована по методу Ланкастера — английскому методу взаимного обучения. Однако на практике данный метод не оправдал себя, и от него впоследствии отказались.

В начале XX века школа в Стрельнинской колонии имела пять отделений, и в ней обучалось более 100 учеников. Работал один учитель и учительница русского языка. А. Гернет называет имена известных учителей. Первыми были М. Вернер, Г. Мазинг, А. Шперер, К. Бриземейстер[5].

Изначально всё обучение строилось исключительно только на церковных текстах, которые являлись основополагающими и для жизни в общине, и для развития духовности. Позднее стали появляться специализированные учебники. Из букварей для обучения особый интерес представляет букварь Г. Шлимбаха, изданный в Германии в начале XX века. Этот учебник был наиболее популярен среди учителей начальных немецких школ и использовался для обучения немецкому

[5] *Гернет А.* Немецкая колония Стрельна под С.-Петербургом. 1810–1901. СПб., 1910. С. 22.

Букварь, составленный Густавом Шлимбахом. 1909 год. Титульный лист

Разворот букваря, составленного Густавом Шлимбахом

языку в немецких колониях в начале XX века. К 1909 году букварь пережил уже 65 изданий в редакции самого Шлимбаха, которая сохранялась и после его смерти. Серия букварей в редакции самого Шлимбаха выходила под литерой А. Методическим пособием к нему служила книга для учителей, разработанная К. Кером и Г. Шлимбахом в 1865 году, много раз переиздававшаяся[6].

В начале XX века букварь Шлимбаха одновременно печатался в двух шрифтах: готическом и латинском. Эта вариативность отражала момент споров между сторонниками «немецкого» (готического) и «ненемецкого» (латинского) письма в последней трети XIX века. В этот же период расширился ареал применения букваря Шлимбаха в Европе, его стали использовать немцы других стран. В 1908 году появился вариант

[6] *Kehr K., Schlimbach G.* Der deutsche Sprachunterricht im ersten Schuljahre nach seiner geschichtlichen Entwicklung, theoretischen Begründung und praktischen Gestaltung: eine Methodik des sprachlichen Elementarunterrichts. Печаталось с 1865 года в Готе. В 1909 году имелось 8-е переиздание.

для Венгрии, в 1909-м вышло новое его издание для России (под литерой С), хотя в школах российских немцев этот букварь использовали еще в 1890-е годы.

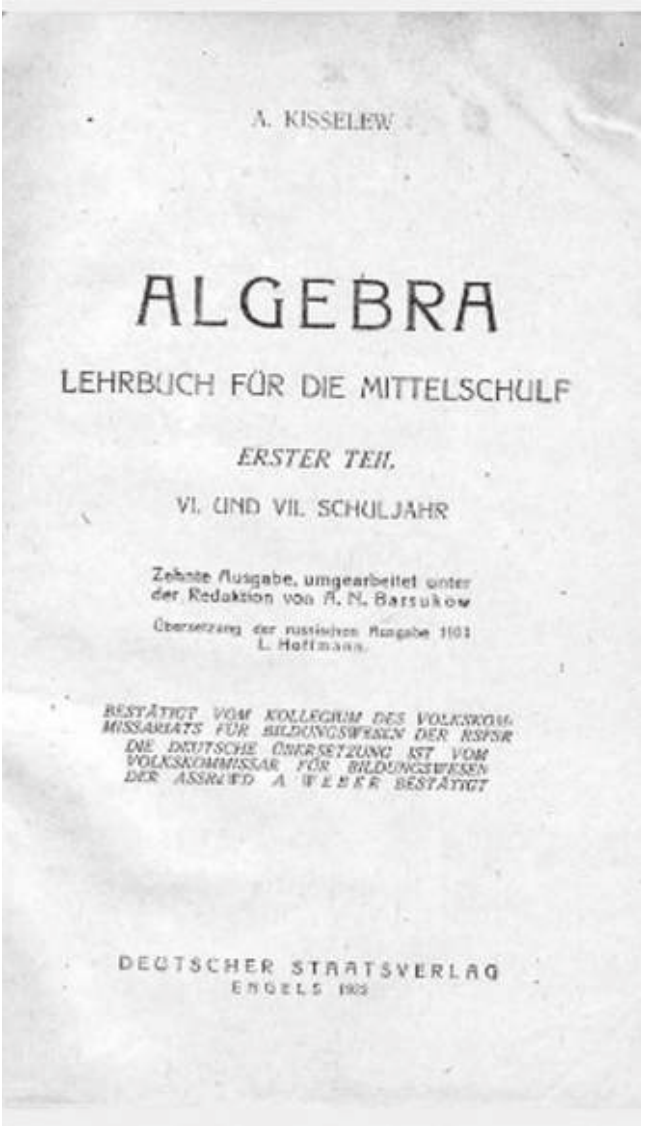
К 1909 году букварь Шлимбаха и методическое пособие к нему (Шлимбаха в соавторстве с Вильке) переработал Эрнст Линде. Он перестроил материал в соответствии с методом «нормального словесного обучения» (Normalwörtermethode) И.К. Фогеля, который в свою очередь развил принципы Ж.-Ж. Жакото. Согласно этой методике, обучение начинается не с букв и составления из них слогов и слов, а опирается на изображение предмета и его словесное описание. Уже с первых страниц детям предлагалась живая речь с опорой на базовые слова. Например, букварь начинался со слова «Ei» (ай=яйцо), в котором лишь звучала буква «а», вместо слова «Ast» (аст=ветка) у Шлимбаха, которое начиналось с фактического «а». Следующие буквы, соответственно, были размещены в нарушение правил изучения алфавита.

Обучение письму начиналось с предварительных упражнений в течение 4–6 недель. Вначале шло знакомство с письмом, рукописными строчными и заглавными буквами, и лишь потом с печатным шрифтом. Последнее происходило за несколько недель до Рождества (если считать началом учебного года Пасху, как отмечал сам составитель).

Важная роль отводилась оформлению букваря, которое должно было соответствовать современным эстетическим требованиям к иллюстрациям. Как писал Линде в предисловии, они должны были впустить больше солнечного света в классные комнаты. Для оформления букваря был приглашен профессор из Мюнхена Эрнст Либерман (1869–1960), известный живописец и график, много лет проработавший иллюстратором. Букварь в редакции Линде издавался под литерой и печатался готическим шрифтом, стандартным прусским алфавитом.

Выверенная методика преподавания, обилие иллюстраций, расположенных вперемежку с текстами, делали этот учебник отличным примером для составления других подобных книг. Популярность букваря в России была столь велика, что в первые годы советской власти немецкие переселенцы при полном отсутствии новых учебников на немецком языке предлагали переиздать именно этот букварь.

Что касается пособий по арифметике, применяемых в немецких школах, то они были на двух языках. Преподавание арифметики на русский язык было переведено в 1891 году, а до этого бытовали учебники на немецком языке Х.В. Кельнера и Х.Г. Шольца.


A. KISSELEW

ALGEBRA

LEHRBUCH FÜR DIE MITTELSCHULE

ERSTER TEIL

VI. UND VII. SCHULJAHR

Zehnte Ausgabe, umgearbeitet unter der Redaktion von A. N. Barsukow

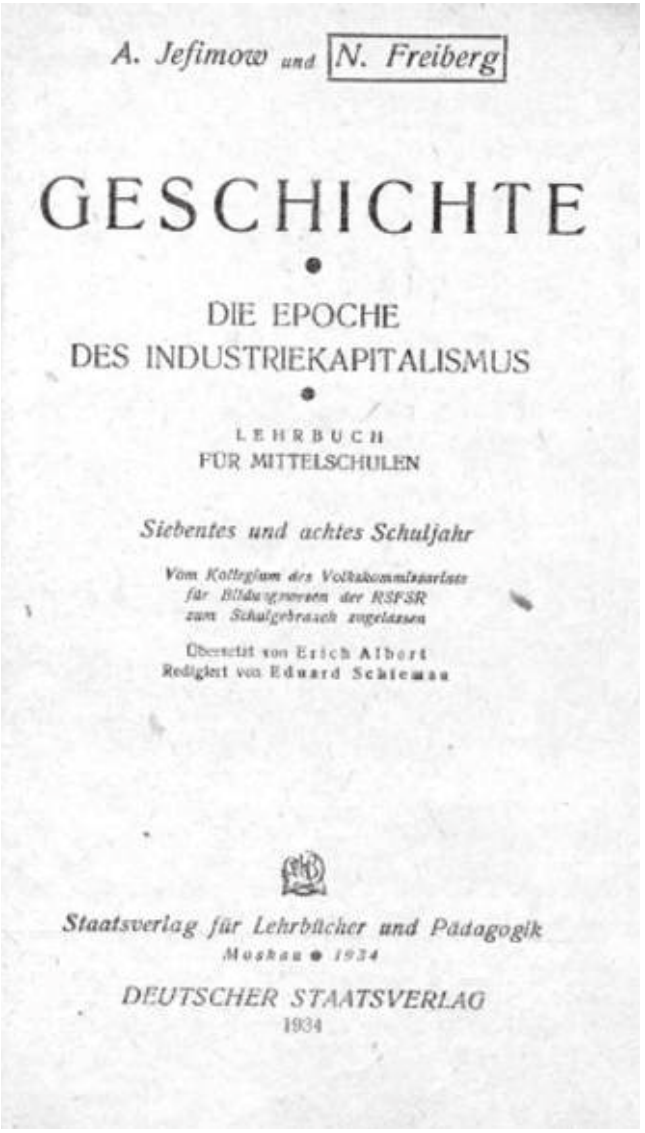
Übersetzung der russischen Ausgabe 1931 L. Hoffmann

BESTÄTIGT VOM KOLLEGIUM DES VOLKSKOMMISSARIATS FÜR BILDUNGSWESEN DER RSFSR

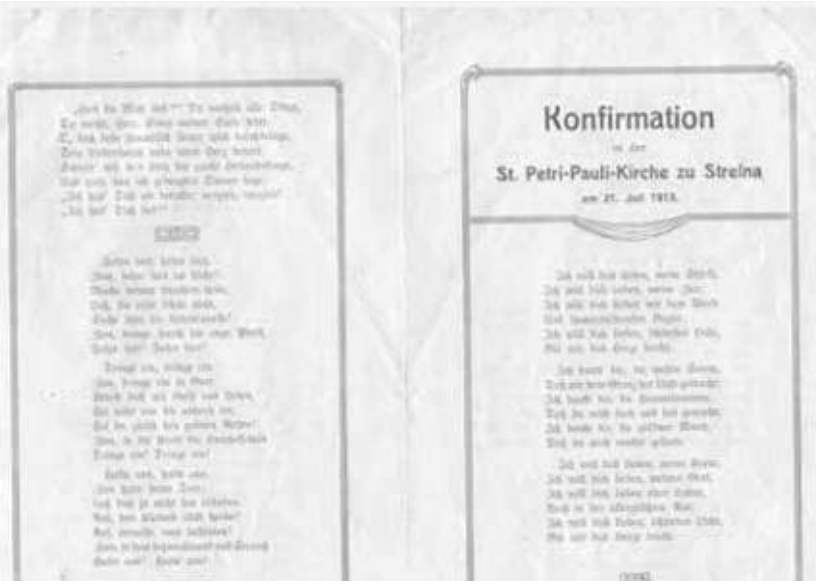
DIE DEUTSCHE ÜBERSETZUNG IST VOM VOLKSKOMMISSAR FÜR BILDUNGSWESEN DER ASSRWD A. WEBER BESTÄTIGT

DEUTSCHER STAATSVERLAG
ENGELS 1932

Учебник алгебры для средней школы.
Автор А. Киселев. Энгельс, 1932



Учебник истории для средней школы.
Авторы А. Ефимов и Н. Фрайберг. Москва, 1934



Памятный листок о конфирмации в церкви Св. Петра и Павла в Стрельнинской колонии 21 июля 1913 года. Из семейного архива В.Ф. Шефнера

100
1810 1910
Нѣмецкая колонія
СТРѢЛЬНА
подъ С.-Петербургомъ
1810—1910.
ооо
Юбилейный листокъ
ВЪ ПАМЯТЬ
Столѣтія существованія
КОЛОНІИ.
Составилъ А. фонъ-Гернетъ.
Переводъ съ нѣмецкаго.

Титульный лист книги
«Немецкая колония Стрельна под Санкт-Петербургом. 1810–1910»

В некоторых источниках отмечается, что в немецких колониях уже в советский период при изучении алгебры мог быть использован учебник по алгебре А. Киселева под редакцией А.Н. Барсукова. Изначально в церковно-приходских школах при немецких колониях изучались четыре основных арифметических действия: сложение, вычитание, умножение и деление.

Упоминается также учебник по истории, описывающий эпоху индустриального капитализма (Jefimow und N. Freiberg. Geschichte. Die Epoche des Industriekapitalismus. Lehrbuch für Mittelschulen). Этот учебник являлся типовым для немецких школ в СССР в 1930-е годы и был рассчитан на средний школьный возраст.

Особое внимание в семьях колонистов обращали на трудовое воспитание детей. Девочек учили шитью, животноводству, огородничеству, основам медицины; мальчиков обучали столярному, слесарному, шорному ремеслу и уходу за лошадьми.

Важным событием для каждого ребенка в немецкой колонии была конфирмация — торжественный обряд приобщения юношей и девушек (14–16 лет) к церковной общине. Конфирмацией завершалось и обучение в школе. К празднику готовились заранее, разучивали молитвы, стихи, песнопения.

К 100-летнему юбилею Стрельнинской колонии, в 1910 году вышла небольшая книжка «Немецкая колония Стрельна под С.-Петербургом. 1810–1910». Ее автор-составитель Аксель Конрад (Аксель Оскарович) фон Гернет (1865–1920) — представитель прибалтийского дворянства, историк, церковный деятель, автор книг. Выпускник Дерптского университета, с 1891 года он работал в Департаменте герольдии Сената, в 1917 году стал обер-секретарем департамента. Одновременно с этим Аксель Оскарович был активным деятелем прихода кирхи Св. Анны в Петербурге, с 1899 года — секретарь церковного совета. В книге нет ссылок на источники, но по характеру материала можно сказать, что автору были хорошо известны и светские, и церковные документы, которые он использовал для работы над очерком о Стрельне. Годом ранее Гернет опубликовал солидный труд по истории кассы взаимопомощи (Geschichte der Allerhöchst bestätigen Unterstützungskasse für evangelisch-lutherische Gemeinden in Russland) и очерк по истории общины в Лихтентале.

Жизнь в немецких колониях круто изменилась в годы Первой мировой войны. Были приняты законы, запрещавшие употребление немецкого языка в общественных местах и в школах. Первыми испытали на себе

запрет училища при лютеранских и реформатских церквях Петрограда, затем Москвы.

Первая мировая война с Германией наложила след на судьбы людей, которые оказались «чужими среди своих». Так, Юрий Алексеевич Инге, имя которого носит библиотека семейного чтения в Стрельне, поэт, балтиец, который работал военным корреспондентом в годы Второй мировой войны и погиб во время Таллинского перехода, был этническим немцем и носил сначала имя Эрих Франц Вильгельм Инге. Его отец Альфред Инге был служащим на петербургской таможне. Дед Вилли — лоцманом в Либаве. В связи с началом Первой мировой войны с Германией Юрия исключили из гимназии как немца, более того, он пережил вторичное крещение. Так из Эриха он превратился в Юрия, и даже отцу пришлось именоваться не Альфредом Виллиевичем, а Алексеем Васильевичем. Как будто в память о первом имени в подписи поэта первая буква — «Ю» похожа на «Э».

24 декабря 1914 года запрет на немецкий язык был распространен на школы колонистов по всей империи. 18 августа 1916 года император утвердил закон о воспрещении преподавания на немецком языке во всех учебных заведениях, не исключая частных и содержащихся лютеранскими приходами школ. Начиная с 1916/17 учебного года немецкий язык преподавания сохранялся лишь на уроках Закона Божьего и собственно немецкого языка.

В 1918 году, после отмены наложенных в годы Первой мировой войны на деятельность немецких общественных организаций запретов, в Петрограде начали работать «Немецкий дом просвещения» и восстановленный «Санкт-Петербургский союз российских граждан немецкой национальности», открывшие в своем составе сельские секции. Совместными усилиями сельской и школьной секций союза осуществлялся подбор учителей и воспитателей в школы и детские сады немецких селений, их подготовка на специальных курсах, программа которых включала в себя как обучение преподаванию немецкого языка и литературы, так и занятия по методике преподавания основ религии и игре на органе. В тяжелые годы военного коммунизма в Стрельнинской колонии продолжал активно работать клуб. Протокол общего собрания немецкого клуба, проходившего в июне 1921 года, сообщает, что «библиотека открыта по понедельникам и пятницам»[7]. То есть мы можем

[7] *Шрадер Т.А.* Этнокультурные процессы в среде немецких колонистов Пе-

предполагать, что немецкие переселенцы всё же пытались сохранить этническую самобытность и родной язык, старались не потерять и не упустить возможность образования (в большей степени на тот момент самообразования).

В советское время в Стрельнинской колонии была лишь начальная школа (школа первой ступени), по окончании которой дети переходили в школу-семилетку, расположенную в Константиновском дворце. По состоянию на июнь 1926 года в Стрельнинской школе имелся кооператив по выращиванию картофеля, в библиотеке насчитывалось 80 книг, драмкружком было подготовлено три спектакля[8].

Школьная жизнь в колонии немецких поселенцев в Стрельне оживилась с приходом в 1927 году молодого учителя Альберта Корнеевича Винса, который организовал спортивный и хоровой кружки. Ученики начали готовить музыкальные программы, учились танцам, ездили на экскурсии в Ленинград. К сожалению, в 1930 году учитель уехал из Стрельны. Позже выяснилось, что он был репрессирован. Репрессиям подверглись и все последующие учителя Стрельнинской школы. В 1938 году школа была переведена на русский язык преподавания, а в годы войны школьное здание было разрушено.

Радикальные изменения в годы советской власти, конечно же, затронули в огромной степени церковную жизнь колонистов. Были национализированы все церковные учреждения: приюты, больницы, школы. 23 января 1918 года был принят закон «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Он в корне менял историческую традицию немецких колонистов, у которых связь церкви со школой было особенно тесной, а религиозность — всегда высокой.

В 1929 году в немецких селениях Ленинградской области работало 13 школ первой ступени с общим числом учащихся 733 человека (что составляло не более ¼ детей школьного возраста) и 14 клубов с самодеятельными коллективами различного профиля. По данным переписи населения 1926 года, читать и писать по-немецки могли 73% мужчин и 78% женщин, по-русски — 81% мужчин и 85% женщин. В школе пред-

---

тербургской губернии — Ленинградской области (XIX–XX века) // Ключевые проблемы истории российских немцев: материалы X международной конференции (18–21 ноября 2003 года). М., 2004. С. 372–379.

[8] *Шрадер Т.А.* Школьное образование в немецких колониях Ленинградской губернии в 1920-х годах // Немцы и развитие образования в России. СПб., 1998. С. 265.

метом изучения являлся литературный немецкий язык, в быту общение осуществлялось на диалектах германских земель.

Но уже во второй половине 1930-х годов в соответствии с постановлением Ленинградского обкома ВКП(б) от 5 февраля 1938 года «О национальных школах и других культурно-просветительских учреждениях» прекратили свое существование немецкие школы.

В первые годы советской власти почти все школы испытывали примерно одинаковые проблемы: не хватало учителей, не было школьного оборудования и учебников, здания находились в плачевном состоянии. Часть детей, не посещавших школу в годы войны, остались неграмотными. Возвращение родного немецкого для колонистов языка в школы встретило неожиданные трудности — часть детей не говорила по-немецки. Их приходилось обучать с нуля. Связь церкви с жизнью колонистов была практически полностью утеряна.

Тем не менее, изначальное образование и стремление к тому, чтобы дать это образование детям и вырастить из них достойных представителей общины, имело свои плоды. Так, в Стрельнинской колонии до начала Великой Отечественной войны просуществовал духовой оркестр колонистов. В 1920–1930-е годы им руководил уроженец Стрельнинской колонии, в последние годы жизни профессор по классу трубы Ленинградской консерватории Александр Николаевич Шмидт (1889–1955). Братья Адольф и Александр Менг в 1929 году организовали товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ).

В принципе, в начале XX века и особенно в 1920-е годы связи жителей колонии с городом значительно расширились. Колонисты работали на промышленных предприятиях и проходили учебу в Петрограде/Ленинграде. Так, например, Александр Федорович Аман работал в ЦНИИ геологоразведки копировальщиком, Карл Карлович Герлеман и Филипп Филиппович Гевейлер работали на Кировском заводе. Образование в городе получили до революции Елена и Анна Эйдемиллер (в учительской семинарии в городке Сан-Галли), до войны — Матильда Лефлер (мединститут). Елена Эйдемиллер позже преподавала в Стрельнинской школе.

1 апреля 1930 года, во время массовой коллективизации в стране, в Стрельне был организован колхоз «Роте Фане», который считался одним из передовых колхозов в Ленинградской области. В нем работало большое количество выходцев из немецкой колонии. Они всегда показывали лучшие и передовые результаты и перевыполняли заданные планы.

Таким образом, мы можем говорить о том, что несмотря на все трудности и исторические события, образование в колониях немецких переселенцев играло важную роль и занимало почетное место в воспитании детей. Это впоследствии дало стране хороших специалистов, дисциплинированных работников и позволило сохранить культурную самобытность.

Литература

Князева Е.Е. Лютеранские церкви и приходы России XVIII–XX веков: исторический справочник / Е.Е. Князева, Г.Ф. Соловьева. СПб., 2001.

Немецкие поселенцы под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт: каталог выставки. СПб., 2015.

Немцы в Санкт-Петербурге: библиографический аспект. XVIII–XX века. Вып. 5 / отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб., 2009.

Стрельнинская немецкая колония под Санкт-Петербургом: 200-летию основания посвящается: каталог образовательной выставки / сост. и науч. ред. И.В. Черказьянова. СПб., 2010.

Шрадер Т.А. Школьное образование в немецких колониях Ленинградской губернии в 1920-х годах // Немцы и развитие образования в России. СПб., 1998.

Шрадер Т.А. Этнокультурные процессы в среде немецких колонистов Петербургской губернии — Ленинградской области (XIX–XX века) // Ключевые проблемы истории российских немцев: материалы X международной конференции (18–21 ноября 2003 года). М., 2004. С. 372–379.

Юхнева Е. Из Петергофа в Стрельну по Царской (Нижней) дороге. XIX век: путеводитель / Е. Юхнева. СПб., 2005.

Елена Ступина

КНИЖНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В.М. ЗВОНЦОВА

Материалы к библиографии

Посвящается И.Ю. Парчевской

Собрание работ художника В.М. Звонцова в фондах Пушкинского Заповедника насчитывает более 400 единиц. Известен он как автор актуального до сих пор учебного пособия «Офорт» (М., 1971) и методического руководства для художественных школ «Основы понимания графики» (М., 1963). Те, кто учился в Академии художеств в 1957–1970 годах, помнят его как основателя и руководителя художественных практик в Пушкинских Горах. Существует немало альбомов и каталогов персональных выставок этого художника. Но практически ни в одной публикации не упоминалась работа Звонцова как иллюстратора книги. В статье мы постараемся заполнить этот пробел в биографии художника.

Сразу оговоримся, что оригиналов иллюстраций к печатным изданиям сохранилось немного. В нашем собрании это несколько акварельных работ к набору открыток 1958 года, акварель и несколько рисунков пером к путеводителям 1965 года, довольно много рисунков (акварель, тушь, перо) к альбому «Петровское» и представительный набор работ китайской тушью и черной акварелью к поэтическому сборнику М.А. Дудина «Дорогой крови по дороге к Богу» — книге, ставшей последней и для поэта, и для художника. Несколько вариантов рисунков к третьему изданию «У лукоморья» использованы в музейных стенгазетах «По пушкинским местам». Один рисунок китайской тушью «Пейзаж с журавлями» 1978 года — иллюстрация к книге М.М. Пришвина «Дорога к другу» (1978, но вошло только в издание 1982 года) — был подарен автором И.Ю. Парчевской и поступил в музейное собрание от нее.

Мы будем говорить именно о книжной иллюстрации, не касаясь иллюстраций в газетах и журналах. Это отдельная работа, требующая просмотра подшивок журналов 1950–1970-х годов, которые сохранились, похоже, только в библиотеках Санкт-Петербурга и Москвы.

К сожалению, до сих пор недоступны письма В.М. Звонцова к С.С. Гейченко, и практически нет высказываний самого художни-

ка о своей работе иллюстратора — кроме нескольких фраз в письмах к И.Е. Гибшман[1], опубликованных сравнительно недавно в Архангельске. Базовые сведения о книжной графике, равно как о журнальной и газетной, а также прикладной графике, для своих студентов, а также для всех интересующихся искусством, преподаватель Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина Академии художеств СССР В.М. Звонцов сформулировал в своих «Основах понимания графики».

Основным итогом данной работы являются списки книг с иллюстрациями В.М. Звонцова, приводимые в Приложении ***(см. в конце статьи)***. Поиск проводился через Интернет на различных книжных торговых площадках, в электронных каталогах Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки; в Пскове был просмотрен каталог Псковской областной универсальной научной библиотеки, а в первую очередь был изучен фонд научной библиотеки Пушкинского Заповедника. Списка два. В практических целях мы выделили в один список работы, выполненные специально для Пушкинского Заповедника ***(Приложение 2)***, а в другой — все остальные книги, проиллюстрированные художником ***(Приложение 1)***. При этом в творческом отношении пушкинские места всегда были источником вдохновения для В.М. Звонцова: и виды, и мотивы Михайловского можно найти практически во всех оформленных им книгах.

Мы постараемся отметить некоторые из этих любимых сюжетов в нашем комментарии.

История вопроса такова. Сведения об иллюстрациях Звонцова нам удалось обнаружить только в биобиблиографическом словаре 1983 года[2]. Приводим эти сведения полностью:

---

[1] Гибшман Ирина Евгеньевна, урожденная Клименко (1908–1996), праправнучка А.С. Пушкина.

[2] *Вольценбург О.Э.* Художники народов СССР: биобиблиографичекий словарь. В 6 т. Т. 4. Кн. 1. М., 1983. С. 272–273. Два абзаца иллюстрации в творчестве Звонцова посвятила Г.А. Островская, автор вступительной статьи к каталогу 2017 года (Василий Звонцов: графика: каталог выставки к 100-летию со дня рождения / авт. Г.А. Островская, Н.П. Фомин; сост. З.И. Костко, Н.П. Фомин. СПб., 2017. С. 13–14). Но ее утверждение, что «большинство проиллюстрированных и оформленных им книг составляют сборники стихов», ошибочно: из списков изданий нашего Приложения 1 видно, что из 28 «внешних» изданий лишь 12 являются стихотворными сборниками, а из 14 изданий Пушкинского

«[В.М. Звонцов] иллюстрирует и оформляет книги для изд-в «Сов. писатель», «Детгиз», «Художник РСФСР» и др.: «Моряки» К.М. Станюковича (1951), альманах «Молодой Ленинград» (1957), «Птицы мира» В.В. Бианки (1960), «Останется любовь. Лирика» М.А. Дудина (1962), «Радуга» А.А. Прокофьева (1966), «У лукоморья» С.С. Гейченко (1971, 1973 и 1975), сб. «Времена года» (1975) и др. Во время Вел. Отечеств. войны, находясь на фронте, выполнял зарисовки (кар., 1942–45). Рисовал (1954–1960-е гг.) для журн. «Костер» и «Нева».

Чтобы не останавливаться в тексте доклада на биографии художника, в Приложении 3 ***(см. в конце статьи)*** мы приводим краткий ее вариант, подготовленный для выставки в Минске в 2018 году на основе справки в каталоге 1987 года[3].

В нашем распоряжении есть еще высказывания самого художника о знакомстве с искусством книги и первых опытах книжной иллюстрации.

Об учебе в Ленинградском художественно-педагогическом училище:

«Искусству шрифта и оформления книги нас, на наше счастье, учил один из позднейших представителей «Мира искусства» Владимир Николаевич Левитский. Захватывающе интересными беседами, показом высоких образцов он сумел внушить нам понятие о создании шрифтов как о высоком и благородном искусстве. Он первый обратил мое внимание на бесконечное разнообразие приемов работы кистью. Упражнения такого рода, начавшиеся по его настоянию, занимают меня и по сей день»[4].

Об учебе в Академии художеств:

«Строгостью, взыскательностью отличалось преподавание шрифта и искусства книги Г.Д. Епифановым. Геннадий Дмитриевич был

Заповедника лишь два — сборники стихов А.С. Пушкина. Да и приводимые ею имена авторов — «М. Пришвина, В. Бианки, В. Соколова-Микитова, М. Дудина» — говорят в пользу преобладания прозы среди книг, проиллюстрированных В.М. Звонцовым.

[3] Василий Михайлович Звонцов: выст. произведений: каталог / вступ. ст. и сост. кат. В.Н. Пилипенко; ред. Л.В. Мочалов. Л., 1987. Подробную биографию В.М. Звонцова см. в соотв. статье Д.С. Плотниковой в: Литературные музеи России: энциклопедия. В 2 т. Т. 1. А–Л. М., 2022.

[4] Как у вас, в Михайловском? или История дружбы в письмах и записках Василия Михайловича Звонцова Семену Степановичу Гейченко. Псков, 2003. С. 118.

беспощаден и непримирим ко всякой пошлости, безвкусице, дилетантизму. На занятиях он демонстрировал нам высочайшие образцы искусства книги из своей богатой коллекции»[5].

О жизненной практике:

«Демобилизовавшись с большим трудом, я наконец-то поздней осенью 1946 года приступил к занятиям на первом курсе живописного факультета института им. Репина.

От обеспеченной, благоустроенной жизни старшего офицера советской оккупационной армии в Германии надо было переключаться на нелегкую студенческую жизнь, с мизерной стипендией и массой бытовых неустройств послевоенного времени. По ночам приходилось подрабатывать так называемой халтурой, не гнушаясь никакими заказами (от этикетки на сапожный крем до портретов вождей)»[6].

А теперь обратимся собственно к иллюстрациям ***(см. Приложение 4 в конце статьи)***.

Самые ранние из обнаруженных в каталогах центральных библиотек книги с иллюстрациями Звонцова — это переводы на языки малых народов России «Рассказов о Чапаеве» А.Т. Кононова 1951 и 1952 годов издания. Перевод на хантыйский язык 1952 года частично доступен в электронном виде. Иллюстрации в блоке вполне традиционные. На титуле указано: «Рисунки В.М. Звонцова, Б.Г. Перепеча и В.И. Сенчукова». Сказать наверняка, какие рисунки в блоке принадлежат Звонцову, мы не можем, но разворот на форзаце точно выполнен им. Достаточно сравнить этот разворот с листами из дипломной работы Звонцова «По дорогам войны» («В разведку» и «На Одере»).

Еще одна работа этого времени — два издания Станюковича «Моряки» 1951 и 1953 годов. Снова совместная работа, на этот раз В.М. Звонцова и Б.Г. Перепеча, и снова невозможно с уверенностью установить авторство рисунков. Книга 1951 года содержит штриховые рисунки в тексте и акварельные полнолистные иллюстрации, в издании 1953 года оставлены только штриховые рисунки в тексте. Пожалуй, это единственное обращение Звонцова к морской тематике в книжной иллюстрации, а вот для журнала «Костер» ему довелось создать иллюстрации к первой публикации Иосифа Бродского. Это «Баллада о маленьком буксире»

[5] Как у вас, в Михайловском? или История дружбы в письмах и записках Василия Михайловича Звонцова Семену Степановичу Гейченко. Псков, 2003. С. 143.

[6] Там же. С. 141.

в ноябрьском номере журнала «Костер» за 1962 год. Теперь за этот номер журнала просят 100 000 рублей.

Иллюстрации в книгах Р.М. Достян «Два человека» (1957), Б.А. Кострова «Стихотворения» (1957), А.Д. Клещенко «Избушка под лиственницами» (1959) — это, пожалуй, рядовые примеры вынужденной работы ради денег, и, возможно, свидетельство творческого кризиса, преодолеть который художнику помогло знакомство с Михайловским и С.С. Гейченко. В то же время среди акварелей, выполненных для набора открыток «Пушкинский Заповедник» (1958), уже есть несомненные удачи («Три сосны» и «Тригорское. Берег Сороти»). Последняя акварель более двадцати лет находилась в экспозиции Дома-музея Осиповых и Вульфов в Тригорском.

Для краткого путеводителя по Михайловскому 1963 года С.С. Гейченко использует клише по рисунку В.М. Звонцова. В тексте брошюры художник не указан, но в музейном собрании есть три типографских отпечатка с клише обложки с типографской же подписью «С. Михайловское. Худ. В.М. Звонцов»[7]. Рисунок выполнен в процессе кропотливой работы над образом Михайловского, три стадии которой представлены в офортах 1959, 1963 и 1965 годов. И если в работе 1959 года мы видим реальный пейзаж усадьбы в конце короткого зимнего дня[8], в офорте 1963 года тучи над Михайловским сгущаются[9], и в офорте 1965 года[10] оно становится тем образом затерянного «в глуши лесов сосновых» мрачного места ссылки, о котором А.С. Пушкин писал: «…мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство»[11]. Офорт 1965 года Звонцов считал своей удачей. Этот образ почти без изменений перекочевал на обложку первого издания книги С.С. Гейченко «У лукоморья» (1971).

Со сборника рассказов В.В. Бианки «Птицы мира» (1960) начинается новый этап в работе художника с книгой, когда тематика текста позволяет художнику реализовать свои предпочтения. Это и лесные пейзажи, и птицы на ветках, и полевые цветы и травы — то, что станет

---

[7] ПЗ-КП-820, ПЗ-НВФ-6508, ПЗ-НВФ-6509. Номер ПЗ-КП-820 поступил в собрание по акту № 18 от 3.10.59 г.

[8] ПЗ-КП-844, ПЗ-КП-845. Ср.: «Проглянет день как будто поневоле / И скроется за край окружных гор» (19 октября 1825 года).

[9] ПЗ-КП-1645.

[10] ПЗ-КП-2862.

[11] Письмо А.С. Пушкина П.А. Вяземскому от 27 мая 1826 года.

ведущими образами в станковой графике Звонцова, его рисунках и офортах. А окончательно лаконичная, ненавязчивая манера иллюстрирования вырабатывается в серии рисунков к поэме М.А. Дудина «Тепло» (1960) и стихотворным сборникам того же автора «Останется любовь» (1962) и «До востребования» (1963). В сборнике 1962 года художник снова выполнит иллюстрации в технике «тушь, перо, синяя акварель», к которой он не раз вернется позднее. А первое обращение к ней было обусловлено морской тематикой первой книги Станюковича (1951).

Иллюстрации к роману И.М. Друца «Ненастье и надежды» (1965) возвращают нас к безликим типовым иллюстрациям периода 1950-х годов. Проходной работой представляется и сборник стихов Л.Б. Стекольникова «Время полной листвы» (1966). Но в это же время создаются краткие путеводители «Михайловское», «Тригорское» и «Пушкинские Горы» (1965), а через два года — «Пушкинский Заповедник. Краткий путеводитель» (1967) и пушкинские «Стихи, написанные в Михайловском» (1967). Для Пушкинского Заповедника эти книги стали знаковыми, а изящные рисунки тушью и пером к этим изданиям — визитной карточкой В.М. Звонцова.

Еще одной работой ради денег, похоже, была книга стихов ультрапатриотического поэта А.А. Прокофьева «Радуга» (1966). Книга предназначалась для маленьких детей, иллюстраций должно было быть много, и кроме любимых природных сюжетов пришлось рисовать и картинки к стихам о войне, и индустриальные пейзажи (порой используя наработки к ранее вышедшим книгам). Но ведущими становятся уже знакомые образы — птица на вершине молодой сосны, травы и ласточки, полевые цветы, узнаваемые разливы Сороти, простые сельские пейзажи. Эти же мотивы повторяет Звонцов в иллюстрациях к небольшому сборнику стихов В.М. Смирнова «Вёдро». Здесь пейзажи еще более конкретны — это вид через Сороть на зимаревские холмы и зимняя лавинка через Сороть всё к тем же Зимарям. Эта небольшая книжечка — единственная в период 1967–1971 годов. В это время Звонцов как автор текста работает над учебником «Офорт» (1971, в соавторстве с В.И. Шистко).

Уже в конце 1960-х начинается работа над иллюстрациями к первому изданию книги С.С. Гейченко «У лукоморья: Записки хранителя Пушкинского Заповедника». Книга вышла в 1971 году, но сдана в набор она была 16 июля 1970 года, а работа над иллюстрациями началась

В.М. Звонцов и С.С. Гейченко. 1978 год. Фото Р.П. Кучерова

еще раньше. К сожалению, до сих пор нет отдельного исследования по истории создания и дополнения этого замечательного сборника новелл С.С. Гейченко, а единственное издание писем С.С. Гейченко к В.М. Звонцову не дает полной картины процесса создания этой книги. Мы нашли лишь разрозненные упоминания о планируемой публикации сборника уже в 1964 году[12]. О публикации газеты «Известия» о скором выходе книги «У лукоморья» сообщается в письме от 12 декабря 1969 года[13].

[12] А у нас, в Михайловском, или Домашняя история Пушкинского Заповедника в письмах Семена Степановича Гейченко Василию Михайловичу Звонцову. М., 2000. С. 123: «Мать за ногу Дудина! Выходит, что «Лукоморье» останется сказкой. Мих. Ал. уехал, говоришь ты, до конца мая не будет. И никому никакого дела до этого «Лукоморья» не будет. И ничего выходить не будет» (письмо от февраля 1964). С. 131: «Будет ли «Лукоморье»? Иль, как полагается, оно «накрылось»… (письмо от 17 марта 1964).

[13] Там же. С. 209.

Короткое письмо от 3 сентября 1971 года целиком посвящено оценке иллюстраций к первому изданию: «Дорогой Вася! Известный тебе Виктор Ардов прислал мне письмо и рецензию на книгу «У лукоморья». В этой рецензии он поет тебе дифирамбы. По сему случаю рецензию сию перепечатал и посылаю тебе»[14]. Видимо, о рисунках к третьему изданию «У лукоморья» С.С. Гейченко пишет в письме от 6 января 1978 года: «Дорогой Вася! Получил от тебя рисунки к «У лукоморья». Премного вами я благодарен!»[15]

О четвертом издании упоминает С.С. Гейченко в письме от 1 марта 1980 года: «Дорогой Васяся! Очень мне стало грустно от сообщенья твоего о скором уходе из Лениздата Н.А. Чечулиной[16]. Теперь уж для меня будет шлагбаум на Фонтанке. Да и то сказать — мое «Лукоморье» после этого издания 1980 года вряд ли когда-нибудь повторится еще. Если увидишь Н.А., скажи ей, чтобы в рассказе о часовне ветхой в Михайловском она добавила 3–4 строчки о том, что летом 1979 года часовня была восстановлена. И «Поклонная горка» Михайловского вновь пришла в то состояние, в котором она была при Пушкине»[17]. А в апреле Звонцов получает шутливую приписку к письму: «За отличное художественное оформление книги С.С. Гейченко «У лукоморья» награждается премией «Крыло серафима» художник ЗВОНЦОВ Василий Михайлович. А. Пушкин»[18].

В записке С.С. Гейченко от 25 февраля 1985 года читаем: «Дорогой! Рукопись 5-го издания моей книги «У лукоморья» Лениздатом принята. Чечулина свою работу закончила. Теперь остался только ты, ты, мой дорогой Леонардо Задавинчи!»[19] А в письме от 2 апреля 1985 года: «Рукопись к переизданию книги «У лукоморья» подготовил. По сравнению с 4-м изданием книга увеличится на три печатных листа. В книгу войдут новые рассказы: «На тропе к дому поэта», «Грот в Михайловском», «Знакомые печальные места», «Святогорский храм славы Пушкина», «Здесь дремлет юноша мудрец», «Певец Святогорья (И.С. Козловский)», «По-

[14] А у нас, в Михайловском, или Домашняя история Пушкинского Заповедника в письмах Семена Степановича Гейченко Василию Михайловичу Звонцову. М., 2000. С. 232.

[15] Там же. С. 256.

[16] Чечулина Нина Александровна, редактор Лениздата.

[17] Там же. С. 265.

[18] Там же. С. 267.

[19] Там же. С. 290.

четный гражданин Пушкиногорья (И.Л. Андроников)», «Из народных легенд о Пушкине» и много еще ково-чево. Думаю, что кое-что издатели отринут. Ну и Бог с ними… Дорогой батя, я надеюсь, что новое издание украсишь своими рисунками ТЫ!»[20] И наконец осенью этого же года: «Дорогой Василей! Слава Всевышнему за то, что он помог тебе начать работу над моей книжицей! Ты ведь всё можешь»[21].

В пятом издании «У лукоморья» появилась и небольшая новелла «Дорогой друг» — о Василии Михайловиче Звонцове. Между прочим там есть такие строки: «В.М. Звонцов — неизменный иллюстратор всех моих рассказов. Он оформлял все издания моего «Лукоморья», всякий раз что-то добавляя и совершенствуя свои рисунки»[22].

В одном из писем к И.Е. Гибшман мы читаем резюме самого В.М. Звонцова о работе над всеми пятью прижизненными изданиями «У лукоморья»:

«Знаете, что я пять раз иллюстрировал «У лукоморья» и все пять раз не имел приличного срока для работы — всё авралом, всё «всмятку». Ни разу не дали мне возможности самому сделать макет книги! И все пять раз давали гадкую бумагу»[23]. Впрочем, последним изданием Звонцов был более-менее доволен: «Рад сообщить, что зато успел до Нового года завершить и сдать иллюстрации к пятому изданию книги Семена Степановича. Книга уже в работе, были удачные пробы. Пятое издание хотят приурочить к 20-му празднику Поэзии... Хорошо, что я «натренирован» был на предыдущих изданиях и смог около 150 иллюстраций… [нрзб] в месячный срок!»[24]

Еще одним изданием специально для Заповедника, для нового музея в Петровском, стал альбом рисунков «Петровское», вышедший в 1977 году, но сданный в набор еще в начале 1976-го. Рисунки к нему датированы 1975 годом, они довольно полно представлены в собрании музея. Манера не совсем характерная для Звонцова середины

---

[20] А у нас, в Михайловском, или Домашняя история Пушкинского Заповедника в письмах Семена Степановича Гейченко Василию Михайловичу Звонцову. М., 2000.

[21] Там же. С. 292. Письмо от 21 октября 1985 года.

[22] *Гейченко С.С.* У лукоморья: рассказы хранителя Пушкинского Заповедника / вступ. ст. М. Дудина; рис. В.М. Звонцова. Л., 1986. С. 382.

[23] Письмо В.М. Звонцова И.Е. Гибшман от 21 августа 1986 года // *Егорова Л.* Пушкин в Архангельске. Архангельск, 2010. С. 350.

[24] Там же. Письмо от 14 января 1986 года.

1970-х годов — это не то акварель, проработанная тушью и пером, не то рисунки пером, подкрашенные акварелью. Редкое в зрелые годы обращение художника к цветной акварели может быть связано, с одной стороны, с заказом музея, а с другой стороны — может объясняться совместной работой с дочерью, тоже художницей, Екатериной Звонцовой, над сборником для детей «Улыбка ясная природы» (тоже в технике акварели). Иллюстрации готовились примерно в одно и то же время.

А последним изданием о Пушкиногорье стала книга «Под вашу сень, Михайловские рощи»[25]. Здесь Звонцов был и одним из авторов идеи, и автором проникновенного повествования о роли Михайловского в его жизни (послесловие «Дорогие сердцу места»), а помимо лучших его работ в офорте и туши в книге представлены очаровательные миниатюры-концовки.

Вернемся к, так сказать, «внешним» изданиям. Следующей работой на заказ были «Времена года: рассказы о природе» (1976). Рисунки к ней выполнены пером. И снова встречаем мы здесь знакомые разливы Сороти, камыши и ветки, избушки в снегу и лошадку с санями. А к очерку Константина Паустовского «Михайловские рощи» художник изображает одну из героинь очерка, внучку Анны Керн, в липовой аллее, которую все теперь знают как «Аллею Керн». Об этой книге Семен Степанович пишет другу: «Дорогой! Сегодня листал книгу природы глазами русских писателей, которую ты недавно иллюстрировал. Очень уж дерьмовая бумага! Она не для твоих рисунков. Ты ювелир и кружевница, а это требует хорошего материала. И вообще странно, сколько разной детской зауми выпускает твой Детгиз на отличнейшей бумаге, а эту — солидную книгу, напичканную великими писательскими именами, напечатали на газетной. Тьфу!»[26]

Еще одну книгу — «Улыбка ясная природы: русские писатели и поэты о родной природе» (1976) — художник иллюстрирует вместе с дочерью Екатериной. Рисунки выполнены акварелью, тоже встречаются зна-

---

[25] «Под вашу сень, Михайловские рощи»: стихи, написанные А.С. Пушкиным в Михайловском / сост. и примеч. С.С. Гейченко; послесл. В.М. Звонцова; худ. В.М. Звонцов, В.В. Смирнов. М., 1987.

[26] А у нас, в Михайловском, или Домашняя история Пушкинского Заповедника в письмах Семена Степановича Гейченко Василию Михайловичу Звонцову. М., 2000. С. 251. Письмо датировано 29 апреля 1975 года, но это, возможно, ошибка издателей — книга сдана в набор 20 августа 1975, а подписана в печать только 6 февраля 1976 года.

комые мотивы — разлив реки, уголки леса, ласточки над лугом и аллея старого парка, но бóльшая часть работ, как представляется, выполнена Екатериной Звонцовой. Бумага в этой книге добротная.

Следующее издание — М.М. Пришвин «Дорога к другу: дневники» (1978 и 1982). В этой книге художник получает возможность всецело отдаться не только любимым сюжетам, изображая ветки цветущих деревьев, полевые цветы и травы, деревья, отражающиеся в воде и летящих птиц, но и делать это в любимых техниках — китайской туши, карандаше, угле. Появляется в книге и классический михайловский сюжет — зимний пейзаж с фигурой на «горбатом мостике». Через четыре года книга вышла еще одним изданием, и снова с рисунками Звонцова. И по тематике, и по технике близки к этим иллюстрациям рисунки Звонцова к книге В.А. Бочарникова «Теплая земля» (1981).

В книге И.С. Соколова-Микитова «На теплой земле: повести и рассказы» (1978) иллюстраций немного, художник снова возвращается к лаконичным рисункам пером. Пером выполнены иллюстрации к «Охотничьим былям» М.М. Пришвина (1983), а по сюжетам они близки рисункам книг «Дорога к другу» и «Теплая земля».

Следующая книга вроде бы тоже для детей, тоже стихи — «Голубиная почта» В.К. Фетисова (1985). В аннотации для читателей написано: «Эту книжку сделали для вас, ребята, два бойца. Поэт Василий Фетисов, который во время Великой Отечественной войны был матросом Северного флота, и художник Василий Звонцов, который служил в пехоте. В этой книге они как бы прошли заново этот бесконечный путь в четыре долгих года до Победы и вспомнили тех, кто полег на этом пути, кто пал смертью храбрых. В каждой строке стиха, в каждой былинке рисунка звучит любовь к Родине. Ее они защитили, сберегли, и главная их забота — передать эту любовь вам, ребята, своим читателям, своей смене». Но обращение к теме войны для Звонцова было непростым. По собственному выбору он обращался к ней всего два раза в своей творческой биографии — в дипломной работе «По дорогам войны» (1952) и в офортах-миниатюрах по мотивам дипломной работы в 1975 году. В книге Фетисова мы снова встречаем и мотив военных дорог из дипломной работы Звонцова, и прямые иллюстрации военных действий, и сюжеты темы памяти — скромный обелиск над братской могилой, памятник Воину-освободителю в Трептов-парке, иван-чай… Этому полевому цветку Фетисов посвятил особое стихотворение, где есть такие строки:

Иван-чай!..
Он фронтовик.
К трудной жизни он привык.

У окопов службу нес.
На землянках смело рос.

У дороги рос на кромке.
Рос — венком — вокруг воронки.

Жил,
героев осеня
цветом вечного огня.

Для В.М. Звонцова кипрей тоже был цветком-символом, цветком, растущим на старых окопах, цветком-памятью о погибших солдатах. Но в этой книге обращение к теме войны далось художнику нелегко. Похоже, именно об этой работе он пишет И.Е. Гибшман в письме от 26 апреля 1984 года (книга сдана в набор 24 октября 1984-го): «Ради заработка (чтобы обеспечить лето) связался с малоприятной работой и не успеваю сделать ее вовремя. Поэтому сидим еще в городе, хотя, кажется, пора на «посевную»[27]. И чуть дальше: «Близится Первомай и День Победы — самый тяжелый для меня день в году. Я бегу в этот день от людей без оглядки, но от воспоминаний не убежишь. С 5 по 10 мая стану рисовать на глухом, забытом хуторе близ Приозерска — без радио, телевидения, газет, без гульбы и вселенского пьянства». Технику, которую Звонцов использовал в иллюстрациях к этой книге — сочетание черной и синей акварели, — он продолжит использовать и в следующих работах.

В небольшом сборнике стихов Г.С. Морозова «Посветлело» (1987) художник вновь возвращается к любимым сельским пейзажам, цветам и травам (перо, тушь; обложка — тушь и синяя акварель). Сборник стихов Ф.И. Тютчева и А.А. Фета (1988) адресован детям и содержит множество иллюстраций, в том числе изображение могилы А.С. Пушкина в Святогорском монастыре. В письме к И.Е. Гибшман от 14 января 1986 года Звонцов пишет: «А незадолго до «Лукоморья» выполнил боль-

[27] *Егорова Л.* Пушкин в Архангельске. С. 349.

шую работу по иллюстрированию сборника стихов Тютчева и Фета. Одним словом, был загружен до предела и долго не мог обратиться к любимым пейзажам. Сейчас отдышусь и возьму реванш»[28].

Последней работой Звонцова в качестве иллюстратора стал сборник стихов М.А. Дудина «Дорогой крови по дороге к Богу» (1995). Книга вышла уже после смерти и М.А. Дудина, и художника. Иллюстрации выполнены в сложной и любимой Звонцовым технике китайской туши, их можно назвать лучшей работой Звонцова в области книжной иллюстрации. Они ни в чем не уступают станковым работам мастера в этой технике.

[28] *Егорова Л.* Пушкин в Архангельске. С. 350.

Приложение 1

Книги с иллюстрациями В.М. Звонцова

1 Нанайский язык
Кононов А.Т. Чапаевба гисурэй гисурэнсэл / пер. Н.Б. Киле; рис. В.М. Звонцова и др. Л. ; М.: Учпедгиз, 1951. 91 с. : ил. ; 22 см
Перевод заглавия: Рассказы о Чапаеве
Примечания: Текст парал. нанай., рус.

2 Эвенкийский язык
Кононов А.Т. Чапаев дярин улгурил / эвэдыт дукучан З.В. Монахова; В.М. Звонцов [и др.] оневуртын. Л. ; М.: Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1951. 88 с. : ил. ; 22 см
Перевод заглавия: Рассказы о Чапаеве
Примечания: Текст парал. эвенк., рус.

3 Хантыйский язык
Кононов А.Т. Чапаев отынгны потрыт / ханты ясынга К.Н. Дабин ханшис; рис. В.М. Звонцов [и др.]. Л. ; М.: Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1952. 68 с. : ил. ; 22 см ***(см. Приложение 4, с. 177)***
Перевод заглавия: Рассказы о Чапаеве

4 *Станюкович К.М.* Моряки: Рассказы : [Для мл. и сред. возраста] / рис. Б. Перепеч и В. Звонцова. М. ; Л.: Детгиз, 1951. 184 с. : ил. ; 21 см

5 *Станюкович К.М.* Моряки: Рассказы : [Для детей] / рисунки Б. Перепеч и В. Звонцова. Алма-Ата: Каз. гос. изд-во худож. лит., 1953. 168 с. : ил. ; 21 см ***(178)***

6 *Достян Р.М.* Два человека: Повесть / [ил.: В.М. Звонцов]. Л.: Сов. писатель [Ленингр. отд-ние], 1957. 118 с., 1 л. ил. ; 17 см ***(179)***

7 *Костров Б.А.* Стихотворения / [ил.: В.М. Звонцов]. Л.: Сов. писатель [Ленингр. отд-ние], 1957. 60 с., 1 л. ил. ; 17 см ***(180)***

8 *Клещенко А.Д.* Избушка под лиственницами: Рассказы / [ил.: В.М. Звонцов]. Л.: Сов. писатель [Ленингр. отд-ние], 1959. 249 с. : ил. ; 21 см ***(180)***

9 *Дудин М.* Стихи (худ. В.М. Звонцов) // Ленинградский альманах. Вып. 17. Л.; Ленинградское отделение Союза писателей РСФСР; Лениздат, 1959. С. 53–55

10 *Бианки В.В.* Птицы мира: Рассказы / [ил.: В.М. Звонцов]. Л.: Лениздат, 1960. 126, [2] с., 4 л. ил. : ил. ; 17 см ***(182)***

11 *Дудин М.А.* Тепло: Поэма / [ил.: В.М. Звонцов]. Л.: Лениздат, 1960. 19 с. : ил. ; 14 см ***(183)***

12 *Дудин М.А.* Останется любовь: Лирика / [ил.: В.И. Звонцов]. М. ; Л. : [Сов. писатель. Ленингр. отд-ние], 1962. 83, [2] с. : ил. ; 14 см ***(184)***

13 *Дудин М.А.* До востребования: Лирика / [послесл. Д. Хренкова, ил.: В.М. Звонцов. Л.: Лениздат, 1963]. 259,[1] с., 1 л. портр. : ил. ; 17 см ***(185)***

14 *Друц И.М.* Ненастье и надежды: Роман / [ил.: В.М. Звонцов]. Л.: Лениздат, 1965. 511 с. : ил. ; 17 см

15 *Стекольников Л.Б.* Время полной листвы: Стихи / [ил.: В.М. Звонцов]. М. ; Л.: Сов. писатель [Ленингр. отд-ние], 1966. 91,[1] с. : ил. ; 17 см

16 *Прокофьев А.А.* Радуга: [Стихи: Для мл. и сред. возраста] / рис. В. Звонцова. Л.: Дет. лит. [Ленингр. отд-ние], 1966. 79, [1] с. : ил. ; 22 см ***(191)***

17 *Смирнов В.М.* Вёдро: Стихи / [ил.: В.М. Звонцов]. М.: Сов. писатель, 1969. 78, [1] с. : ил. ; 17 см ***(192)***

18 Времена года: Рассказы о природе / [сост. М.М. Смирнов; худ. В.М. Звонцов]. Л.: Лениздат, 1976. 608 с. : ил. ; 21 см ***(200)***
Авторы: С.Т. Аксаков, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Д.Н. Мамин-Сибиряк, С. Каронин, А.П. Чехов, И.А. Бунин, А.И. Куприн, М.М. Пришвин, К.Г. Паустовский и др.

19 Улыбка ясная природы: Рус. писатели и поэты о родной природе: [Для мл. возраста] / сост. Л.К. Камышанова; предисл. В.А. Мануйлова; рис. В. Звонцова и Е. Звонцовой. Л.: Дет. лит. Ленингр. отд-ние, 1976. 127, [1] с. : цв. ил.; 26 см ***(201)***

20 *Пришвин М.М.* Дорога к другу: Дневники: [Для сред. и ст. возраста] / М.М. Пришвин; [послесл. И. Мотяшова; рис. В. Звонцова]. Л.: Дет. лит. Ленингр. отд-ние, 1978. 190, [2] с. : ил. ; 17 см ***(202)***

21 *Соколов-Микитов И.С.* На теплой земле: Повести и рассказы / И.С. Соколов-Микитов; [худ. В.М. Звонцов]. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1978. 656 с. : ил. ; 20 см ***(205)***

Содержание: На теплой земле; Морские рассказы; Чижикова лавра; На речке Невестнице; Записи давних лет; У светлых истоков; Моя комната; Давние встречи

22 *Бочарников В.А.* Теплая земля: Рассказы и лирические миниатюры / рис. В. Звонцова. Л.: Дет. лит., 1981. 222, [2] с., ил. ***(204)***

23 *Пришвин М.М.* Дорога к другу: Дневники : [Для сред. и ст. возраста] / М.М. Пришвин; [послесл. И. Мотяшова; рис. В. Звонцова]. Л.: Дет. лит. Ленингр. отд-ние, 1982. 174, [2] с. : ил. ; 17 см ***(203)***

24 *Пришвин М.М.* Охотничьи были: [Для ст. шк. возраста] / [сост. и послесл. Леонида Асанова; худ. В.М. Звонцов]. Л.: Лениздат, 1983. 383, [1] с. : ил. ; 21 см ***(206)***

Разделы: Календарь природы; Охотничьи были; Лисичкин хлеб; Дедушкин валенок; Золотой луг; Соловей: Рассказы о ленинградских детях; Кладовая солнца: Сказка-быль

25 *Фетисов В.К.* Песня о голубиной почте: Стихи [Для мл. школьного возраста] / рис. В. Звонцова. Л.: Дет. лит. , 1985. 95, [1] с., ил. ; 24 см ***(208–209)***

26 *Морозов Г.С.* Посветлело: Стихотворения / Геннадий Морозов; [худ. В. Звонцов]. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1987. 141, [3] с. : ил. ; 17 см ***(207)***

Содержание: Циклы: Зеленеет лед реки; А над Невою сумрак светлый…; Под облаком белым; Северный берег

27 *Тютчев Ф.И., Фет А.А.* Стихотворения: [Для сред. и ст. шк. возраста] / Ф.И. Тютчев, А.А. Фет; [сост., вступ. ст. и примеч. В. Дитца; рис. В. Звонцова]. Л.: Дет. лит.: Ленингр. отд-ние, 1988. 189,[3] с. : ил.; 17 см ***(210)***

28 *Дудин М.А.* Дорогой крови по дороге к Богу: Стихотворения, 1986–1993 / Михаил Дудин; [худ. В.М. Звонцов]. СПб.: Печ. двор, 1995. 279 с. : ил. ; 18 см ***(211)***

Содержание: Материнский крест; Циклы: Сегодня; Ночные зеркала; На повороте в завтра; У вечернего огня; Несбывшихся надежд печальны времена; Сонеты затяжной осени; Дорогой крови по дороге к Богу; Листья по ветру; Песни убегающей воде; С берега беды; После полуночи; Одинокий дуб в чистом поле

Приложение 2

Книги и другая печатная продукция с иллюстрациями В.М. Звонцова, выполненными специально для Пушкинского Заповедника

1 Пушкинский Заповедник: [Комплект открыток] / авт. текста А. Гордин; худ. В. Звонцов; ред. М. Бойко. Л.: Изогиз, 1958. 8 откр., 1 л. текста, (слож. вдвое), в обл.; 10,8 × 15 см

2 Михайловское: Краткий путеводитель / М-во культуры РСФСР. Гос. Пушкинский Заповедник. Пушкинские Горы, 1963. 16 с. : ил. ; 15 см ***(см. Приложение 4, с. 181)***
Автор: Музей-заповедник А.С. Пушкина (Псковская область)
Автор (ред., сост., организация): Гейченко, Семен Степанович
В вып. дан. авт.: С.С. Гейченко
На обложке: рис. В.М. Звонцова

3 Михайловское: Краткий путеводитель / М-во культуры РСФСР. Гос. Пушкинский Заповедник. Л.: Художник РСФСР, 1965. 27, [1] с., 1 л. ил. : ил. ; 16 см ***(186)***
Автор (ред., сост., организация): Гейченко, Семен Степанович
В вып. дан. авт.: С.С. Гейченко; худ. В.М. Звонцов

4 Тригорское: Краткий путеводитель / худ. В.М. Звонцов; М-во культуры РСФСР. Гос. Пушкинский Заповедник. Л.: Художник РСФСР, 1965. 20, [1] с., 1 л. ил. : ил.; 15 см ***(187)***
Автор (ред., сост., организация): Гейченко, Семен Степанович
В вып. дан. сост.: С.С. Гейченко; худ. В.М. Звонцов

5 Пушкинские Горы: Краткий путеводитель / М-во культуры РСФСР. Гос. Пушкинский Заповедник. Л.: Художник РСФСР, 1965. 16 с., 1 л. ил. : ил. ; 16 см ***(188)***
Автор (ред., сост., организация): Гейченко, Семен Степанович
В вып. дан. авт.: С.С. Гейченко; худ. В.М. Звонцов

6 Пушкинский Заповедник: Краткий путеводитель / М-во культуры РСФСР. Гос. Пушкинский Заповедник. Л.: Художник РСФСР, 1967. 83 с. : ил. ; 17 см ***(189)***
В вып. дан. авт.: С.С. Гейченко; худ. В.М. Звонцов

7 *Пушкин А.С.* Стихи, написанные в Михайловском / [сост. и примеч. С.С. Гейченко; рис. В.М. Звонцова]. Л.: Лениздат, 1967. 278 с. : ил. ; 17 см ***(190)***

8 *Гейченко С.С.* У лукоморья: Записки хранителя Пушкинского Заповедника / [вступ. ст. М. Дудина]; [ил.: В. Звонцов, А. Соколов]. Л.: Лениздат, 1971. 248 с. : ил.; 16 см ***(193)***

9 *Гейченко С.С.* У лукоморья: Рассказывает хранитель Пушкинского Заповедника / [вступ. ст. М. Дудина, ил.: В. Звонцов]. 2-е изд., доп. Л.: Лениздат, 1973. 271 с. : ил. ; 17 см ***(194)***

10 *Гейченко С.С.* У Лукоморья: Рассказывает хранитель Пушкинского Заповедника / С.С. Гейченко; [вступ. ст. М. Дудина, худ. О.И. Маслаков и В.М. Звонцов]. 3-е изд., доп. Л.: Лениздат, 1977. 384 с. : ил. ; 17 см ***(195)***

11 Петровское / рис. худ. В.М. Звонцова; авт. вступ. ст. С.С. Гейченко. Л.: Лениздат, 1977. [23] с. : ил.; 14 × 21 см ***(198)***

12 *Гейченко С.С.* У Лукоморья: Рассказывает хранитель Пушкинского Заповедника / С.С. Гейченко; [вступ. ст. М. Дудина, рис. В.М. Звонцова]. 4-е изд., доп. Л.: Лениздат, 1981. 432 с. : ил. ; 17 см ***(196)***

13 *Гейченко С.С.* У лукоморья: Рассказы хранителя Пушкинского Заповедника / С.С. Гейченко; [вступ. ст. М. Дудина, рис. В.М. Звонцова]. Л.: Лениздат, 1986. 493, [1] с. : ил. ; 17 см ***(197)***

14 *Пушкин А.С.* Под вашу сень, Михайловские рощи: Стихи, написанные А.С. Пушкиным в Михайловском: [Для сред. и ст. шк. возраста / сост. и примеч. С.С. Гейченко; послесл. В.М. Звонцова]; худ. В.М. Звонцов, В.В. Смирнов. Л.: Дет. лит.: Ленингр. отд-ние, 1987. 142, [1] с. : ил., цв. ил. ; 22 × 20 см ***(199)***

В приложении: Отрывки из воспоминаний об А.С. Пушкине Л.С. Пушкина, И.И. Пущина, А.П. Керн и стихотворения Н.М. Языкова

Приложение 3

Василий Михайлович Звонцов. Биографическая справка

1917, 14 апреля	родился в деревне Вахонькино Вологодской губернии в семье сельских учителей
1924	с переездом семьи в Череповец начал систематические занятия рисованием под руководством выпускницы Ленинградского высшего художественно-технического института (ВХУТЕИН) А.А. Алексеевой
1935–1939	учился в Ленинградском художественном училище (ныне имени В.А. Серова). Дипломная работа — картина «Утренний пейзаж. Пригород Ленинграда»
1939	поступал на факультет живописи ленинградского Института живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской Академии художеств. Призван на действительную военную службу, служил в Архангельске. Опубликовал рисунки в областной газете «Северный комсомолец»
1941–1942	учился в Пуховичском пехотном училище в Великом Устюге
1942–1946	сражался на фронтах Великой Отечественной войны в составе 3-й Ударной армии. За участие в боевых действиях награжден тремя орденами Отечественной войны, а также Боевого Красного Знамени, Виртути Милитари и медалями
1946	демобилизовался и восстановился на первом курсе факультета живописи ленинградского Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина
1948	перевелся на третий курс факультета графики этого же института. Учился у К.И. Рудакова, Л.Ф. Овсянникова, А.Ф. Пахомова, М.Г. Платунова, Г.Д. Епифанова
1951–1952	был освобожденным секретарем парторганизации института

1951–1954	был секретарем Василеостровского райкома КПСС Ленинграда
1952	окончил Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина с дипломной работой «По дорогам войны» (графическая серия, Ростовский областной музей изобразительных искусств (Ростов-на-Дону). Стал членом Союза художников СССР
1953–1970	преподавал в Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина
1963	издал книгу «Основы понимания графики»
1970–1974	работал главным редактором издательства «Аврора» (Ленинград)
1971	совместно с В.И. Шистко издал книгу «Офорт»
1973–1977	член правления Союза художников СССР
с 1974	член правления Союза художников РСФСР
1978	присвоено звание заслуженного художника РСФСР
с 1981	секретарь правления Союза художников РСФСР
1983	присвоено звание народного художника РСФСР
1994, 20 ноября	скончался в Санкт-Петербурге, похоронен на Смоленском кладбище

Приложение 4

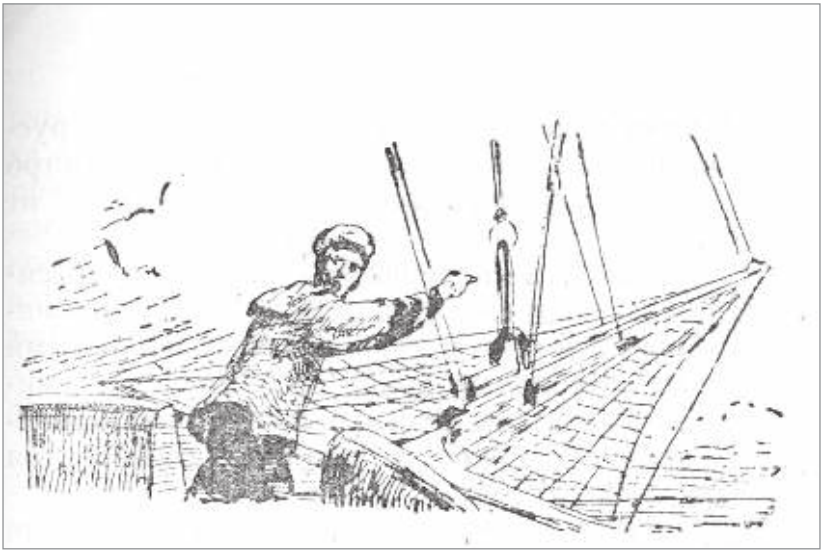
Книжная иллюстрация в творчестве В.М. Звонцова

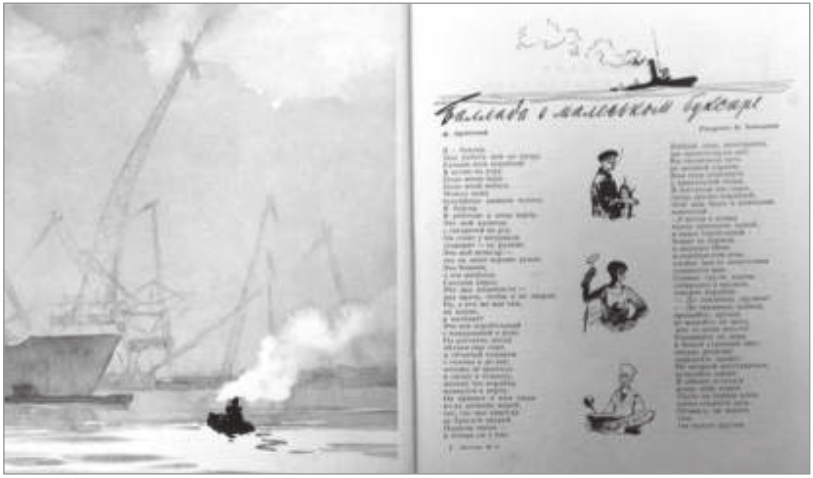
А. КОНОНОВ

РАССКАЗЫ О ЧАПАЕВЕ

Кононов А.Т. Чапаев отынгны потрыт / ханты ясынга К.Н. Дабин ханшис; рис. В.М. Звонцов [и др.]. Л. ; М.: Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1952. Хантыйский язык; перевод заглавия: Рассказы о Чапаеве. Титульный лист и форзац

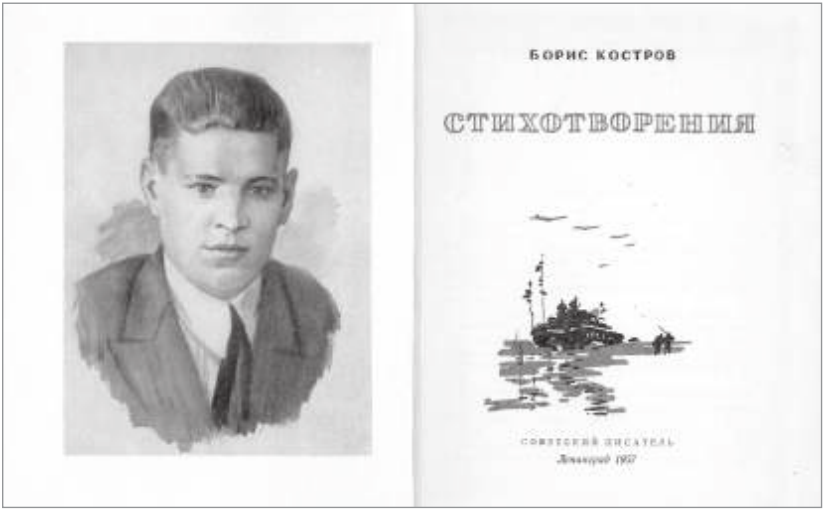
Станюкович К.М. Моряки: Рассказы: [Для детей] / рисунки Б. Перепеч и В. Звонцова. Алма-Ата: Каз. гос. изд-во худож. лит., 1953. Титульный лист и иллюстрация





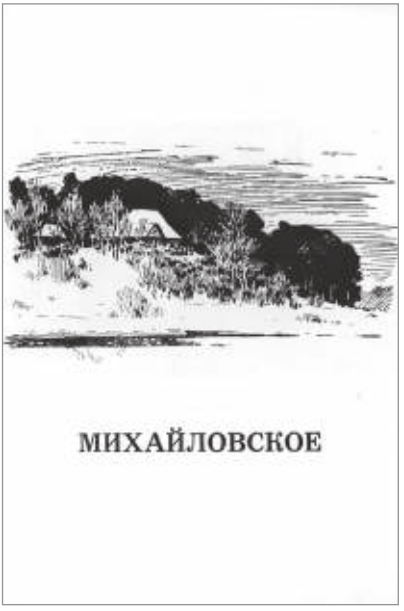
Бродский И.А. Баллада о маленьком буксире // Костер. 1962. № 11. Иллюстрации В.М. Звонцова

Достян Р.М. Два человека: Повесть / [ил.: В.М. Звонцов]. Л.: Сов. писатель. [Ленингр. отд-ние], 1957. Фронтиспис и титульный лист

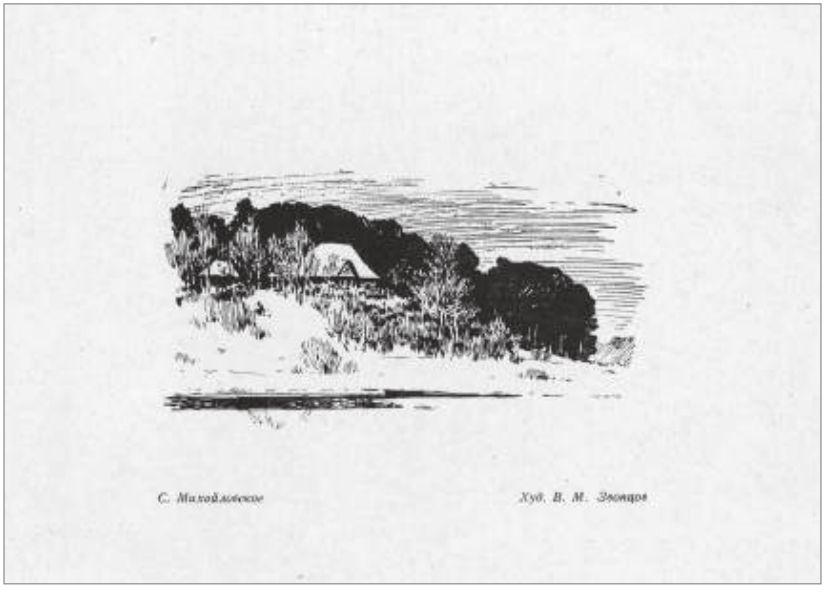


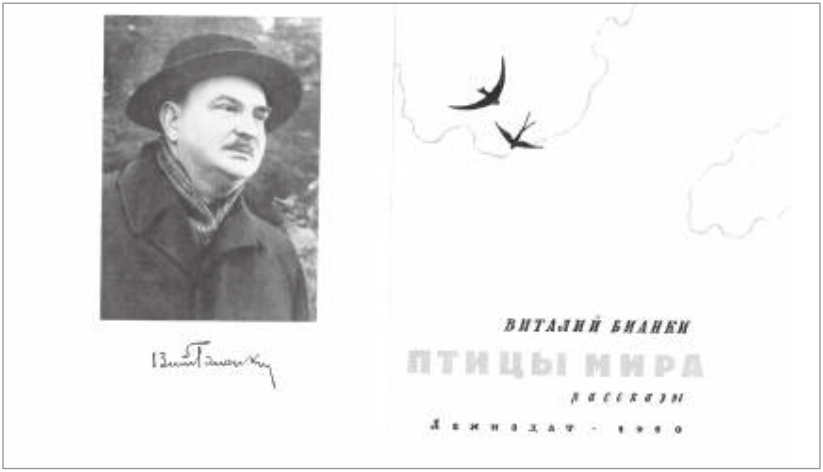
Костров Б.А. Стихотворения / [ил.: В.М. Звонцов]. Л.: Сов. писатель. [Ленингр. отд-ние], 1957. Фронтиспис и титульный лист

Клещенко А.Д. Избушка под лиственницами: Рассказы / [ил.: В.М. Звонцов]. Л.: Сов. писатель. [Ленингр. отд-ние], 1959. Иллюстрация

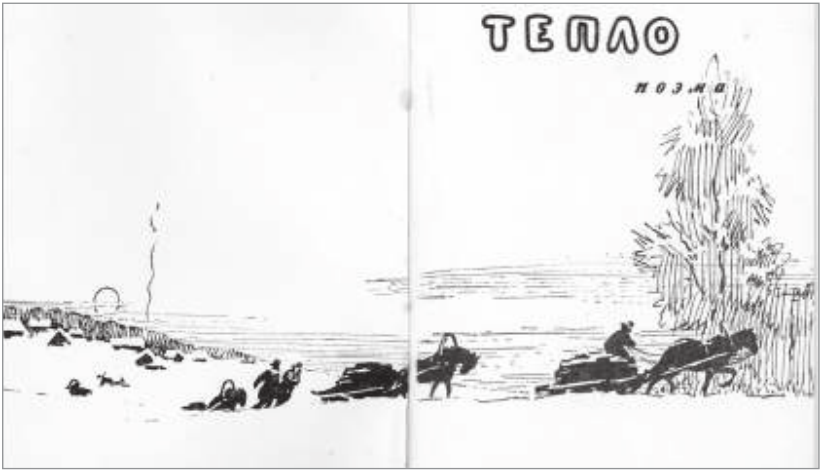


Михайловское: Краткий путеводитель / М-во культуры РСФСР. Гос. Пушкинский Заповедник. Пушкинские Горы, 1963. Обложка (справа); ПЗ-КП-820 / Г-289 Звонцов В.М. Михайловское. Дом-музей А.С. Пушкина. 1959. Бумага, печать типографская (внизу)





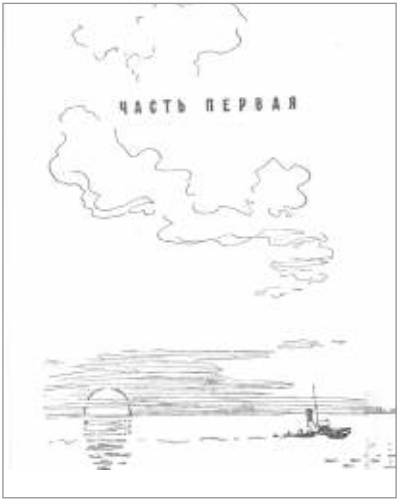
Бианки В.В. Птицы мира: Рассказы / [ил.: В.М. Звонцов]. Л.: Лениздат, 1960. Фронтиспис и титульный лист; иллюстрация в тексте; полностраничная иллюстрация



Дудин М.А. Тепло: Поэма / [ил.: В.М. Звонцов. Л.: Лениздат, 1960]. Титульный лист

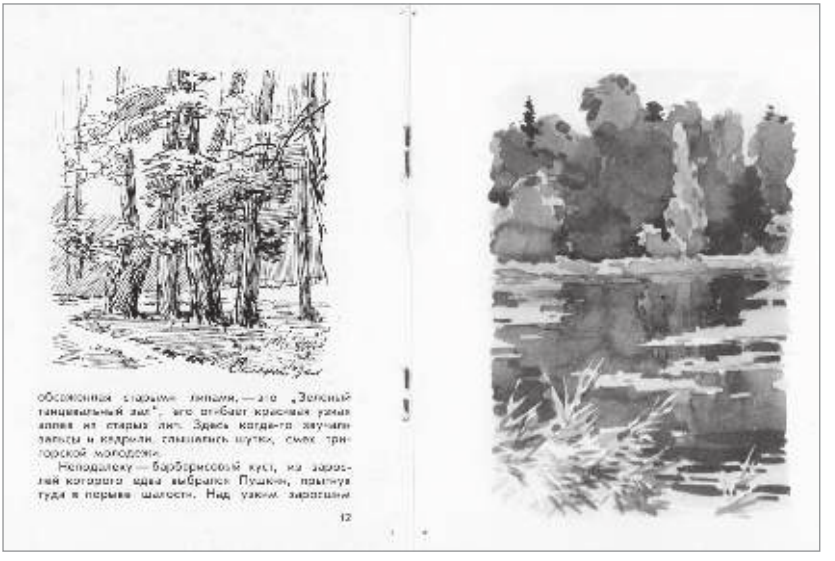
Дудин М.А. Останется любовь: Лирика / [ил.: В.М. Звонцов]. М. ; Л.: [Сов. писатель. Ленингр. отд-ние], 1962. Фронтиспис и титульный лист; полностраничная иллюстрация; иллюстрация в тексте

Дудин М.А. До востребования: Лирика / [послесл. Д. Хренкова, ил.: В.М. Звонцов. Л.: Лениздат, 1963]. Титульный лист и иллюстрации

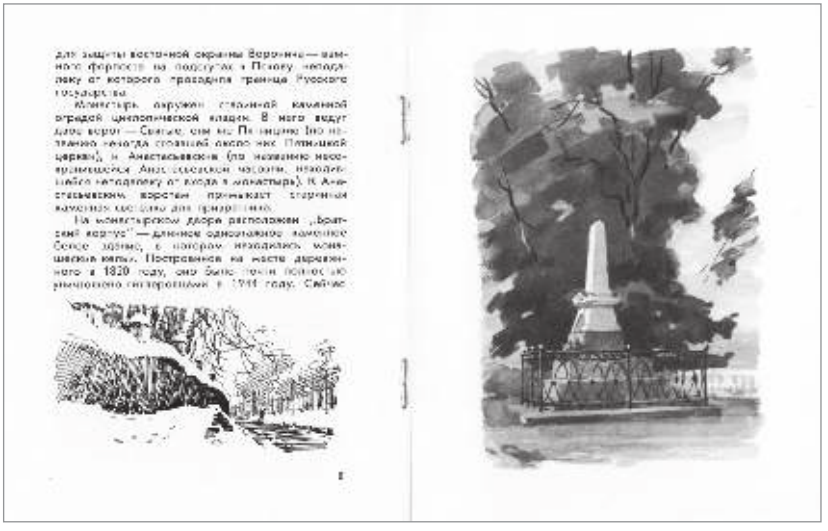


Михайловское: Краткий путеводитель / М-во культуры РСФСР. Гос. Пушкинский Заповедник. Л.: Художник РСФСР, 1965. Обложка и иллюстрация

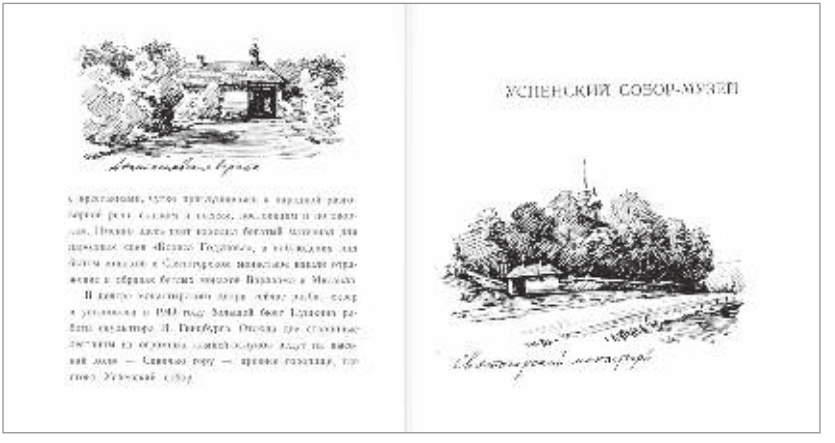
Тригорское: Краткий путеводитель / худ. В.М. Звонцов; М-во культуры РСФСР. Гос. Пушкинский Заповедник. Л.: Художник РСФСР, 1965. Обложка и разворот с иллюстрациями



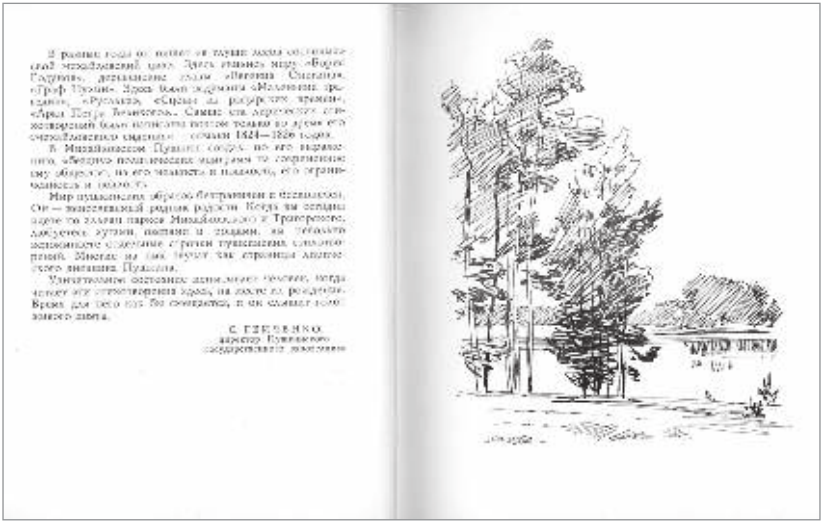
Пушкинские Горы: Краткий путеводитель / М-во культуры РСФСР. Гос. Пушкинский Заповедник. Л.: Художник РСФСР, 1965. Обложка и разворот с иллюстрациями

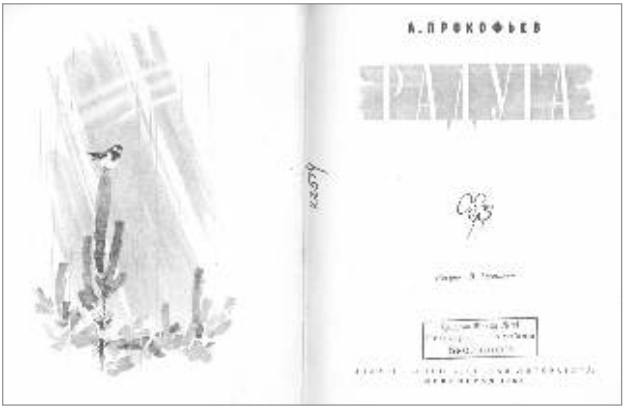


Пушкинский Заповедник: Краткий путеводитель / М-во культуры РСФСР. Гос. Пушкинский Заповедник. Л.: Художник РСФСР, 1967. Обложка и иллюстрации

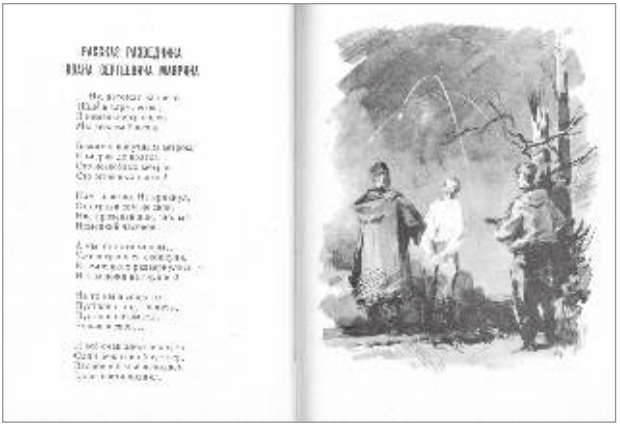


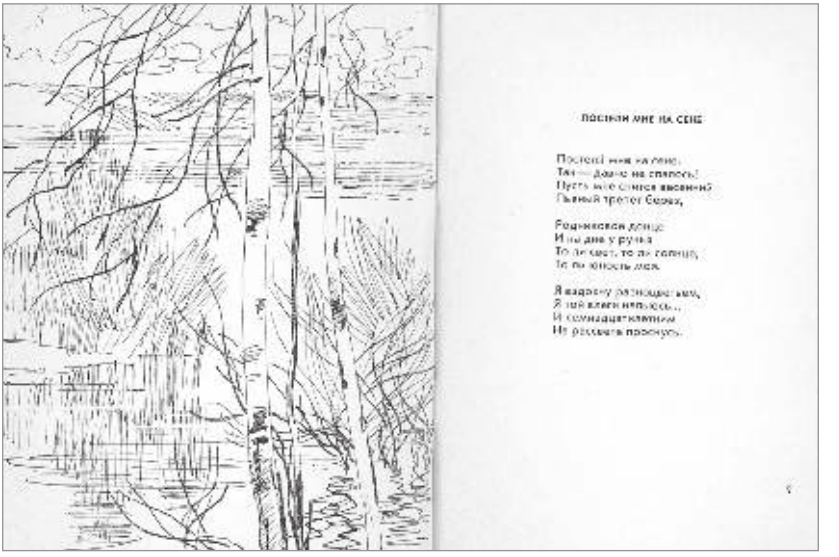
Пушкин А.С. Стихи, написанные в Михайловском / [сост. и примеч. С.С. Гейченко, рис. В.М. Звонцова]. Л.: Лениздат, 1967. Титульный лист; иллюстрация в тексте; разворот с полностраничной иллюстрацией



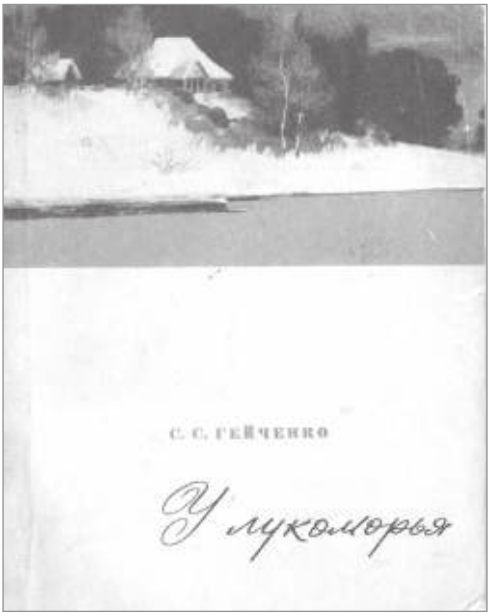


Прокофьев А.А. Радуга: [Стихи: Для мл. и сред. возраста] / рис. В. Звонцова. Л.: Дет. лит. [Ленингр. отд-ние], 1966. Фронтиспис и титульный лист; иллюстрация, разворот с полностраничной иллюстрацией

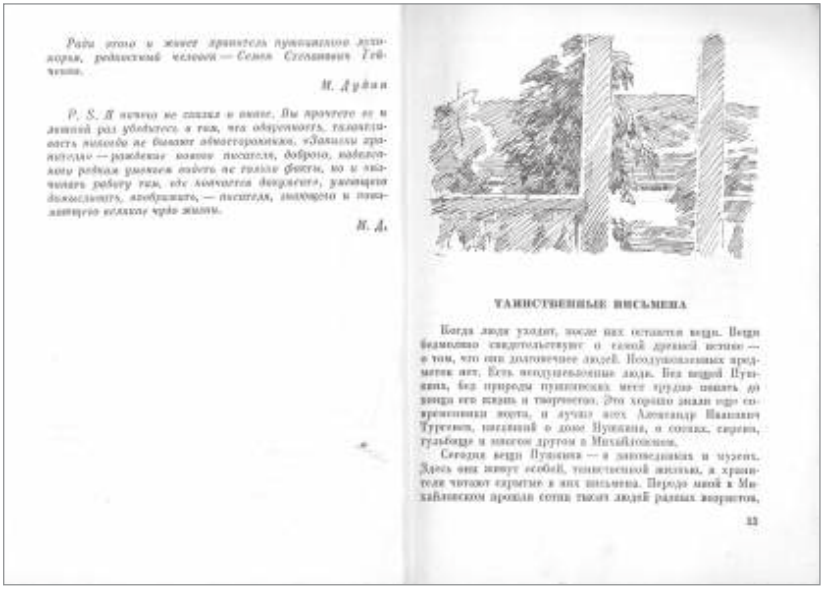




Смирнов В.М. Вёдро: Стихи / [ил.: В.М. Звонцов]. М.: Сов. писатель, 1969. Развороты с иллюстрациями



Гейченко С.С. У лукоморья: Записки хранителя Пушкинского Заповедника / [вступ. ст. М. Дудина]; [ил.: В. Звонцов, А. Соколов]. Л.: Лениздат, 1971. Обложка и разворот с иллюстрацией



Ради этого и живет хранитель пушкинского лукоморья, редкостный человек — Семен Степанович Гейченко.

М. Дудин

P. S. Я ничего не сказал о книге. Вы прочтете ее и лишний раз убедитесь в том, что одаренность, талантливость никогда не бывают односторонними. «Записки хранителя» — рождение нового писателя, доброго, наделенного редким умением видеть не только факты, но и значимость работу тем, где кончается документ, умеющего домыслить, вообразить, — писателя, знающего и показывающего великое чудо жизни.

М. Д.

ТАИНСТВЕННЫЕ ПИСЬМЕНА

Когда люди уходят, после них остаются вещи. Вещи безмолвно свидетельствуют о самой древней истине — о том, что они долговечнее людей. Неодушевленных предметов нет. Есть неодушевленные люди. Без вещей Пушкина, без природы пушкинских мест трудно понять до конца его жизнь и творчество. Это хорошо знали еще современники поэта, и лучше всех Александр Иванович Тургенев, писавший о доме Пушкина, о сотнях, сирени, гульбище и многом другом в Михайловском.

Сегодня вещи Пушкина — в заповедниках и музеях. Здесь они живут особой, таинственной жизнью, а хранители читают скрытые в них письмена. Передо мной в Михайловском прошли сотни тысяч людей разных возрастов,

Гейченко С.С. У лукоморья: Рассказывает хранитель Пушкинского Заповедника / [вступ. статья М. Дудина, ил.: В. Звонцов]. 2-е изд., доп. Л.: Лениздат, 1973. Фронтиспис и титульный лист

С. С. ГЕЙЧЕНКО

У Лукоморья

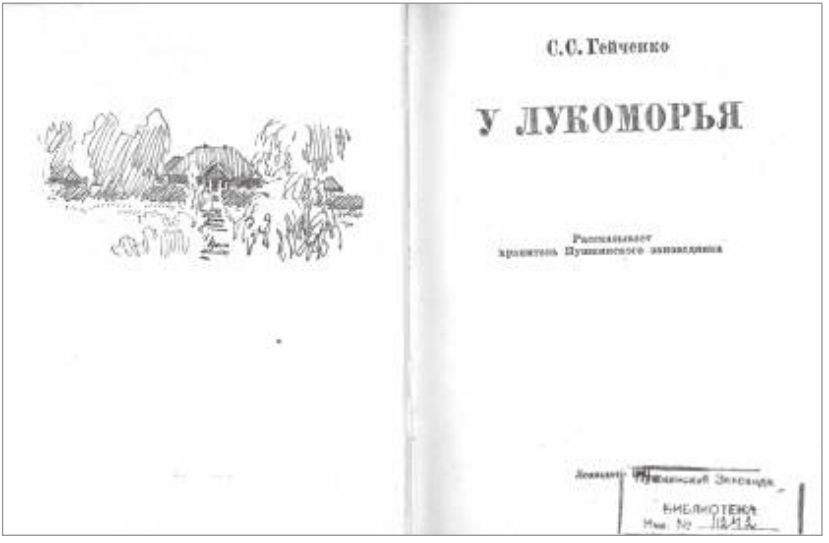
Рассказывает хранитель Пушкинского заповедника

котором стоит Святогорский монастырь. В двадцатых годах нашего столетия озеро было засыпано. На его месте разбили центральную площадь нынешнего поселка. Значит, шар находился на дне озерка, постепенно покрывался илом, а потом был засыпан землей. Но каким образом оказался этот предмет в озере — остается загадкой.

Я перечитал рассказ псковского летописца о походе на Воронич литовского короля Витовта в 1426 году. В нем повествуется, что пятьсот тридцать пять лет назад, «в лето пять тысяч девятьсот тридцать четвертое», Витовт вторгся на псковскую землю, осадил Воронич в

262

Гейченко С.С.
У Лукоморья:
Рассказывает хранитель
Пушкинского Заповедника
/ С.С. Гейченко; [вступ.
ст. М. Дудина,
худ. О.И. Маслаков
и В.М. Звонцов]. 3-е изд.,
доп. Л.: Лениздат, 1977.
Фронтиспис
и титульный лист;
иллюстрация в тексте



С.С. Гейченко

У ЛУКОМОРЬЯ

Рассказывает
хранитель Пушкинского заповедника

Пушкинский Заповедник
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 10413

Стал я наносить положение камней на бумагу. Камни ложились в ряды, ряды образовывали прямоугольник.

Позвал людей. Мы сняли мох, удалили кусты и стали углубляться в землю. И скоро обнаружили хорошо сохранившийся фундамент небольшого строения. Продолжая копать дальше, нашли куски старых бревен, доски, оконное стекло, кованые гвозди, медные старинные монеты и... разбитую гончарную лампаду... Позвали геодезиста. Он сделал инструментальную съемку места, привязал его к ганнибаловскому межевому плану, и тогда все мы увидели, что Еловая аллея, медленно поднимаясь к югу, доходила прямо до этого места и здесь был ее конец и начало, и въезд в усадьбу, и площадка, на которой стояла часовня. И эту часовню, несомненно, было видно из окна пушкинского кабинета.

И тут я вспомнил про одно интересное явление. Приглядываясь к жизни обитателей окрестных деревень, я заметил, что большинство их в дни своего престольного праздника устраивают гуляние, или, как говорят на Псковщине,— «ярмарку». Собираются не просто где-нибудь, а всегда в одних и тех же местах. Этими мес-

Гейченко С.С. У Лукоморья: Рассказывает хранитель Пушкинского заповедника / С.С. Гейченко; [вступ. статья М. Дудина, рис. В.М. Звонцова]. 4-е изд., доп. Л.: Лениздат, 1981. Фронтиспис и титульный лист; иллюстрация в тексте

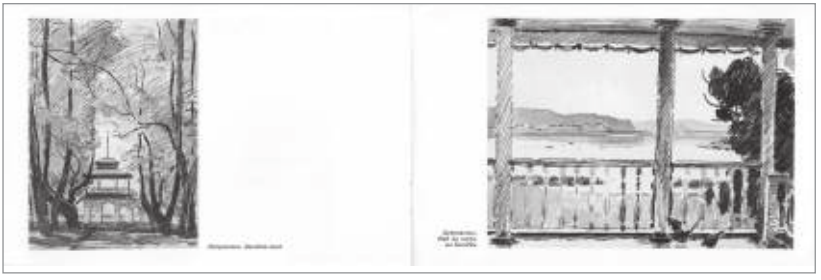
С.С. Гейченко

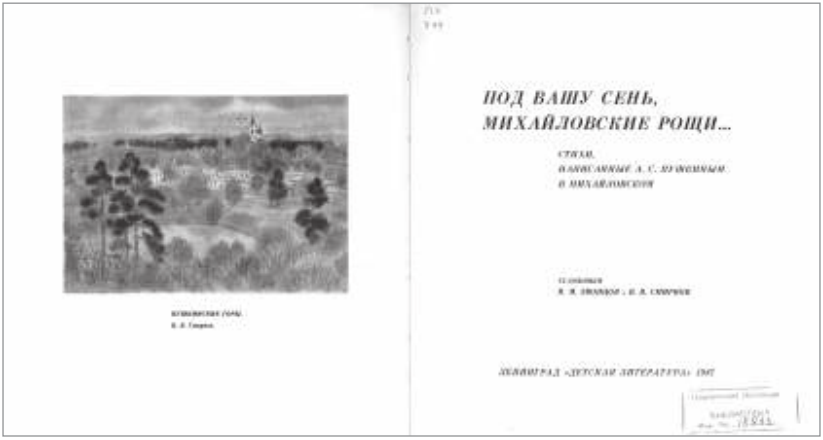
У ЛУКОМОРЬЯ

ДНЕВНИКИ

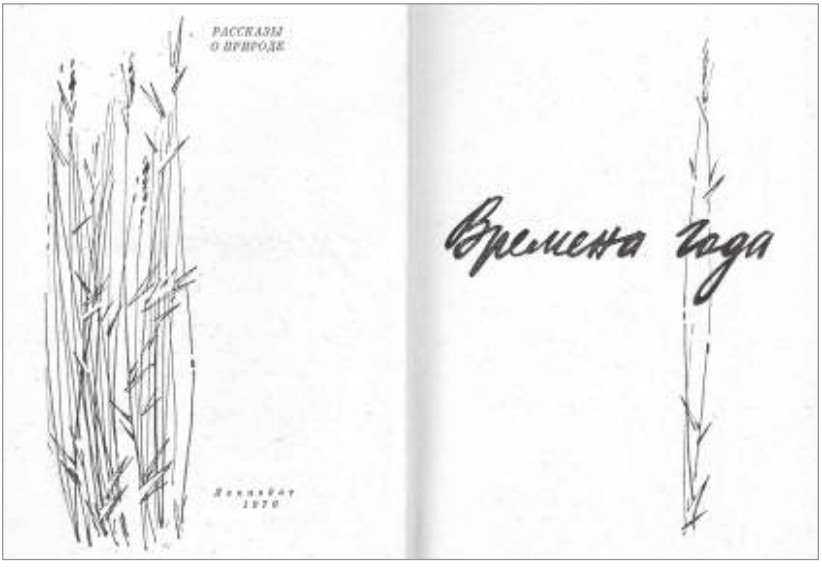
Гейченко С.С. У Лукоморья: Рассказы хранителя Пушкинского Заповедника / С.С. Гейченко; [вступ. ст. М. Дудина, рис. В.М. Звонцова]. Л.: Лениздат, 1986. Фронтиспис и титульный лист; форзац; разворот с полностраничной иллюстрацией

Петровское / рис. худ. В.М. Звонцова; авт. вступ. ст. С.С. Гейченко. Л.: Лениздат, 1977.
Обложка и разворот с иллюстрациями

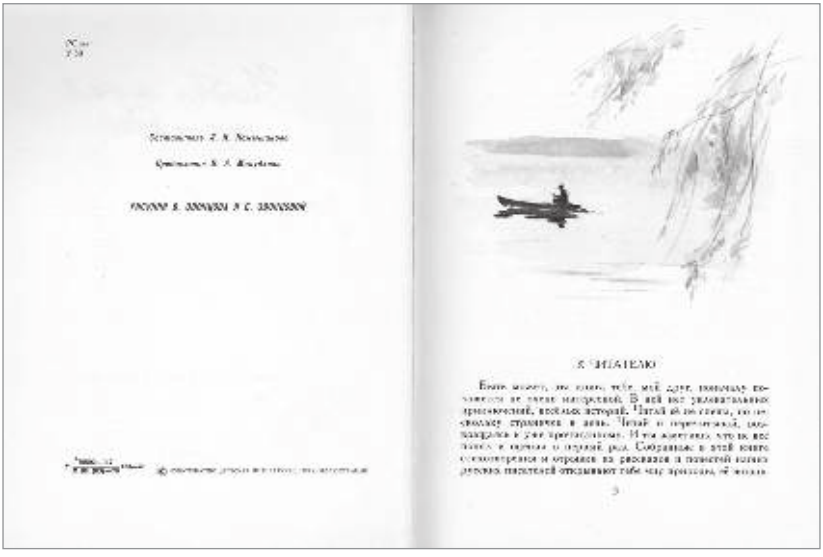




Пушкин А.С. Под вашу сень, Михайловские рощи: Стихи, написанные А.С. Пушкиным в Михайловском: [Для сред. и ст. шк. возраста / сост. и примеч. С.С. Гейченко; послесл. В.М. Звонцова]; худ. В.М. Звонцов, В.В. Смирнов. Л.: Дет. лит. Ленингр. отд-ние, 1987. Фронтиспис с работой В.В. Смирнова и титульный лист; разворот с офортом В.М. Звонцова «Усадьба Пушкина в Михайловском» (1965); начало статьи В.М. Звонцова «Дорогие сердцу места»

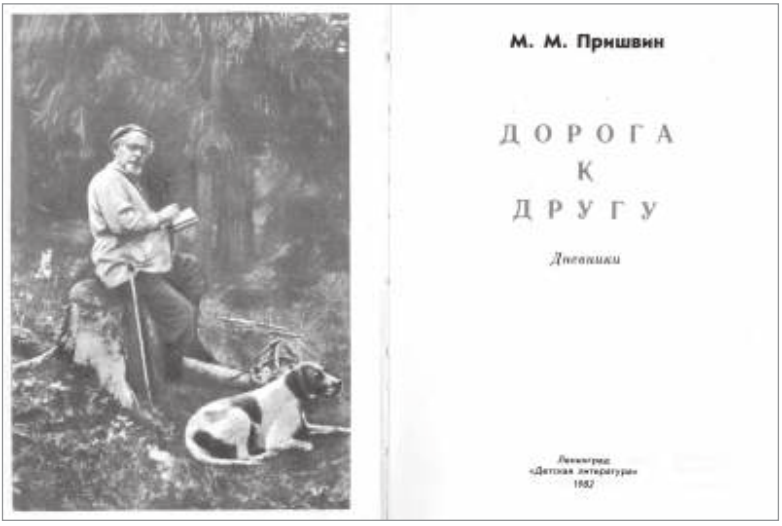


Времена года: Рассказы о природе / [сост. М.М. Смирнов; худ. В.М. Звонцов]. Л.: Лениздат, 1976. Титульный лист и иллюстрация в тексте



Улыбка ясная природы: Русские писатели и поэты о родной природе: [Для мл. возраста] / сост. Л.К. Камышанова; предисл. В.А. Мануйлова; рис. В. Звонцова и Е. Звонцовой. Л.: Дет. лит. Ленингр. отд-ние, 1976. Разворот с иллюстрацией В.М. Звонцова

Пришвин М.М.
Дорога к другу: Дневники:
[Для сред. и ст. возраста] /
М.М. Пришвин; [послесл.
И. Мотяшова;
рис. В. Звонцова]. Л.: Дет. лит.
Ленингр. отд-ние, 1978.
Полностраничные
иллюстрации



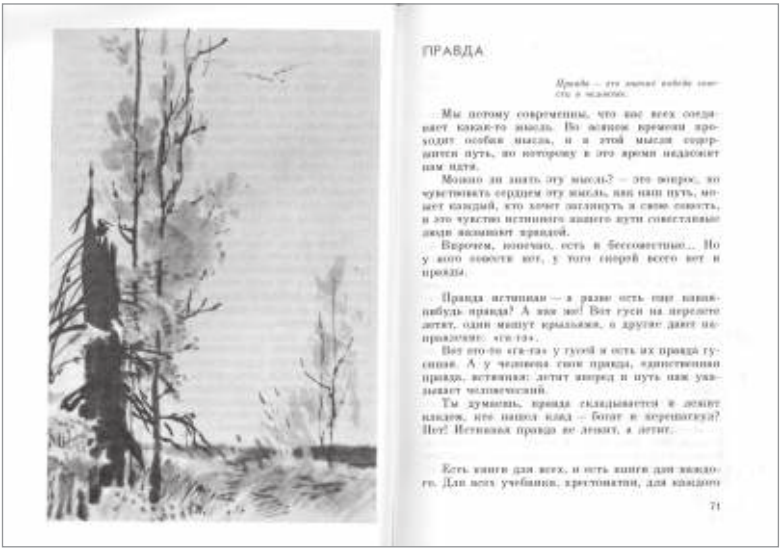
М. М. Пришвин

ДОРОГА
К
ДРУГУ

Дневники

Ленинград
«Детская литература»
1982

Пришвин М.М. Дорога к другу: Дневники: [Для сред. и ст. возраста] / М.М. Пришвин; [послесл. И. Мотяшова; рис. В. Звонцова]. Л.: Дет. лит. Ленингр. отд-ние, 1982. Фронтиспис и титульный лист; разворот с полностраничной иллюстрацией



ПРАВДА

Правда — это высшее видение совести в человеке.

Мы потому современны, что нас всех соединяет какая-то мысль. Во всяком времени проходит особая мысль, и в этой мысли содержится путь, по которому в это время надлежит нам идти.

Можно ли знать эту мысль? — это вопрос, но чувствовать сердцем эту мысль, как наш путь, может каждый, кто хочет заглянуть в свою совесть, и это чувство истинного нашего пути совестливые люди называют правдой.

Впрочем, конечно, есть и бессовестные... Но у кого совести нет, у того скорей всего нет и правды.

Правда истинная — а разве есть еще какая-нибудь правда? А как же! Вот гуси на перелете летят, одни машут крыльями, а другие дают направление: «га-га».

Вот это-то «га-га» у гусей и есть их правда гусиная. А у человека своя правда, единственная правда, истинная: летит вперед и путь нам указывает человеческий.

Ты думаешь, правда складывается и лежит кладом, кто нашел клад — богат и перешагнул? Нет! Истинная правда не лежит, а летит.

Есть книги для всех, и есть книги для каждого. Для всех учебники, хрестоматии, для каждого

71

Василий Бочарников

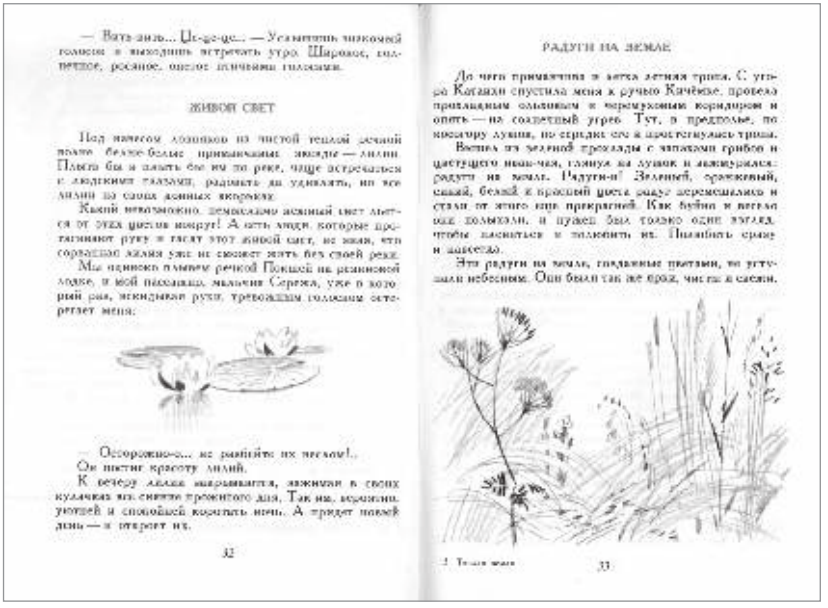
Теплая земля

Рассказы
и лирические миниатюры

Рисунки В. Звонцова

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1981

Бочарников В.А. Теплая земля: Рассказы и лирические миниатюры / рис. В. Звонцова. Л.: Дет. лит., 1981. Титульный лист и разворот с иллюстрациями


— Вить-зиль... Ци-ци-ци... — Услышишь тихонькой голосок и выходишь встретить утро. Широкое, спокойное, росное, щедро залитое лучами солнца.

ЖИВОЙ СВЕТ

Под навесом лопушков из чистой тепловатой речной воды белые-белые приманчивые звезды — лилии. Плыть бы и плыть бы им по реке, чаще встречаться с людскими глазами, радовать их, удивлять, но все лилии за своих длинных якорях.

Какой невозможно немыслимо живой свет льется от этих цветов вокруг! А есть люди, которые протягивают руку и гасят этот живой свет, не зная, что сорванная лилия уже не сможет жить без своей реки.

Мы одиноко плывем речкой Покшей на резиновой лодке, и мой пасынок, мальчик Сережа, уже в который раз, нежданно руки, требовательно голосом остерегает меня:

— Осторожно-о... не рвите их весной!..

Он шепчет красоту лилий.

К вечеру лилии закрываются, зажимая в своих кулачках все синяки прожитого дня. Так им, конечно, уютней и спокойней коротать ночь. А придет новый день — и откроет их.

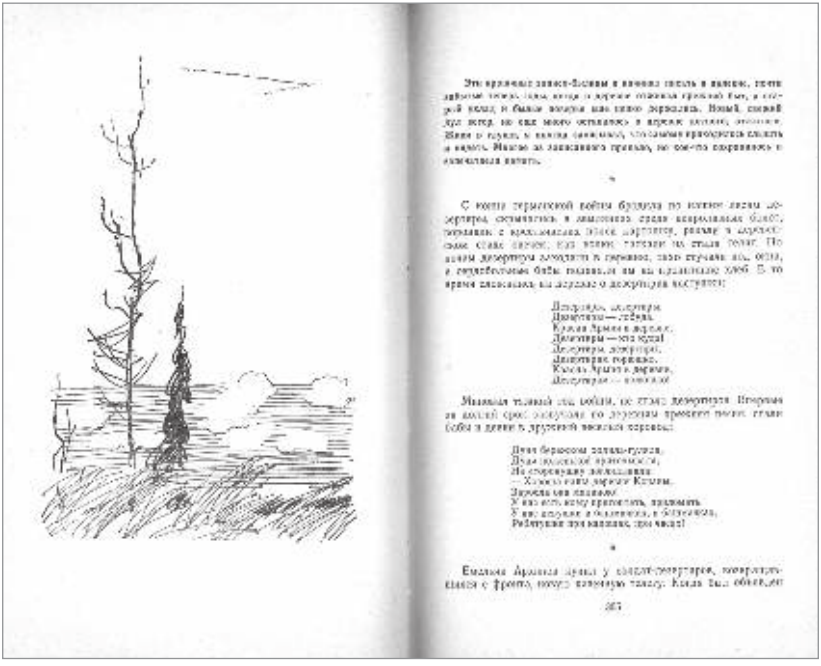
32

РАДУГИ НА ЗЕМЛЕ

До чего приманчива в августе летняя тропа. С утра Катюша спустила меня к ручью Качёвке, провела прилежным ольховым и черемуховым коридором и опять — на сказочный угорье. Тут, в предполье, по косогору лужка, по середке его и простелилась тропа.

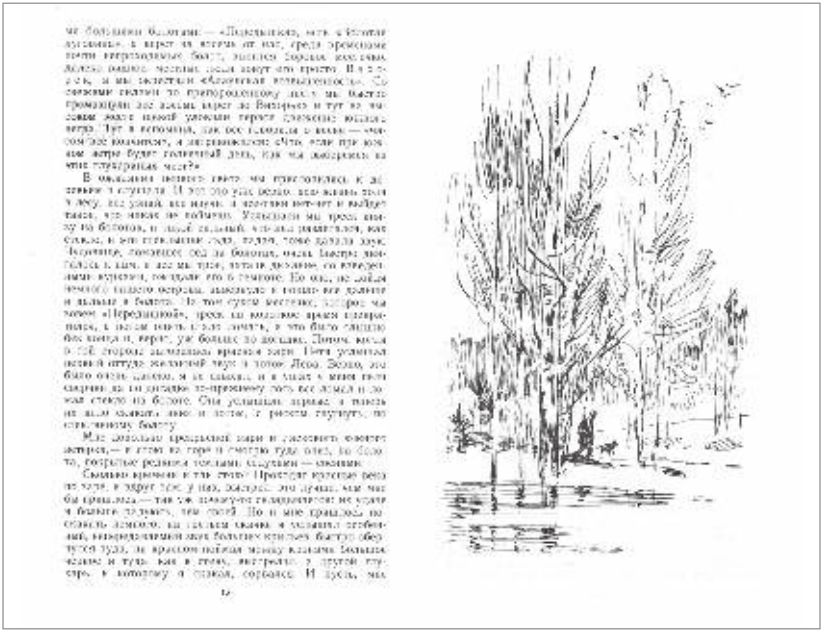
Весной из зеленой прохлады с запахом грибов и цветущего иван-чая, глянув на лужок и зажмурился: радуги на земле. Радуги-и! Зеленей, оранжевый, синий, белей и красней цвета радуг перемешались и стали от этого еще прекрасней. Как бойко и ветрено они полыхали, и нужен был только один взгляд, чтобы налиться и наполниться ими. Пылинки сами и повсюду.

Эти радуги на земле, гнездовые цветами, не утешали небесные. Они были так же ярки, чисты и сильны.

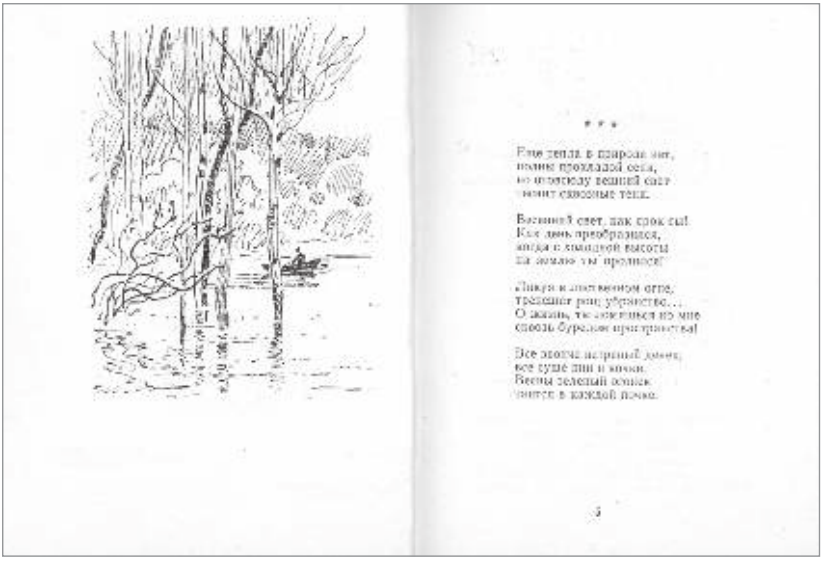


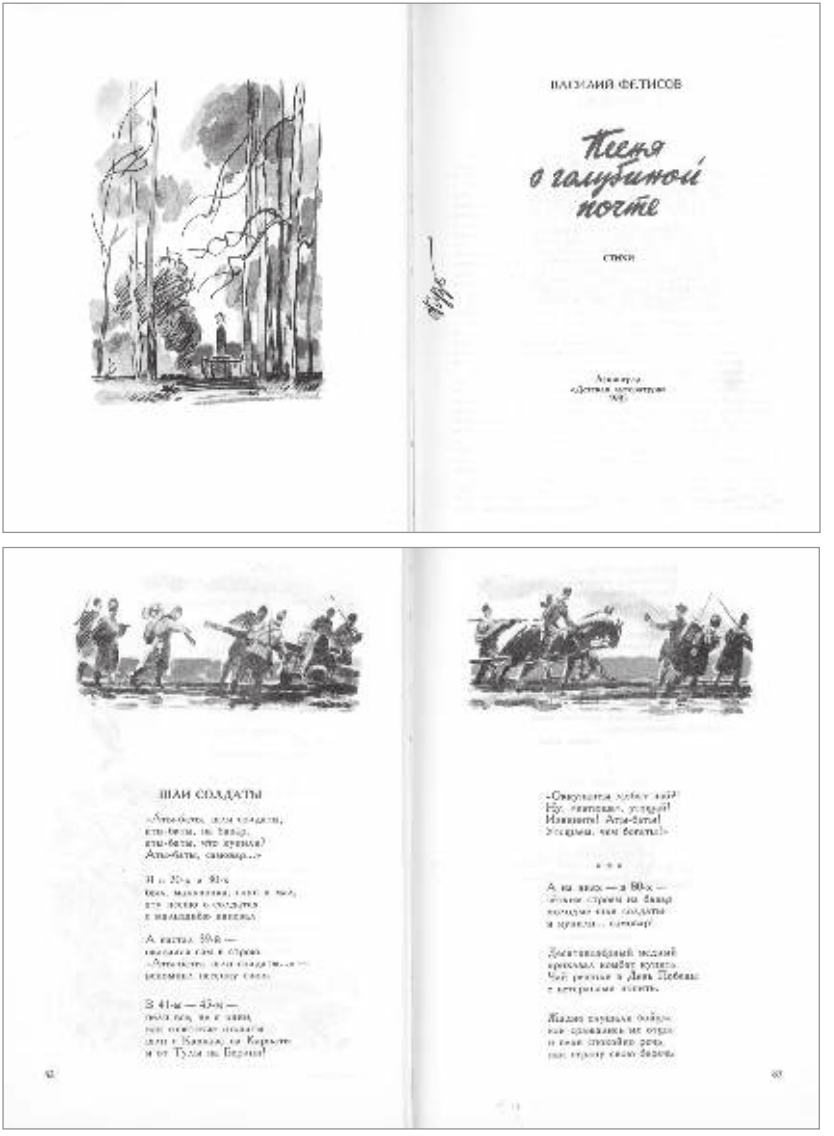
Соколов-Микитов И.С. На теплой земле: Повести и рассказы / И.С. Соколов-Микитов; [худ. В.М. Звонцов]. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1978. Разворот с полностраничной иллюстрацией

Пришвин М.М. Охотничьи были: [Для ст. шк. возраста] / [сост. и послесл. Леонида Асанова; худ. В.М. Звонцов]. Л.: Лениздат, 1983. Обложка и разворот с полностраничной иллюстрацией

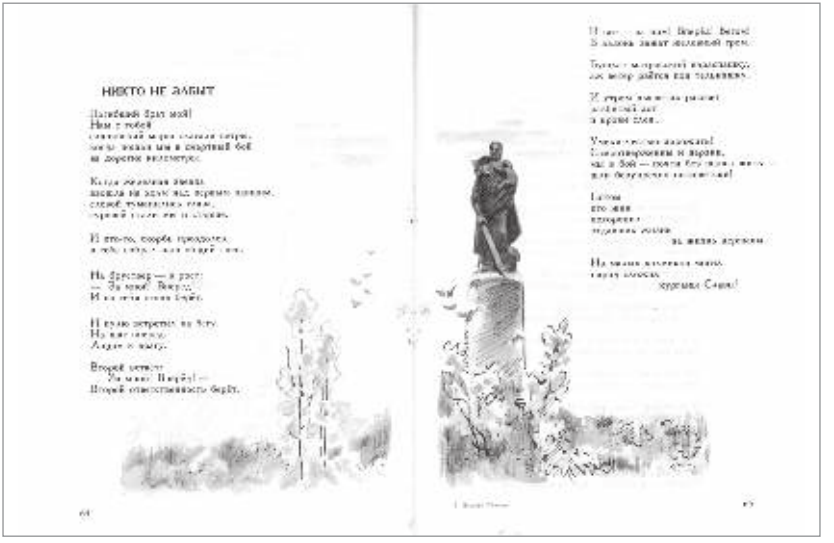


Морозов Г.С. Посветлело: Стихотворения / Геннадий Морозов; [худ. В. Звонцов]. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1987. Обложка и разворот с полностраничной иллюстрацией





Фетисов В.К. Песня о голубиной почте: Стихи: [Для мл. школьного возраста] развороты с иллюстрациями на темы

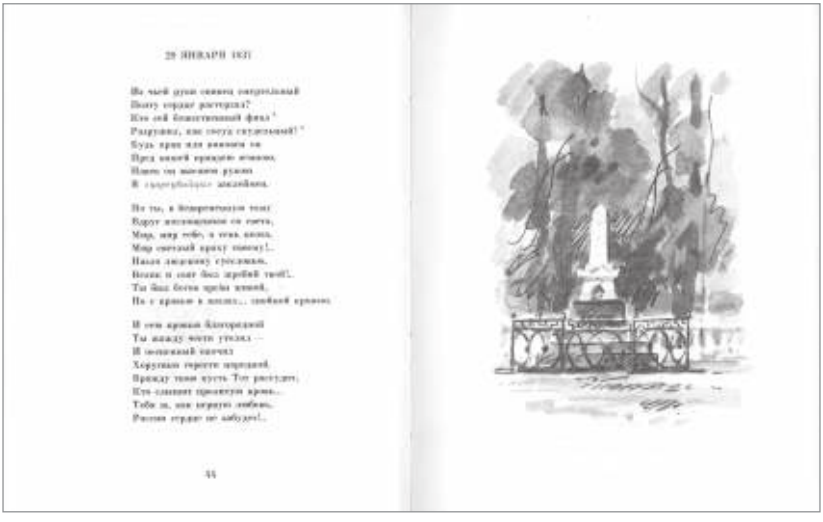


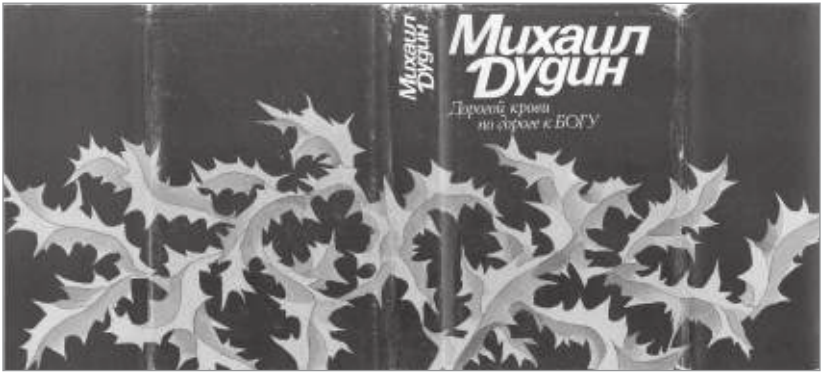
НИКТО НЕ ЗАБЫТ

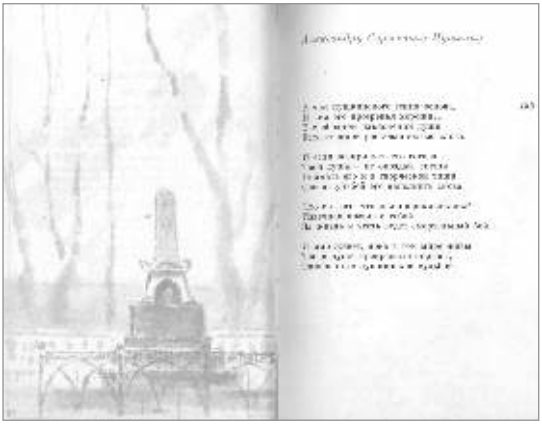
ИВАНЧАЙ

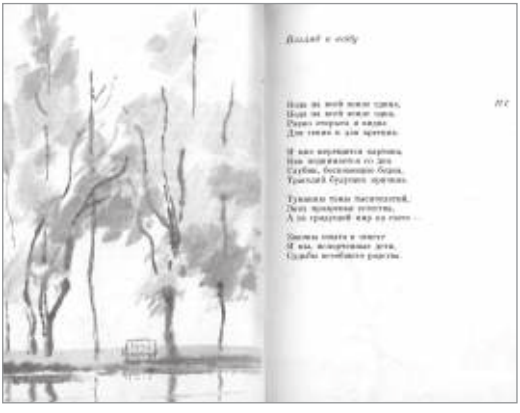
/ рис. В. Звонцова. Л.: Дет. лит., 1985. Фронтиспис и титульный лист; Великой Отечественной войны и памяти

Тютчев Ф.И., Фет А.А. Стихотворения: [Для сред. и ст. шк. возраста] / Ф.И. Тютчев, А.А. Фет; [сост., вступ. ст. и примеч. В. Дитца; рис. В. Звонцова]. Л.: Дет. лит. Ленингр. отд-ние, 1988. Фронтиспис и титульный лист; разворот с полностраничной иллюстрацией









Дудин М.А. Дорогой крови по дороге к Богу: Стихотворения, 1986–1993 / Михаил Дудин; [худ. В.М. Звонцов]. СПб.: Печ. двор, 1995. Суперобложка и развороты с полностраничными иллюстрациями

II. ПОДЧИНЕННЫЕ И СОПУТСТВУЮЩИЕ СЕМЕННЫМ РАСТЕНИЯМ КОМПОНЕНТЫ ПАРКОВЫХ ЭКОСИСТЕМ: БЛАГО ИЛИ ВРЕД

Материалы научно-практической конференции парковой тематики (19—22 апреля 2023 года)

Галина Пиврик

ОБ ИЗУЧЕНИИ БИОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Пушкинский Заповедник — сложная единица в ведомстве Министерства культуры Российской Федерации. Сложная в смысле сложности структуры объекта. Три исторических мемориальных парка усадеб Петровское, Тригорское, Михайловское, к которому вплотную примыкает лес — «Михайловские рощи». Окружающие музей-заповедник объекты — сами по себе история этого места: Святогорский Свято-Успенский монастырь, основанный в 1569 году, в монастыре — некрополь Ганнибалов — Пушкиных**,** где находится могила А.С. Пушкина; поселок Пушкинские Горы, с прежним названием Святые Горы, разросшийся из слободы Тоболенец, которая образовалась вокруг одноименного озера; деревенька Бугрово с водяной мельницей (музей «Водяная мельница»), рядом с ним — музей «Пушкинская деревня»; старые деревни, окружающие музейные усадьбы и поселок Пушкинские Горы и сохранившие свое местоположение и названия с пушкинских времен: Воронич, Косохново, Зимари, Дедовцы, Луговка и другие…

Пушкинский Заповедник имеет солидную территорию — 9 713 гектаров. Сюда входят не только переданные непосредственно в пользование музею-заповеднику 1 077 га, но также места усадеб друзей и родственников поэта, находящиеся в Пушкиногорском и в соседнем

Островском районах. Ежегодно Пушкинский Заповедник принимает сотни тысяч посетителей, которые едут поклониться памяти великого поэта. И если в прежние десятилетия посетителей больше интересовало само место, где жил и творил Александр Сергеевич Пушкин, экспозиции музеев, рассказы о жизни рода Ганнибалов и Пушкиных, то в последние годы люди стали чаще обращать внимание на окружающие ландшафты, на произрастающие в парках и Михайловских рощах деревья и кустарники. Конечно, и экскурсоводы стали чаще слышать вопросы о наличии в парках и на усадьбах растений, неизвестных обычному, не имеющему биологического образования посетителю. Чаще всего мы слышим слово «мох». То есть все те организмы, которым посвящена сегодняшняя конференция, среднестатистический посетитель называет мхом. И требует объяснения, почему не ухаживаем за деревьями в парке, плодовыми деревьями, почему такие замшелые заборы, и т. п. Больше всего это заметно в Михайловском. Хотя в Тригорском и в Петровском таких организмов тоже достаточное количество, Михайловское их наличием выделяется из всех трех парков.

«Мхи, лишайники, водоросли и грибы являются необходимыми элементами леса как биоценоза, т. е. сообщества живых организмов. Стволы и ветви деревьев — не просто части растений, но и удобный субстрат для проживания самых разных живых организмов, среди которых довольно обычны мхи, лишайники, грибы и даже водоросли. Многие не искушенные в ботанике люди нередко путают этих странных обитателей леса, парка, называя всех их либо мхом, либо даже лишаем и считая крайне опасными болезнями или паразитами растений, что далеко не всегда соответствует истинному положению вещей. Попробуем разобраться в этой путанице и вступиться за некоторых незаслуженно обделенных добрым словом лесных жителей»[1].

Лишайники (Lichenes) — обширная группа симбиотических организмов, состоящих из грибов и микроскопических зеленых водорослей или цианобактерий. По современной классификации Лишайники входят в Царство Грибов.

Особо привлекающие внимание посетителей виды лишайников у нас — это: Evernia prunastri (Эверния сли́вовая), Lobaria pulmonaria (Лобария легочная), Hypogymnia phisodes (Гипогимния вздутая), Parmelia sulcate (Пармелия бороздчатая), Xanthoria parietina (Ксантория настен-

[1] *Сорокин А.* Интересные соседи // Живой лес: интернет-журнал [Электронный ресурс: https://givoyles.ru/articles/nauka/interesnye-sosedi/].

ная). Конечно, из них выделяется обилием заселения деревьев в парках, садах, на штакетных заборах Эверния сливовая. В зимнее время, осенью, ранней весной, особенно в сырую погоду, видно, что фруктовый сад в Михайловском «зеленеет». При полном отсутствии листьев сады то ли цветут, то ли покрыты светло-зеленым пухом. Зрелище привлекает взгляд своей необычностью ***(см. фото на третьей странице обложки)***.

Попытки представить как можно шире тему растительности Пушкинского Заповедника предпринимались неоднократно. Материалы исследований известны, частично они опубликованы, частично — находятся в научном архиве Пушкинского Заповедника. Надо сказать, что за последние 25–30 лет ситуация заметно изменилась. То ли это влияние климатических условий, то ли другие аспекты, но лишайники, а речь, конечно, о них, чувствуют себя у нас всё более вольготно. Еще в начале 1990-х годов мы с агрономом предпринимали попытки чистить стволы и веточки яблонь в саду, потом поняли, что это бесполезный труд и трата времени. К тому же кора всегда подвергалась хоть и незначительному, но всё-таки обдиранию.

Вернемся немного назад — в годы, ставшие уже хоть и недалекой, но историей.

В 2003 году между Пушкинским Заповедником и Русским ботаническим обществом был заключен договор по теме «Современное состояние растительного покрова Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское», предполагавший ботаническое исследование территории (флора которой, несмотря на то, что музей-заповедник имел статус в том числе и природно-ландшафтного, была слабо изучена).

«В течение трех летних сезонов (преимущественно в августе) отряд ботаников (флористов, геоботаников, бриологов и лихенологов) из разных научных организаций Санкт-Петербурга занимался тем, что собирал образцы высших растений, мхов и лишайников, делал геоботанические описания, чтобы за зиму привести в порядок весь этот полевой материал, проанализировать его и представить наработанное в виде отчетов. Специальная задача состояла в том, чтобы охарактеризовать растительный мир вдоль экологической тропы, проходящей от сельца Михайловского по берегу озера Кучане до села Петровского и, как говорят музейщики, «нагрузить объекты дополнительными сюжетами»[2].

[2] См.: Михайловская пушкиниана. Вып. 43. Сельцо Михайловское, 2007. С. 5–6.

По итогам трех полевых сезонов работы в Пушкинском Заповеднике был выпущен сборник «Михайловская пушкиниана» № 43, под названием «Природа — наш кабинет». В обиходе мы его называем «ботанический». Научным редактором сборника выступил Борис Константинович Ганнибал, который являлся и руководителем исследовательского отряда биологов в 2003–2005 годах. Музею-заповеднику были переданы гербарии сосудистых растений в количестве 154 листов, а также гербарии мхов и лишайников. В сборнике указаны места обитания и субстрат выявленных 76 видов лишайника и 102 видов мхов.

Кроме исследований 2003–2005 годов, выполненных ботаническим отрядом из Санкт-Петербурга, были и другие попытки представить как можно шире тему растительности Пушкинского Заповедника. До начала работы и выхода обобщенного труда санкт-петербургских ботаников и сотрудников парковой службы (так тогда называлась служба музейных лесов и парков) Пушкинского Заповедника проведены исследования московскими учеными на предполагаемом маршруте экологической тропы, но они оказались не полными и осели в архиве музея в виде сухого отчета.

В 2001 году исследованиями лихенобиоты в парках и прилегающем лесопарке Пушкинского Заповедника заинтересовались ученые Псковского государственного университета. В 2010 году выходит труд Нины Борисовны Истоминой и Ольги Викторовны Лихачевой «Лишайники Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» (Псковская область)» (Псков, 2010). Именно в парке усадьбы Михайловское Ниной Борисовной и Анатолием Владимировичем Истомиными по нашей просьбе в 2021 году проведена трансплантация талломов Лобарии легочной с аварийной липы «Аллеи Керн» и штамбов ранее погибших лип в новое местообитание на территории Михайловского парка.

Надо заметить, что лишайники — совершенно безвредные для древесно-кустарниковой растительности организмы. Они отличаются очень медленным ростом, в частности, в нашей зоне (несколько миллиметров в год), и повышенной чувствительностью к загрязнению окружающей среды. Поэтому наличие большого количества лишайников на деревьях говорит о чистоте воздуха, хорошей экологической обстановке, но никак не о запущенности и отсутствии ухода за деревьями, на которых поселились лишайники.

В прошедшем 2022 году ученые-микологи из Ботанического института Российской академии наук (Санкт-Петербург) провели определенные работы по изучению грибов Пушкинского Заповедника. Надо напомнить, что грибы в лесах и парках — это далеко не то, что видит обыватель, приходя в грибной сезон с корзинкой и ножом, чтобы собрать дары леса. Это съедобные, несъедобные грибы, это и дереворазрушающие грибы, которыми изобилуют леса, в том числе и заповедные, и наши парки. Грибы классифицируются по степени нанесения вреда растительному сообществу, а именно древесно-кустарниковой растительности, и не только. Есть целый ряд грибов, разрушающих не растущие деревья, а лесо- и пиломатериалы. Многие люди сталкивались с ними в быту.

Кому не знаком гриб опенок? А ведь это очень сильный и опасный разрушитель древесины. Гифы опенка проникают в растущие деревья и разрушают их, развиваясь уже не только в лесной подстилке, но и в стволах деревьев. Вспоминается начало ремонтно-восстановительных и реставрационных работ в парке Тригорского в 1996 году. Сколько же там было опенка! Так случилось, что годами в парке Тригорского создавались условия для его развития и роста. Были на то и объективные, и субъективные причины. Сильнейшие ураганы 1987 и 1989 годов внесли свой коварный вклад в развитие гриба. Об этом мною уже было подробно рассказано в предыдущих публикациях, в частности, в статье «О ремонтно-восстановительных и реставрационных работах и реконструкции в Пушкинском Заповеднике (1996–2001)», напечатанной в сборнике «Михайловская пушкиниана» № 77. Опаснейшими разрушителями древесины в лесах и парках являются трутовики: настоящий, окаймленный, ложный, березовый, серно-желтый; а также ложноопенок, сосновая губка, вешенка и другие. Мною только обозначены некоторые виды дереворазрушающих грибов, в основном те, которые у всех «на слуху». Подробнее о грибах-паразитах наши коллеги — ученые-бриологи, участники конференции «Подчиненные и сопутствующие семенным растениям компоненты парковых экосистем: благо или вред», расскажут в своих статьях.

Есть еще один компонент в парковых и лесных биоценозах, о котором следует сказать. Это водоросли. Мы вроде бы все знаем, что водоросли живут в воде. Мы их видим в реках, озерах, прудах. Но есть еще особая группа водорослей. Это наземные или воздушные водоросли, которые окружают нас повсюду. На деревьях часто можем видеть

ржаво-оранжевые или зеленые налеты. Под водосточными трубами, на тротуарах зачастую встречаем зелень. Это и есть водоросли. То есть, экологическую группировку наземных водорослей составляют все те формы, которые обитают вне водоемов на поверхности твердых субстратов и посему в течение всей жизни окружены воздухом. Их жизнь и развитие зависят от условий существования, от условий окружающей среды: влажности и температуры. Увлажняются они, в основном, во время дождей или утренних рос, а в засушливое время высыхают до такого состояния, что их можно растереть в порошок. К таким наземным условиям местообитания приспособились не все водоросли, но, по утверждению специалистов-альгологов, их количество составляет несколько сотен, что немало. Следует заметить, что водоросли совершенно безвредны для деревьев. Напротив, представители рода Trentepohlia (Трентеполия) — род нитчатых зеленых водорослей — образуют ассоциации с гифами грибов и являются широко распространенными фикобионтами некоторых родов лишайников. Например, одноклеточная водоросль Trebouxia (Требуксия) является фикобионтом почти половины всех известных лишайников. Яркий оранжевый цвет нитей Трентеполии, маскирующий зеленый цвет хлорофилла, обусловлен большим количеством каротиноидов в клетках водоросли.

Подводя итог, следует заметить, что биологическая тема у нас изучается, обобщаются проведенные исследования. Подготовлены и проводятся экскурсии: по усадебному огороду в Михайловском, огороду лекарственных растений в Тригорском, «Крестьянскому огороду» в «Пушкинской деревне». До 2019 года были востребованы и проводились экскурсии по экологической тропе. Но теперь она испорчена прокопкой траншеи для укладки кабеля Интернета и четыре года не используется по назначению…

При всём при этом надо признать, что делается недостаточно. На то есть объективные причины: удаленность от больших городов, где сосредоточен научный потенциал, острая нехватка специалистов в службе музейных лесов и парков. Поэтому любое участие наших уважаемых коллег-биологов: геоботаников, бриологов, лихенологов, микологов, альгологов мы всегда принимаем с пониманием и стараемся оказывать помощь, если такая требуется, в их экспедициях. И также мы всегда с благодарностью принимаем любую методическую помощь.

Вера Коткова

РАЗНООБРАЗИЕ АФИЛЛОФОРОИДНЫХ ГРИБОВ В УСАДЕБНЫХ ПАРКАХ И ЛЕСНЫХ ЭКОСИСТЕМАХ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА А.С. ПУШКИНА «МИХАЙЛОВСКОЕ»

Афиллофороидные грибы (непластинчатые базидиальные макромицеты) выполняют в природных экосистемах роль деструкторов мертвого древесного субстрата. Благодаря наличию у них специальных ферментов организмы этой группы осуществляет разложение мертвого органического вещества, в первую очередь — лигноцеллюлозного комплекса древесины. Основная часть представителей афиллофороидных грибов является сапротрофами, т. е. развиваются на сухостойной и валежной древесине разной степени разложения, но некоторые виды (факультативные сапротрофы и факультативные патогены) поселяются на живых деревьях.

Биота афиллофороидных грибов Псковской области изучена очень неравномерно. До последнего времени сведения о грибах данной группы Пушкиногорского района области практически отсутствовали, несмотря на то, что здесь находится Пушкинский Заповедник. Территория музея-заповедника расположена в подзоне хвойно-широколиственных лесов в пределах Великорецко-Соротьского ландшафта, характеризующегося холмисто-грядовым моренным рельефом. Доля лесов в Пушкиногорском районе составляет менее 15% его территории. Зональным типом лесов считаются ельники, которые представлены субнеморальными вариантами, преимущественно ельниками кисличными и ельниками сложными. Основными лесами района считаются сосновые леса с елью. Много и вторичных лесов с преобладанием мелколиственных пород, прежде всего осины и березы[1]. Кроме того, в состав музея-заповедника входят три старинных усадебных парка — Михайловское, Петровское и Тригорское.

Изучение видового разнообразия афиллофороидных грибов Пушкинского Заповедника было проведено автором в августе 2019 года.

[1] См.: Природа — наш кабинет (результаты ботанических исследований 2003–2005 годов) // Михайловская пушкиниана. Вып. 43. Сельцо Михайловское, 2007.

Кроме того, ряд образцов грибов этой группы был собран сотрудниками Ботанического института имени В.Л. Комарова (БИН) РАН О.В. Морозовой и Е.С. Поповым в 2021–2022 годах.

В результате обобщения сведений, полученных во время полевых исследований, а также в результате обработки собранного материала к настоящему времени на территории Пушкинского Заповедника выявлено 205 видов афиллофороидных макромицетов, относящихся к 17 порядкам, 49 семействам и 113 родам. Это составляет около 40% известных в Псковской области видов грибов этой группы. При этом впервые для Псковской области было выявлено 35 видов афиллофороидных грибов[2]: Amylocorticium cebennense (Bourdot) Pouzar, Antrodia piceata Runnel et al., Antrodiella leucoxantha (Bres.) Miettinen et Niemelä, Ceriporiopsis resinascens (Romell) Domański, Chaetoporellus latitans (Bourdot et Galzin) Bondartsev et Singer, Dacrymyces variisporus McNabb, Gloeocystidiellum clavuligerum (Höhn. et Litsch.) Nakasone, G. leucoxanthum (Bres.) Boidin, Helicobasidium purpureum (Tul.) Pat., Hydnellum concrescens (Pers.) Banker, Hyphoderma litschaueri (Burt) J. Erikss. et Å. Strid, H. transiens (Bres.) Parmasto, Hyphodontia alienata (S. Lundell) J. Erikss., H. subalutacea (P. Karst.) J. Erikss., Hypochnicielllum ovoideum (Jülich) Hjortstam et Ryvarden, Hypochnicium cremicolor (Bres.) H. Nilsson et Hallenb., H. wakefieldiae (Bres.) J. Erikss., Leptosporomyces septentrionalis (J. Erikss.) Krieglst., Leucogyrophana mollusca (Fr.) Pouzar, Oligoporus romellii (M. Pieri et B. Rivoire) Niemelä, Onnia tomentosa (Fr.) P. Karst., Perenniporia subacida (Peck) Donk, Phaeoclavulina corrugata (P. Karst.) J.H. Petersen, Phlebia tremelloidea (Bres.) Parmasto, Polyporus tuberaster (Jacq. ex Pers.) Fr., Ramaria apiculata (Fr.) Donk, Rhizochaete sulphurina (P. Karst.) K.H. Larss., R. violascens (Fr.) K.H. Larss., Steccherinum autumnale (Spirin et al.) Miettinen, Tomentella crinalis (Fr.) M.J. Larsen, T. viridula Bourdot et Galzin, Trechispora subsphaerospora (Litsch.) Liberta, Tylospora asterophora (Bonord.) Donk, Xylodon flaviporus (Berk. et M.A. Curtis ex Cooke) Riebesehl et Langer, Yuchengia narymica (Pilát) B.K. Cui et al. Образцы этих и многих других видов, собранные на территории Пушкинского Заповедника, хранятся в Микологическом гербарии БИН РАН (LE).

Основная часть афиллофороидных грибов являются ксилотрофами (дереворазрушающими), т. е. субстратом для них выступают живые,

[2] См.: *Морозова О.В., Попов Е.С., Коткова В.М., Александрова А.В., Светашева Т.Ю.* Грибы Пушкинского Заповедника. СПб., 2022.

усыхающие, сухостойные деревья, либо валежные стволы и ветви, а также пни различных древесно-кустарниковых пород. Субстрат является основным фактором, определяющим присутствие и смену видов данной группы макромицетов в конкретном местообитании[3]. Наибольшее число видов афиллофороидных грибов в Пушкинском Заповеднике также найдено на древесине разных древесных пород, из них 171 вид — сапротрофы на мертвой древесине, а 17 видов паразитируют на живых деревьях. Большинство видов специализированы по группам пород и развиваются либо на хвойных, либо на лиственных породах. На хвойных породах в Пушкинском Заповеднике отмечено 63 вида афиллофороидных грибов, на лиственных породах — 123 вида. Из 186 выявленных видов изучаемой группы, связанных в своем развитии с древесиной, только 11 видов относятся к категории всеядных, т. е. встречены как на лиственных, так и на хвойных породах. Максимальное количество видов приурочено к основным лесообразующим породам. Так, на сосне отмечен 41 вид, на ели 30, на осине — 53, несколько меньшее количество видов зарегистрировано на березе, дубе, ольхе черной и серой — 28, 18, 19 и 9 соответственно. У ряда афиллофороидных грибов наблюдается приуроченность к определенным породам или группам пород. Так, в основном на осине встречаются антродия медовая (Antrodia mellita Niemelä et Pentillä), ложный осиновый трутовик (Phellinus tremulae (Bondartsev) Bondartsev et P.N. Borisov), постия тополевая (Postia populi Miettinen), на дубе — ложный дубовый трутовик (Fomitiporia robusta (P. Karst.) Fiasson et Niemelä), гименохете красно-бурый (Hymenochaete rubiginosa (Dicks.) Lév.), стереум мохнатошерстистый (Stereum gausapatum (Fr.) Fr.), на ели — антродия смолистая (Antrodia piceata), феллинидиум ржаво-бурый (Phellinidium ferrugineofuscum (P. Karst.) Fiasson et Niemelä), на сосне — амилокортициум цебеннский (Amylocorticium cebennense (Bourdot) Pouzar), сосновая губка (Phellinus pini (Brot.) A. Ames), скелетокутис двухкапельный (Skeletocutis biguttulata (Romell) Niemelä). Исключительно на сухостойной и валежной древесине березы развивается березовая губка (Piptoporus betulinus (Bull.) P. Karst.), а на живых стволах — ложный черноватый трутовик (Phellinus nigricans (Fr.) P. Karst.).

Основная часть дереворазрушающих грибов поселяется на уже мертвой древесине. Однако встречаются и патогены, поражающие жи-

[3] *Бондарцева М.А.* Факторы, влияющие на распространение афиллофоровых грибов по типам леса // Проблемы изучения грибов и лишайников. Тарту, 1965. С. 23–28.

вые растения, к которым относится ряд видов, например, корневая губка (Heterobasidion annosum (Fr.) Bref.), отмеченная в сосновых лесах по дороге к деревне Савкино. В старых усадебных парках Пушкинского Заповедника на живых стволах ив и старовозрастных дубов, а также на пнях этих пород в усадьбе Михайловское обычен серно-желтый трутовик (Laetiporus sulphureus (Bull.) Murrill), который вызывает бурую сердцевинную гниль. В парке при усадьбе Петровское на живых стволах клена встречается климакодон северный (Climacodon septentrionalis (Fr.) P. Karst.), а на дубах — дедалея дубовая (Daedalea quercina), также вызывающая бурую сердцевинную гниль. В старинных парках Пушкинского Заповедника на стволах различных лиственных пород нередок также и настоящий трутовик (Fomes fomentarius (L.) Fr.). Поражая живые ослабленные деревья, эти виды продолжают развитие на пнях и валежных стволах. Также в старинных парках при усадьбах Петровское и Михайловское распространен факультативный патоген вуиллеминия съедающая (Vuilleminia comedens (Nees) Maire), которая вызывает некрозы коры ветвей кроны дуба. После их отмирания этот гриб развивается в качестве сапротрофа, вызывающего белую гниль[4].

На сухих ветвях различных лиственных деревьев в усадебных парках Пушкинского Заповедника были отмечены также представители рода Peniophora: пениофора дубовая (P. quercina (Pers.) Cooke), пениофора ограниченная (P. limitata (Chaillet ex Fr.) Cooke) и пениофора пепельная (P. cinerea (Pers.) Cooke).

Отдельную группу составляют грибы, развивающиеся на коре живых деревьев, но не поражающие древесину, к которым относятся виды рода Dendrothele. Так, на коре старовозрастных деревьев дуба, липы и вяза в старых усадебных парках Пушкинского Заповедника были выявлены дендротеле кленовый (Dendrothele acerina (Pers.) P.A. Lemke) и дендротеле чесночный (D. alliacea (Quél.) P.A. Lemke).

На хвойной и лиственной подстилке отмечены рогатиковые грибы — представители рода Phaeoclavulina, при этом на хвойной подстилке на территории Пушкинского Заповедника довольно обычны типичные для бореальной зоны виды Phaeoclavulina abietina (Pers.) Giachini, P. corrugata, P. eumorpha (P. Karst.) Giachini. Последние два вида встречаются в ельниках в усадебном парке Михайловского.

[4] См.: *Фирсов Г.А., Ярмишко В.Т., Змитрович И.В., Бондарцева М.А., Волобуев С.В., Дудка В.А.* Морозобоины и патогенные ксилотрофные грибы в парке-дендрарии Ботанического сада Петра Великого. СПб., 2021.

Плодовое тело ежовика коралловидного (Hericium coralloides), занесенного в Красную книгу Псковской области

В разложении упавших сосновых шишек принимает участие Auriscalpium vulgare Gray, который довольно часто встречается в сосновых лесах музея-заповедника.

Большая часть афиллофороидных грибов была выявлена в лесных экосистемах, поскольку основным субстратом для них служат валежные стволы и ветви различных деревьев. На территории усадебных парков отмечено 27 видов грибов данной группы — это преимущественно виды, развивающиеся на живых стволах или ветвях деревьев.

На территории Пушкинского Заповедника нами были отмечены местонахождения ежовика коралловидного (Hericium coralloides (Scop.) Pers.), занесенного в Красную книгу Псковской области[5]. В августе 2019 года плодовые тела этого вида были выявлены на пне и валежных стволах осины в двух точках (57°03′51.0″ с. ш., 28°56′49.5″ в. д. и 57°03′47.5″

[5] Красная книга Псковской области / А.А. Истомин, В.Ю. Мусатов, Т.Э. Можжина (ред.). Псков, 2014.

с. ш., 28°56′18.9″ в. д.) в смешанных лесах на восточном берегу озера Кучане.

Кроме того, на основании анализа экологии, распространения и состояния популяций редких видов макромицетов на Северо-Западе России в целом и в Псковской области в частности показано, что некоторые выявленные в лесах Пушкинского Заповедника виды грибов могут быть рекомендованы для занесения в следующее издание Красной книги Псковской области — из группы афиллофороидных макромицетов это антродия медовая (Antrodia mellita Niemelä et Pentillä), антродия смолистая (A. piceata) и хетопореллус скрывающийся (Chaetoporellus latitans). Плодовое тело антродии медовой выявлено на крупномерном валежном стволе осины в приручейном смешанном лесу на восточном берегу озера Кучане (57°03′51.8″ с. ш., 28°56′52.5″ в. д.) Также на восточном берегу озера Кучане выявлено единственное местонахождение хетопореллуса скрывающегося (57°04′05.2″ с. ш., 28°57′07.6″ в. д.), плодовое тело которого найдено на сухой части живого ствола вяза в смешанном лесу. Плодовые тела антродии смолистой обнаружены на крупномерных валежных стволах ели в ельнике зеленомошном между усадьбой Михайловское и деревней Бугрово (57°03′15.1″ с. ш., 28°55′07.0″ в. д.)

Афиллофороидные грибы довольно чувствительны к антропогенному воздействию: одни исчезают под его влиянием, другие, наоборот, широко расселяются в освободившихся экологических нишах. Эти качества делают их хорошими индикаторами состояния природных экосистем. О высокой природоохранной значимости данной территории также говорит тот факт, что в обследованных лесных экосистемах Пушкинского Заповедника выявлены местонахождения 18 видов грибов, относящихся к индикаторным и специализированным видам биологически ценных лесов на Северо-Западе России[6]: Amylocorticium subincarnatum (Peck) Pouzar, Antrodia mellita, Aporpium caryae (Schwein.) Teixeira et D.P. Rogers, Craterellus undulatus (Pers.) E. Campo et Papetti, Crustoderma dryinum (Berk. et Curtis) Parmasto, Fomitopsis rosea (Alb. et Schwein.) P. Karst., Hericium coralloides, Perenniporia subacida, Phellinidium ferrugineofuscum, Phellinus pini, Phlebia serialis (Fr.) Donk, Physisporinus vitreus (Pers.) P. Karst., Picipes badius (Pers.) Zmitr. et Kovalenko, Pseudomerulius

[6] Выявление и обследование биологически ценных лесов на Северо-Западе Европейской части России. Т. 2. Пособие по определению видов, используемых при обследовании на уровне выделов / отв. ред. Л. Андерссон, Н.М. Алексеева, Е.С. Кузнецова. СПб., 2009.

aureus (Fr.) Jülich, Pycnoporellus fulgens (Fr.) Donk, Serpula himantioides (Fr.) P. Karst., Tomentella crinalis, Trametes suaveolens (L.) Fr. Значительное число новых и редких для региона видов афиллофороидных грибов, выявленных в Заповеднике, говорит об уникальности этой территории с природоохранной точки зрения.

В целом, наблюдения 2019–2022 годов[7] показали довольно высокое видовое разнообразие афиллофороидных макромицетов Пушкинского Заповедника, которое объясняется нахождением территории на границе биогеографических выделов (когда наряду с бореальными видами присутствуют также и неморальные, ассоциированные с широколиственными породами), а также разнообразием представленных местообитаний. Несомненно, что полученные данные не является исчерпывающими для Пушкинского Заповедника, а биота афиллофороидных грибов этой территории более богата и требует дальнейшего изучения.

[7] Работа выполнена в рамках плановой темы БИН РАН «Биоразнообразие, экология и структурно-функциональные особенности грибов и грибообразных протистов» (№ 122011900033-4).

Ольга Морозова, Евгений Попов,
Алина Александрова, Татьяна Светашева

АГАРИКОИДНЫЕ, БОЛЕТОИДНЫЕ, ГАСТЕРОИДНЫЕ И СУМЧАТЫЕ ГРИБЫ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

В конце 2022 года вышла в свет иллюстрированная монография, посвященная разнообразию грибов-макромицетов Пушкинского Заповедника[1]. В нее вошли результаты исследований, проведенных на территории Заповедника группой микологов в 2018–2020 годах. В настоящей статье мы рассказываем о результатах изучения только нескольких из рассмотренных в этой книге групп грибов — в основном населяющих почву, опад, подстилку, образующих микоризу с высшими растениями (но некоторые из них встречаются и на древесине). Афиллофороидным, преимущественно дереворазрушающим, грибам посвящена отдельная статья в этом сборнике.

Публикации, касающиеся любой стороны литературно-исторических музеев-заповедников, составляют особый жанр. Говоря об истории и поэзии, анализируя творческое наследие, нельзя обойтись без обращения к природе и ландшафтам. И точно так же, говоря о природе и ее составляющих, мы не можем не вспоминать тех, кому она здесь дарила вдохновение. Поэтому прежде чем начать рассказ об объектах нашего исследования, мы обратились к творчеству А.С. Пушкина, и оказалось, что грибы время от времени упоминаются в поэзии Александра Сергеевича. Приведем здесь только некоторые моменты, а подробнее об этом можно прочитать в нашей книге.

Прежде всего, отметим, что во все времена грибы были обычным для русских людей подспорьем, и в Псковской области их собирали и заготавливали испокон веков. А потому и в поэме «Граф Нулин», и в романе «Евгений Онегин» в описании помещичьих обязанностей присутствует и заготовка грибов:

…Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы…

(VI, 46)

[1] *Морозова О.В., Попов Е.С., Коткова В.М., Александрова А.В., Светашева Т.Ю.* Грибы Пушкинского Заповедника. СПб., 2022.

При этом грибы считались «приятной, но не очень здоровой пищей», как следует из неоконченной «Истории села Горюхина». Кроме того, грибы были и остаются существенной поддержкой во время поста:

Я променял парнасски бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни,
Да на сушеные грибы.

В.Л. Давыдову. 1821 (II, 1; 179)

Сохранились воспоминания Акулины Ларионовны Скоропостижной, дочери священника села Воронич Лариона Евдокимовича Раевского, о том, как сам Александр Сергеевич ходил за грибами[2] [3].

Сбор и заготовка грибов никак не выделялись на фоне общей деревенской жизни, это была необходимая ее составляющая. Но есть в стихах Пушкина упоминание о грибе, считавшемся атрибутом жизни роскошной, о модном грибе трюфеле.

…И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет.

(VI, 11)

Настоящие трюфели в Михайловских рощах не росли, нам удалось найти только олений трюфель (Elaphomyces asperulus), несъедобный и к настоящим трюфелям отношения не имеющий. В ресторанах же подавались благородные французские трюфели (Tuber magnatum, T. melanosporum). Но вернемся к современности.

Как известно, грибы (Fungi, или Mycota) представляют отдельное царство органического мира. Как гетеротрофные организмы они играют важнейшую роль в природе, разрушая растительные остатки и возвращая питательные элементы в почву, замыкая тем самым естественный круговорот веществ. Еще одна важная функция грибов в природе связа-

[2] *Щеглов И.Л.* Новое о Пушкине. СПб., 1902. С. 58–62. Цит. по: *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. М., 2017. С. 243.

[3] *Шведер Е.И.* Пушкинские ветераны // Исторический вестник. 1908. Т. CXIV. С. 140–141. Цит. по: *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни. С. 243.

на с их способностью вступать в симбиотические отношения с другими организмами, среди которых особое место занимают микоризный симбиоз и паразитизм. Эти отношения позволяют сокращать пути возврата органических веществ в круговорот и регулируют целый ряд процессов, протекающих в природе. Микоризообразующие грибы обеспечивают растение водой и минеральным питанием, повышают устойчивость растения-хозяина к неблагоприятным условиям среды и болезням, с их участием осуществляется взаимодействие между отдельными растениями в сообществах. В свою очередь от растения гриб получает необходимые органические вещества. С другой стороны, многие грибы очень чувствительны к антропогенному воздействию: одни исчезают под его влиянием, другие, наоборот, широко расселяются в освободившихся экологических нишах, в связи с чем при проведении экологических экспертиз их используют в качестве индикаторов состояния природных экосистем.

Книга охватывает разнообразие макромицетов, которые встречаются как среди сумчатых грибов (Ascomycota), так и среди базидиальных (Basidiomycota). Базидиомицеты можно подразделить на несколько групп, объединяемых по морфотипу. Агарикоидные базидиомицеты (преимущественно порядки Agaricales и Russulales) имеют, как правило, хорошо заметные плодовые тела, состоящие из шляпки с пластинчатым гименофором и ножки, которая может быть редуцирована или иметь боковое расположение. Грибы с трубчатым гименофором иногда относят к отдельной группе болетоидных грибов (преимущественно порядок Boletales). Базидиальные грибы, у которых нет гименофора, споры развиваются внутри плодовых тел и закрыты покровными структурами до момента полного их созревания, объединяют в искусственную группу гастероидных макромицетов. Роль деструкторов мертвого древесного субстрата в лесных экосистемах выполняют в основном афиллофороидные грибы с твердыми или кожистыми плодовыми телами. Также было выявлено небольшое количество гетеробазидиальных (дрожалковых) грибов, отличающихся желеобразной консистенцией.

Согласно молекулярно-генетическим исследованиям последних лет многие группы базидиальных макромицетов, выделенные на основе морфологических признаков, глубоко переплетены между собой. Таксоны, имеющие различный (агарикоидный, болетоидный, гастероидный или афиллофороидный) габитус, часто оказываются в одной филогенетической ветви, относятся к одному семейству, а иногда и роду. В нашей

монографии виды макромицетов расположены по одной из современных систем грибов (Index fungorum, 2022), в которой по возможности учтены последние достижения в области систематики грибов.

Сбор материала и наблюдение за плодоношением грибов проводились маршрутным методом, образцы определялись в Лаборатории систематики и географии грибов Ботанического института имени В.Л. Комарова РАН, в т. ч. с использованием световых микроскопов Zeiss AxioScope.A1 и AxioLab.A1. Идентификация ряда образцов была подтверждена данными секвенирования ДНК на базе Центра коллективного пользования научным оборудованием БИН РАН.

Итогом этой работы стал аннотированный список 615 видов и внутривидовых таксонов макромицетов, который приведен в рассматриваемой монографии. Виды распределены по 33 порядкам, 121 семейству и 306 родам. Это составляет около трети известных к настоящему времени в Псковской области видов грибов этих групп. К агарикоидным грибам относятся 260 видов, афиллофоровым — 194, болетоидным — 29, гастеромицетам — 13, гетеробазидиомицетам — 14, и аскомицетам — 105. В последующем анализе мы не учитываем афиллофоровые грибы и гетеробазидиомицеты.

Наибольшее число выявленных видов относятся к семействам Russulaceae (36 видов), Mycenaceae (32) Tricholomataceae (26), Agaricaceae (20), Entolomataceae (19) и Boletaceae (16); к родам Mycena (23), Entoloma (18), Russula (18), Lactarius (17), Cortinarius (13 видов).

Основные черты микобиоты Пушкинского Заповедника обусловлены его расположением в зоне хвойно-широколиственных лесов и наличием в его пределах старых парков с разновозрастными посадками дуба, липы, вяза. Поэтому наряду с типичными представителями бореальной микобиоты присутствуют виды, приуроченные к широколиственным породам, образующие с ними микоризу, заселяющие их древесину, опад и отпад. В садах и парках, где проводится очистка территории от валежа и опада, разнообразие грибов, специализированных к этим субстратам, существенно меньше, чем в природных экосистемах.

Анализ трофической принадлежности рассматриваемой группы видов показал, что наибольшее их число (более 140) относится к микоризообразователям (эктомикоризным грибам). Большую часть их составляют представители семейств Boletaceae, Cortinariaceae, Russulaceae, а также некоторые аскомицеты (виды родов Elaphomyces, Helvella, Humaria, Legaliana, Otidea, Paragalactinia, Tarzetta). Среди них многие име-

ют более или менее широкий круг фитосимбионтов, включая лиственные и хвойные породы. К таким видам относятся Amanita muscaria, Boletus edulis, Cantharellus cibarius, Laccaria laccata, Paxillus involutus. В то же время отмечены узкоспециализированные виды. Только с многочисленной в Михайловских рощах сосной микоризу образуют Chroogomphus rutilus, Suillus granulatus, S. luteus, S. variegatus, Tricholoma portentosum; с березой — Hygrophorus pustulatus, Lactarius torminosus, Leccinum scabrum, L. variicolor, L. versipelle, Tricholoma fulvum, с елью — Gomphidius glutinosus, Hygrophorus korhonenii, Lactarius deterrimus, с осиной — Leccinum albostipitatum, L. aurantiacum, L. duriusculum, с ольхой — Lactarius obscuratus, виды рода Naucoria. На северо-западе России особое внимание уделяется видам, образующим микоризу преимущественно с широколиственными породами: Gyroporus castaneus, Xerocomellus porosporus, в том числе, с дубом — Hygrophorus chrysodon, Lactarius quietus, Tricholoma sulphureum; с липой — Entoloma bryorum, E. griseoluridum, Russula pectinatoides, Suillellus luridus. Бледная поганка (Amanita phalloides) в нашем регионе также является микоризным симбионтом дуба и липы. Несмотря на наличие доступного благодаря микоризе источника питания, эктомикоризные грибы принимают активное участие в разложении подстилки и гумуса.

Помимо микоризообразователей, в Заповеднике отмечены 80 видов сапротрофных грибов, заселяющих поверхность почвы и участвующих в формировании гумуса. Их можно встретить в основном в лиственных лесах, где накопление органического вещества происходит быстрее, а также на лугах и лесных полянах. Гумусовые сапротрофы относятся, главным образом, к семействам Agaricaceae, Bolbitiaceae, Hygrophoraceae и Entolomataceae. Представители последних двух семейств, возможно, могут выступать также в качестве эндофитов травянистых растений. На открытых местах, на лугах и полянах, по берегу Сороти, вдоль дорог можно встретить Coprinus comatus, Hygrocybe ceracea, H. conica, Lacrymaria lacrimabunda, Marasmius oreades, Panaeolina foenisecii, Panaeolus acuminatus, в лесных сообществах — Agaricus semotus, Chlorophyllum olivieri, Cystolepiota adulterina, C. seminuda, Macrolepiota procera, Lepiota castanea, Pholiotina arrhenii. На конском навозе отмечен копротрофный вид Panaeolus semiovatus. Встречен ряд нитрофильных видов, обычно приуроченных к зарослям крапивы и малины, ольшаникам или богатым смешанным лесам, — Entoloma araneosum, Melanophyllum haematospermum, Phaeolepiota aurea, Stropharia caerulea.

На хвойной и лиственной подстилке обитают как минимум 78 видов макромицетов — это представители родов Collybiopsis, Gymnopus, Hemimycena, Marasmius, Mycena, Paragymnopus, Phaeoclavulina. При этом на хвойной подстилке обычны типичные для бореальной зоны виды — Gymnopus androsaceus, Mycena galopus, M. rosella, M. vulgaris, Paragymnopus perforans, Phaeoclavulina abietina, P. eumorpha; на гнию-щих листьях и мелком отпаде дуба, иногда других лиственных пород — Collybiopsis ramealis, Incrucipulum ciliare, Marasmius epiphyllus, M. cohaerens.

В разложении упавших сосновых и еловых шишек принимают участие Auriscalpium vulgare, Baeospora myosura, Mycena strobilicola, Strobilurus esculentus, S. tenacellus, на этом субстрате была отмечена также Mycena metata. На старых кострищах встречаются Pholiota highlandensis, Tephrocybe anthracophila, Conocybe spp. К свежим кострищам приурочены карботрофные виды аскомицетов (Anthracobia macrocystis, Geopyxis carbonaria, G. delectans, Peziza violacea, Pyronema omphalodes, Rhizina undulata). Деятельность этих грибов способствует восстановлению участков леса после пожаров.

В рассматриваемых группах грибов встречаются и ксилотрофы (всего около 90 видов). На валежных и сухостойных стволах развиваются виды родов Ascocoryne, Biscogniauxia, Chlorociboria, Daldinia, Flammulina, Hypholoma, Kuehneromyces, Patinellaria, Pholiota, Pleurotus, Pluteus. На более мелком валеже встречаются представители родов Crepidotus и Mycena. На сухих и валежных ветвях различных лиственных деревьев растут представители родов Dermea, Diatrype, Diatrypella, Encoelia, Hypoxylon, Jackrogersella, Ostropa, Propolis, Sarcoscypha, Urnula. На очень маленьких веточках образуют плодовые тела Capitotricha bicolor, Calycina vulgaris, Gymnopus androsaceus, Mycena amicta, M. rotula. На погребенной древесине развивается Megacollybia platyphylla. Часть видов узкоспециализирована. Так, в основном на осине встречаются Crepidotus applanatus, C. mollis, Hemipholiota albocrenulata, на дубе — Bulgaria inquinans, на жимолости — Trichopezizella barbata.

Бóльшая часть дереворазрушающих грибов поселяется на уже мертвой древесине. Однако встречаются и опасные паразиты, поражающие живые растения, к которым относятся осенние опята (Armillaria spp., в том числе обитающий в Заповеднике опенок таежный Armillaria borealis), из аскомицетов — кречмария опаленная (Kretzschmaria deusta), оба вида вызывают корневые гнили. Осенний опенок — факультатив-

ный некротроф. Он колонизирует камбий живых корней, приводя к гибели их клетки, и использует мертвые ткани как источник питания. После гибели растения гриб существует как сапротроф, вызывающий белую гниль[4]. Однако разные виды опенка варьируют по вирулентности. Armillaria borealis, обитающая в Заповеднике, не столь агрессивна, как Armillaria ostoyae, но также может вызывать первичную колонизацию живых корней.

Интересную трофическую группу представляют виды, развивающиеся на плодовых телах других макромицетов. На мумифицированных плодовых телах сыроежек и млечников (Russula spp., Lactarius spp.) были отмечены агарикоидные грибы Asterophora lycoperdoides и Collybia cirrhata. Поражение плодовых тел болетовых грибов вызывает Hypomyces chrysospermus. На подземных плодовых телах оленьего трюфеля паразитирует Tolypocladium ophioglossoides.

Отдельную группу составляют грибы, развивающиеся на коре живых деревьев, но не поражающие древесину (Phloeomana hiemalis, Lasiobelonium corticale).

Наибольшее разнообразие макромицетов наблюдается во вторую половину вегетационного периода, с августа по октябрь. Однако значительное количество видов можно встретить и в холодные сезоны — весной, в конце осени и во время зимних оттепелей. Весной появляются плодовые тела сморчков (Morchella elata) и строчков (Gyromitra esculenta, G. gigas), некоторых других весенних аскомицетов (Byssonectria terrestris, Dumontinia tuberosa, Pseudoplectania nigrella, Sarcoscypha austriaca, Sarcosoma globosum, Urnula craterium), агарикоидных базидиомицетов (Entoloma vernum, Mycena strobilicola, видов рода Strobilurus); немного позже — Entoloma clypeatum, Gymnopus ocior, Pleurotus pulmonarius, Xeromphalina campanella. Начинают плодоносить поздней осенью и могут встречаться в зимние оттепели, а также ранней весной Encoelia furfuracea, Flammulina velutipes, Sarcomyxa serotina. Ряд наиболее обычных видов при благоприятных условиях способен образовывать плодовые тела в течение всего вегетационного периода. Это Hypholoma capnoides, H. fasciculare, H. sublateritium, Gymnopus androsaceus, G. dryophilus, Paragymnopus perforans, Mycetinis scorodonius, Mycena galericulata, Tubaria furfuracea.

[4] *Baumgartner K., Coetzee M. P., Hoffmeister D.* Secrets of the subterranean pathosystem of Armillaria // Molecular Plant Pathology. 2011. Vol. 12 (6). P. 515–534.

Присутствие в лесах Пушкинского Заповедника значительного числа индикаторных и специализированных видов биологически ценных лесов северо-запада России свидетельствует о высокой природоохранной ценности этой территории. Из рассматриваемых групп это: Entoloma lepidissimum, E. nitidum, Geastrum fimbriatum, Lactifluus volemus, Leucocortinarius bulbiger, Mycena pelianthina, Urnula craterium[5].

Большую ценность представляет наблюдение сотрудниками Заповедника в еловых участках усадьбы Михайловское и в ее окрестных еловых лесах саркосомы шаровидной (Sarcosoma globosum), вида, занесенного в Красную книгу Российской Федерации[6]. Были отмечены также виды, включенные в Красную книгу Псковской области[7]: Amanita phalloides, Gyroporus castaneus, G. cyanescens, Lactifluus volemus, Leucocortinarius bulbiger, Phaeolepiota aurea. Некоторые из выявленных в лесах Заповедника видов грибов рассматриваемых групп могут быть рекомендованы для включения в следующее издание Красной книги Псковской области, это: Bulgaria inquinans, Entoloma lepidissimum, E. nitidum, Trichoderma nybergianum.

Еще со времен А.С. Пушкина эти места славились обилием съедобных грибов. Наиболее известны белый гриб (Boletus edulis), подберезовики и подосиновики (Leccinum spp.), маслята (Suillus spp.), моховики (Hortiboletus bubalinus, Xerocomellus cisalpinus, Xerocomus ferrugineus), сыроежки (Russula spp.), летние, осенние и зимние опята (Kuehneromyces mutabilis, Armillaria spp., Flammulina velutipes), различные виды млечников (Lactarius spp.), традиционно используемых для засолки. Распространены и малоизвестные съедобные грибы: колпак кольчатый (Cortinarius caperatus), гриб-зонтик пестрый (Macrolepiota procera), различные гастеромицеты (Calvatia gigantea, C. utriformis, Bovista aestivalis, Lycoperdon spp.). В то же время встречаются и ядовитые грибы, наиболее опасна из которых бледная поганка (Amanita phalloides) и некоторые другие виды мухоморов (A. muscaria, A. pantherina, A. porphyria), волоконницы (Inocybe spp.), галерина окаймленная (Galerina marginata), свинуш-

[5] Выявление и обследование биологически ценных лесов на Северо-Западе Европейской части России. Т. 2. Пособие по определению видов, используемых при обследовании на уровне выделов / под ред. Л. Андерссона, Н.М. Алексеевой, Е.С. Кузнецовой. СПб., 2009.

[6] Красная книга Российской Федерации (растения и грибы). Москва, 2008.

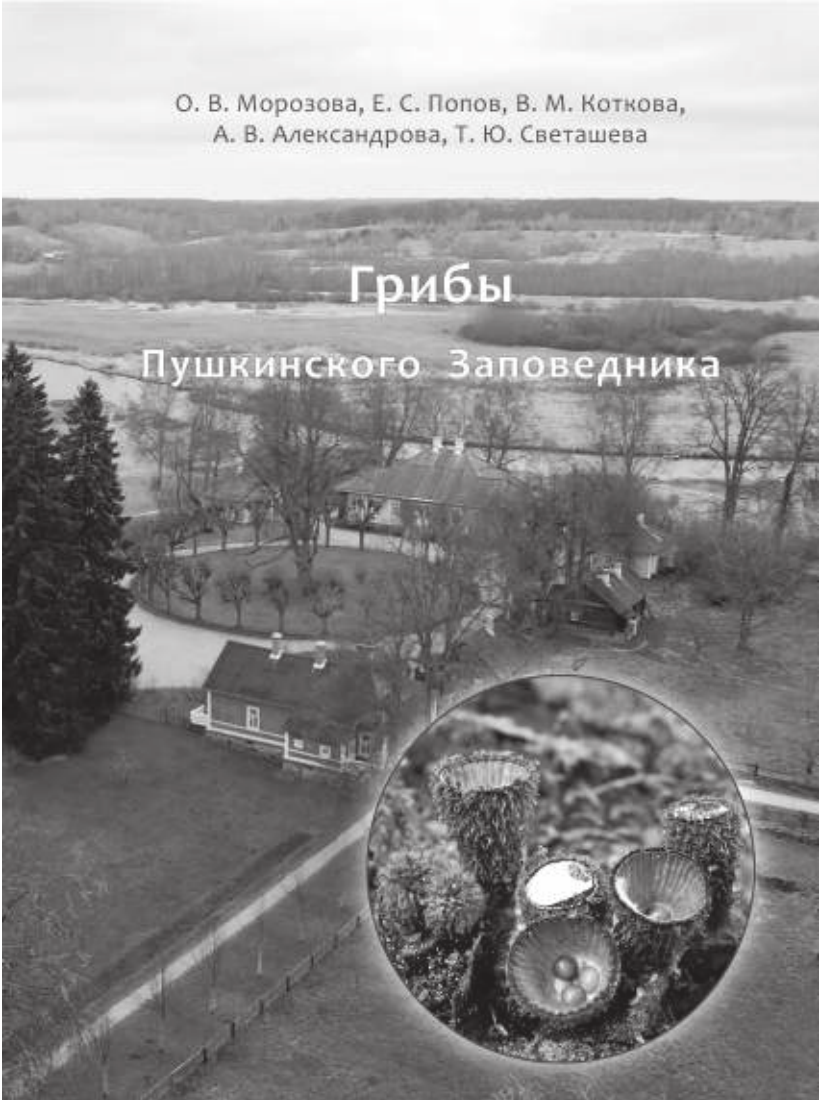
[7] Красная книга Псковской области / А.А. Истомин, В.Ю. Мусатов, Т.Э. Можжина (ред.). Псков, 2014.

ка тонкая (Paxillus involutus). Весной появляются сморчки (Morchella elata), строчки (Gyromitra spp.), саркосцифы (Sarcoscypha austriaca). Однако надо помнить, что если сморчки считаются съедобными, то строчки становятся таковыми только после специальной обработки.

В целом, наблюдения 2018–2022 годов показали высокое видовое разнообразие макромицетов в Пушкинском Заповеднике, которое объясняется нахождением территории на границе биогеографических выделов (наряду с типично бореальными видами присутствует значительное количество неморальных, связанных с широколиственными породами), а также разнообразием представленных местообитаний. Значительное число новых для региона, редких и охраняемых видов грибов, выявленных в Заповеднике, говорит об уникальности этой территории не только с культурно-исторической, но и с природоохранной точки зрения.

Представленная книга — лишь этап, но не завершение работы, так как разнообразие грибов в Заповеднике предположительно гораздо выше, ведь основная жизнедеятельность этих организмов, связанная с постоянной работой мицелия по разложению мертвого органического вещества и перераспределению его в растительных сообществах, ведется скрыто от наших глаз. Плодовые тела большинства видов макромицетов появляются только в определенные промежутки времени и при определенных погодных условиях, поэтому для их выявления требуется больше времени, особенно это касается микроскопических грибов, населяющих все горизонты леса и наблюдение которых невозможно без специальной техники.

В заключение хочется сказать о поэтической составляющей в названиях грибов. Форма их плодовых тел часто довольно причудлива, что нашло отражение в их названиях. Земля «слышит» различными ушами и ушками (Otidea spp.) и может «говорить» благодаря земляным языкам, представителям рода Geoglossum (уж не вырванные ли это «грешные языки, и празднословные, и лукавые»?). А на обложке нашей книжки — бокальчик полосатый (Cyathus striatus): «кубок янтарный полон давно!»



Обложка книги «Грибы Пушкинского Заповедника»

Suillellus luridus — дубовик обыкновенный

Gyroporus cyanescens — гиропор синеющий, синяк

Amanita phalloides — бледная поганка

Entoloma lepidissimum — энтолома изящнейшая

Flammulina velutipes — зимний опенок

Geastrum fimbriatum — звездовик бахромчатый, земляная звезда бахромчатая

Dumontinia tuberosa — дюмонтиния клубневая на корневищах ветреницы (Anemonoides nemorosa)

Otidea onotica — отидеа ослиная, ослиное ушко

Geoglossum umbratile — геоглоссум теневой, земляной язык теневой

Алексей Потемкин

О НЕЗАМЕТНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ МОХООБРАЗНЫХ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА — ПЕЧЕНОЧНИКАХ (MARCHANTIOPHYTA) И АНТОЦЕРОТОВЫХ (ANTHOCEROTHOPHYTA)

Печеночники и антоцеротовые — представители эволюционно обособленных отделов мохообразных Marchantiophyta и Anthocerothophyta соответственно. Они были и остаются наиболее загадочными и незаметными представителями мохообразных, что связано с особенностями их биологии и репродуктивной стратегии. Они встречаются часто в небольшом количестве и порой незаметны среди значительно более обильных мхов[1].

Богатство почв Пушкинского Заповедника, обусловливающее обилие травянистого покрова и ряда мхов, сказывается на обилии и встречаемости печеночников.

До настоящего времени сведения о печеночниках Пушкинского Заповедника ограничивались публикациями Н.В. Недоспасовой и А.А. Курки[2], Н.В. Недоспасовой[3]. В известной публикации О.М. Афониной «Флора мохообразных Пушкинского Заповедника» печеночники не упоминались[4]. Антоцеротовые для Заповедника не приводились.

26–30 августа 2019 года автором совместно с В.М. Котковой (БИН РАН) были проведены сборы печеночников в окрестностях деревень Петровское, Савкино, по восточному и южному берегам озера Кучане, и в лесах между усадьбой Михайловское и деревней Бугрово. Кроме того, в список включен ряд образцов, собранных О.М. Афониной во

---

[1] *Потемкин А.Д., Софронова Е.В.* Печеночники и антоцеротовые России. Т. 1. СПб. ; Якутск, 2009. 368 с.

[2] *Недоспасова Н.В., Курка А.А.* 2016. Печеночники с. Михайловское (Пушкиногорский район) и его окрестностей // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2016. № 9. С. 21–25.

[3] *Недоспасова Н.В.* Мохообразные заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» (Псковская область) // Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь, 2019. С. 262–265.

[4] *Афонина О.М.* Флора мохообразных Пушкинского Заповедника // Михайловская пушкиниана. Вып. 43. Сельцо Михайловское, 2007. С. 219–233.

второй половине августа 2004 и 2005 годов. В результате обработки материала выявлены 22 вида печеночников и один вид антоцеротовых, из которых 14 видов печеночников и один вид антоцеротовых, отмеченные в списке звездочкой, приводятся впервые для Заповедника. Большинство находок видов фотодокументированы (их фотографии и фотографии их местообитаний), для всех местонахождений приводятся координаты, коллекционные номера и даты сбора, для некоторых видов — номера в бриологическом гербарии Ботанического института имени В.Л. Комарова РАН. Координаты местонахождений сняты при помощи GPS и приведены в системе WGS 84.

Отдел Marchantiophyta — печеночники

1. ***Aneura** cf. **maxima** (Schiffn.) Steph. — однажды, ~ 500 м к юго-западу от гостевого дома «Михайловское», по берегу заросшей крапивой канавы на участке без деревьев, но вблизи с черной ольхой, осиной и березой, 57.05372° с. ш., 28.91953° в. д., 29 VIII 2019, Потемкин 037. Принимая во внимание, что вид Aneura maxima описан по материалам с островов Ява и Суматра[5], идентичность ему европейских материалов вызывает серьезные сомнения и требует специальных исследований[6]. Первое указание для Псковской области.

2. ***Blepharostoma trichophyllym** (L.) Dumort. — спорадически, к юго-западу от усадьбы Михайловское: при основании черной ольхи в черноольшанике крапивном, 57.05653° с. ш., 28.91459° в. д., с Chiloscyphus profundus, 29 VIII 2019, Потемкин 028; на валежном толстом стволе сосны в смешанном лесу с елью, березой и черной ольхой, 57.05663° с. ш., 28.91489° в. д., с Lophozia guttulata, Lepidozia reptans, Cephalozia curvifolia, 29 VIII 2019, Потемкин, Коткова 031; при основании сильно разложившегося пня и на гнилой древесине в черноольшанике с елью кислично-папоротниковом, 57.05629° с. ш., 28.91451° в. д., с Lepidozia reptans, 29 VIII 2019, Потемкин 032.

---

[5] *Schiffner F.* Expositio Plantarum in itenere suo indica annis 1893/94 succepto collectarum speciminibusque exsiccatis distributarum, adjectis descriptionibus novarum. Series prima Hepaticarum partem continens // Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Wien, 1898. Mathematisch-naturwissenschaftliche Klasse 67. P. 178.

[6] *Bakalin V.A.* The review of Aneuraceae in the Russian Far East // Botanica Pacifica. A journal of plant science and conservation. 2018. № 7 (2). P. 3–21.

3. **Calypogeia integristipula** Steph. — однажды, ~500 м к юго-западу от усадьбы Михайловское, при основании сильно разложившегося гнилого пня на почве и гнилой древесине, 57.05667° с. ш., 28.91467° в. д., 29 VIII 2019, Коткова 030-2.

4. ***Calypogeia suecica** (Arnell et J. Perss.) Müll. Frib. — спорадически, близ юго-восточного и южного берега озера Кучане, где обилен на валеже сосны в хвойно-широколиственном лесу среди Cephalozia curvifolia, 57.06288° с. ш., 28.94307° в. д., 27 VIII 2019, Потемкин, Коткова 009 и на спиле толстой сосны в яме, 57.06232° с. ш., 28.9333° в. д., 27 VIII 2019, Потемкин, Коткова 017; на корнях и пнях в заболоченном березняке сфагновом за домом № 2 в деревне Савкино, 57.06052° с. ш., 28.90276° в. д., с Riccardia palmata, Lepidozia reptans, Cephalozia curvifolia, C. lunulifolia, 28 VIII 2019, Потемкин, Коткова 019; ~ 500 м к юго-западу от сельца Михайловское, на толстом еловом пне в хвойно-широколиственном лесу, с елью, сосной и орешником, 57.05720° с. ш., 28.91371° в. д., с Chiloscyphus profundus, 29 VIII 2019, Потемкин, Коткова 026. К этому виду могут относиться предыдущие указания для Заповедника Calypogeia muelleriana. Calypogeia suecica часто представлена формами с крупными клетками и характерными гомогенными или образованными нескольким сегментами масляными телами. Для корректного определения вида важно изучение свежесобранного материала с масляными телами[7].

5. **Cephalozia bicuspidata** (L.) Dumort. — изредка, близ южного берега озера Кучане, на влажном стволе сосны в хвойно-широколиственном лесу, 57.06230° с. ш., 28.93323° в. д., с Cephalozia curvifolia, C. lunulifolia, 27 VIII 2019, Потемкин, Коткова 015; ~ 600 м к юго-западу от усадьбы Михайловское, на валежной ели в окне в ельнике травяно-сфагновом с рябиной и орешником, 57.05417° с. ш., 28.91830° в. д., с Ptilidium cf. ciliare, Cephalozia curvifolia, C. lunulifolia, Syzygiella autumnalis, 29 VIII 2019, Потемкин, Коткова 036.

6. **Cephalozia curvifolia** (Dicks.) Dumort. (≡ Nowellia curvifolia (Dicks.) Mitt.) — часто встречается и обильно развивается на валеже сосны, ели, на пнях близ юго-восточного и южного берега озера Кучане, к юго-западу от усадьбы Михайловское и в окрестностях деревни Савкино: обильно на валеже сосны в хвойно-широколиственном лесу среди

[7] *Потемкин А.Д.* К флоре печеночных мхов Ленинградской области. Новые и малоизвестные для области таксоны. II // Новости систематики низших растений. 1995. № 30. С. 128–136.

Calypogeia suecica, 57.06288° с. ш., 28.94307° в. д., 27 VIII 2019, Потемкин, Коткова 009; на влажном стволе сосны в хвойно-широколиственном лесу, 57.06224° с. ш., 28.93291° в. д., с Ptilidium pulcherrimum, 27 VIII 2019, Потемкин, Коткова 014; там же 57.06230° с. ш., 28.93323° в. д., с Cephalozia bicuspidata, C. lunulifolia, 27 VIII 2019, Потемкин, Коткова 015; на корнях и пнях в заболоченном березняке сфагновом за домом № 2 в деревне Савкино, 57.06052° с. ш., 28.90276° в. д., 28 VIII 2019, Потемкин, Коткова 019; на сосновом пне в сосняке кисличном у дороги близ шлагбаума в окрестностях деревни Савкино, 57.06083° с. ш., 28.90405° в. д., с Riccardia latifrons, Chiloscyphus profundus, 28 VIII 2019, Потемкин, Коткова 020; на спиле наклоненного толстого пня в хвойно-широколиственном лесу, 57.05719° с. ш., 28.91337° в. д., с Ptilidium pulcherrimum, 29 VIII 2019, Потемкин 027; на валежном толстом стволе сосны в смешанном лесу с елью, березой и черной ольхой, 57.05663° с. ш., 28.91489° в. д., с Blepharostoma trichophyllum, Lepidozia reptans, Lophozia guttulata, 29 VIII 2019, Потемкин, Коткова 031; на валежной ели в окне в ельнике травяно-сфагновом с рябиной и орешником, 57.05417° с. ш., 28.91830° в. д., с Ptilidium cf. ciliare, Cephalozia lunulifolia, C. bicuspidata, Syzygiella autumnalis, 29 VIII 2019, Потемкин, Коткова 036. Несмотря на то, что вид в настоящее время является охраняемым в Псковской области[8], а также в сопредельных Новгородской[9] и Ленинградской[10] областях, в последние десятилетия он стал широко распространенным и уже не заслуживает охраны.

7. ***Cephalozia lunulifolia** (Dumort.) Dumort. — изредка, на корнях и пнях в заболоченном березняке сфагновом за домом № 2 в деревне Савкино, 57.06052° с. ш., 28.90276° в. д., 28 VIII 2019, Потемкин, Коткова 019; на южном берегу озера Кучане, на влажном стволе сосны в хвойно-широколиственном лесу, 57.06230° с. ш., 28.93323° в. д., с Cephalozia curvifolia, Cephalozia bicuspidata, 27 VIII 2019, Потемкин, Коткова 015; ~ 600 м к юго-юго-западу от усадьбы Михайловское, на валежной ели в окне в ельнике травяно-сфагновом с рябиной и орешником, 57.05417° с. ш., 28.91830° в. д., с Ptilidium cf. ciliare, Cephalozia curvifolia, C. bicuspidata, Syzygiella autumnalis, 29 VIII 2019, Потемкин, Коткова 036.

[8] Красная книга Псковской области. Псков, 2014. 544 с.

[9] Красная книга Новгородской области. СПб., 2015. 480 с.

[10] Красная книга Ленинградской области. Объекты растительного мира. СПб., 2018. 848 с.

8. ***Cephaloziella rubella*** (Nees) Warnst. — однажды, ~ 400 м к юго-западу от усадьбы Михайловское, в верхней части гнилого полого внутри пня в окне в ельнике чернично-зеленомошном с лиственными породами в нижнем ярусе, 57.05758° с. ш., 28.91429° в. д., 29 VIII 2019, Потемкин 025; усадьба Михайловское, березовая колка у луга недалеко от хозяйственного двора, 23 VIII 2004, Афонина М-6, LE B-0027657.

9. **Chiloscyphus profundus** (Nees) J.J. Engel et R.M. Schust. (= Lophocolea heterophylla (Schrad.) Dumort.) — самый широко распространенный и обильный вид, встречающийся на гнилой древесине, почве и коре живых деревьев: близ юго-восточного берега озера Кучане, на валежной сильно разложившейся ели в хвойно-широколиственном лесу с елью, сосной, березой, орешником и осиной, с необильно развитой кислицей в подстилке, 57.06333° с. ш., 28.94283° в. д., с Ptilidium pulcherrimum, 27 VIII 2019, Потемкин 006; на сосновом пне в сосняке кисличном у дороги близ шлагбаума в окрестностях деревни Савкино, 57.06083° с. ш., 28.90405° в. д., с Cephalozia curvifolia, Riccardia latifrons, 28 VIII 2019, Потемкин, Коткова 020; ~ 500 м к юго-западу от усадьбы Михайловское, на толстом еловом пне в хвойно-широколиственном лесу, с елью, сосной и орешником, 57.05720° с. ш., 28.91371° в. д., с Calypogeia suecica, 29 VIII 2019, Потемкин, Коткова 026; склон к озеру Кучане, сосново-березовый с кленом лес, 24 VIII 2004, Афонина М-12, LE B-0027655.

10. ***Conocephalum salebrosum*** Szweyk. et al. — редко: на супесчаной почве по левому берегу ручья, вытекающему из болота, ~ в 30 м выше по течению от экологической тропы, в разнотравном широколиственном лесу у юго-западного берега озера Кучане, среди Plagiomnium sp., 57.06434° с. ш., 28.94720° в. д., 27 VIII 2019, Потемкин, Коткова 004.

11. ***Lepidozia reptans*** (L.) Dumort. — изредка: на перегибе склона к южному берегу озера Кучане, в хвойно-широколиственном лесу, 57.06232° с. ш., 28.93312° в. д., 27 VIII 2019, Коткова 016; на корнях и пнях в заболоченном березняке сфагновом за домом № 2 в деревне Савкино, 57.06052° с. ш., 28.90276° в. д., 28 VIII 2019, Потемкин, Коткова 019; ~ 500 м к юго-западу от усадьбы Михайловское, на валежном толстом стволе сосны в смешанном лесу с елью, березой и черной ольхой, 57.05663° с. ш., 28.91489° в. д., с Blepharostoma trichophyllum, Cephalozia curvifolia, Lophozia guttulata, 29 VIII 2019, Потемкин, Коткова

031; на гнилой древесине в хвойно-широколиственном лесу, Потемкин, Коткова 033.

12. ***Lophozia guttulata** (Lindb. et Arnell) A. Evans — ~ 500 м к юго-западу от сельца Михайловское, на валежном толстом стволе сосны в смешанном лесу с елью, березой и черной ольхой, 57.05663° с. ш., 28.91489° в. д., с Blepharostoma trichophyllum, Lepidozia reptans, Cephalozia curvifolia, 29 VIII 2019, Потемкин, Коткова 031.

13. ***Marchantia latifolia** Gray (= M. polymorpha auct. non L.) — на почве у старого кострища справа от тропы под склоном северо-западной экспозиции к озеру Кучане, 57.06229° с. ш., 28.93591° в. д., 27 VIII 2019, Потемкин, Коткова 013-2; усадьба Михайловское, берег водоема, заросший камышом, обильно, 23 VIII 2004, Афонина М-7, LE B-0027649. К этому виду может относиться указание Marchantia polymorpha (Недоспасова, 2019). Разъяснение вопроса приводилось мною ранее[11]. Необходимо исследование гербарных образцов, на которых основано это сообщение.

14. ***Pellia endiviifolia** (Dicks.) Dumort. — на сырой обочине тропы под склоном северо-западной экспозиции к озеру Кучане, 57.06356° с. ш., 28.93591° в. д., 27 VIII 2019, Потемкин, Коткова 013-2; обильно по обочине лесной дороги в хвойном лесу (ель + сосна), по краю усадебного парка в усадьбе Михайловское и на дорожках вдоль Черного пруда, 57.005807° с. ш., 28.91555° в. д., 28 VIII 2019, Потемкин, Коткова 022; по обочине лесной аллеи в южной части Черного пруда в усадьбе Михайловское, 57.005858° с. ш., 28.91638° в. д., 28 VIII 2019, Потемкин, Коткова 023.

15. **Plagiochila asplenioides** (L. emend. Taylor) Dumort. — пятнами на разнотравно-моховом склоне северной экспозиции у юго-западного берега озера Кучане, 57.06366° с. ш., 28.94018° в. д., 27 VIII 2019, Потемкин, Коткова 011; на почве пятнами, Потемкин, Коткова 029; усадьба Михайловское, смешанный лес под склоном, у озера, 23 VIII 2004, Афонина М-9, LE B-0027634; крутой склон к озеру Кучане, смешанный разнотравный лес (сосна, осина, береза, орешник), 24 VIII 2004, Афонина М-14, LE B-0027650; парк в усадьбе Михайловское, еловая въездная аллея, в основании ствола дерева, 15 VIII 2005, Афонина П-1505, LE B-0027650; у деревни Бугрово, обочина лесной дороги, 18 VIII 2005, Афонина П-1805, LE B-0027651.

---

[11] *Потемкин А.Д.* О понимании Marchantia polymorpha (Marchantiophyta) // Ботанический журнал. 2008. Т. 93. № 12. С. 1946–1949.

16. **Plagiochila porelloides** (Torr. ex Nees) Lindenb. — усадьба Михайловское, смешанный лес под склоном, у озера, 23 VIII 2004, Афонина М-9, LE B-0027633.

17. ***Ptilidium** cf. **ciliare** (L.) Hampe — ~ 600 м к юго-западу от усадьбы Михайловское, обширным сплошным покрытием на валежной ели в окне в ельнике травяно-сфагновом с рябиной и орешником, 57.05417° с. ш., 28.91830° в. д., с Cephalozia curvifolia, C. lunulifolia, C. bicuspidata, Syzygiella autumnalis, 29 VIII 2019, Потемкин, Коткова 036.

18. **Ptilidium pulcherrimum** (Weber) Vain. — спорадически на южном берегу озера Кучане: на валежной сильно разложившейся ели в хвойно-широколиственном лесу с елью, сосной, березой, орешником и осиной, с необильно развитой кислицей в подстилке, 57.06333° с. ш., 28.94283° в. д., с Chiloscyphus profundus, 27 VIII 2019, Потемкин 006, и на влажном стволе сосны в хвойно-широколиственном лесу, 57.06224° с. ш., 28.93291° в. д., с Cephalozia curvifolia, 27 VIII 2019, Потемкин, Коткова 014; ~ 500 м к юго-западу от усадьбы Михайловское, на спиле наклоненного толстого пня в хвойно-широколиственном лесу, 57.05719° с. ш., 28.91337° в. д., с Cephalozia curvifolia, 29 VIII 2019, Потемкин 027; усадьба Михайловское, березовая колка у луга недалеко от хоздвора, 23 VIII 2004, Афонина М-6, LE B-0027656.

19. **Radula complanata** (L.) Dumort. — часто на коре живых осин и некоторых других лиственных пород; сельцо Петровское, на стволе липы, 27 VIII 2004, Афонина, LE B-0027659; по дороге из усадьбы Михайловское в сельцо Петровское, смешанный лес, в основании ствола дерева, 15 VIII 2005, Афонина П 0305, LE B-0027658.

20. ***Riccardia latifrons** (Lindb.) Lindb. — на корнях и пнях в заболоченном березняке сфагновом за домом № 2 в деревне Савкино, 57.06052° с. ш., 28.90276° в. д., 28 VIII 2019, Потемкин, Коткова 019, на сосновом пне в сосняке кисличном у дороги близ шлагбаума в окрестностях деревни Савкино, 57.06083° с. ш., 28.90405° в. д., с Cephalozia curvifolia, Chiloscyphus profundus, 28 VIII 2019, Потемкин, Коткова 020.

21. ***Riccia bifurca** Hoffm. — усадьба Михайловское, смешанный березово-сосновый лес с орешником, на грунтовой дороге, 22 VIII 2004, Афонина М-2, LE B-0027635. Со зрелыми спорами.

22. ***Syzygiella autumnalis** (DC.) K. Feldberg et al. (≡ Jamesoniella autumnalis (DC.) Steph.) — изредка: близ юго-восточного берега озера Кучане на валеже сосны в хвойно-широколиственном лесу среди Cephalozia curvifolia, с Calypogeia suecica, 57.06288° с. ш., 28.94307° в. д.,

27 VIII 2019, Потемкин, Коткова 009; на толстом ?сосновом пне справа от тропы под склоном северо-западной экспозиции к озеру Кучане, среди Chiloscyphus profundus, с Cephalozia curvifolia, 57.06229° с. ш., 28.93591° в. д., 27 VIII 2019, Потемкин, Коткова 013-1; ~ 600 м к юго-западу от усадьбы Михайловское, на валежной ели в окне в ельнике травяно-сфагновом с рябиной и орешником, 57.05417° с. ш., 28.91830° в. д., с Cephalozia curvifolia, C. lunulifolia, C. bicuspidata, Ptilidium cf. ciliare, 29 VIII 2019, Потемкин, Коткова 036.

Отдел Anthocerotophyta — антоцеротовые

23. ***Anthoceros agrestis** Paton — ~ 180 м к юго-востоку от мини-отеля «Соседи Пушкина» в деревне Савкино, отдельные слоевища, на почве, в колее трактора на лугу, в сыром месте с ситником, 57.06054° с. ш., 28.90464° в. д., 28 VIII 2019, Коткова 018.

Ранее Н.В. Недоспасовой и А.А. Куркой, а также Н.В. Недоспасовой[12] для Заповедника приводились следующие печеночники: **Aneura pinguis** (L.) Dumort., **Blasia pusilla** L., **Chiloscyphus pallescens** (Ehrh. ex Hoffm.) Dumort., Calypogeia integristipula, **C. muelleriana** (Schiffn.) Müll. Frib., **Cephalozia connivens** (Dicks.) Lindb., C. bicuspidata, C. curvifolia, **Lophocolea cuspidata** (Nees) Limpr., L. heterophylla, **Marchantia polymorpha**, **Pellia epiphylla** (L.) Corda, **P. neesiana (**Gottsche) Limpr., Plagiochila asplenioides, P. porelloides (Torr. ex Nees) Lindenb., Ptilidium pulcherrimum, Radula complanata, **Riccardia palmata** (Hedw.) Carruth., **Riccia cavernosa** Hoffm., **Trichocolea tomentella** (Ehrh.) Dumort. В списке полужирным выделены виды, не выявленные в ходе проведенного обследования.

Таким образом, на настоящий момент для Заповедника известно 34 вида печеночников и один вид антоцеротовых, из которых Cephalozia curvifolia, Riccia cavernosa, Riccardia latifrons и R. palmata охраняются в Псковской области[13]. Среди выявленных в Заповеднике печеночников следует отметить три специализированных (Calypogia suecica, Cephalozia curvifolia, Lophozia guttulata) и пять индикаторных видов (Syzygiella autumnalis, Plagiochila asplenioides, Riccardia latifrons, R. palmata,

[12] См. сноски 2 и 3.

[13] См. сноску 8.

Trichocolea tomentella) биологически ценных лесных сообществ[14], что свидетельствует о значительной ценности лесов Заповедника. Для поддержания в Заповеднике многих из указанных видов печеночников, а также других связанных с гниющей древесиной растений и грибов, важно сохранение крупномерного валежа хвойных пород на разных стадиях разложения как важного источника биологического разнообразия.

Благодарю Ольгу Михайловну Афонину за предоставление для изучения образцов печеночников, собранных в 2004 и 2005 годах. Работа выполнена в рамках плановой темы БИН РАН «Флора и систематика водорослей, лишайников и мохообразных России и фитогеографически важных регионов мира» (№ 121021600184-6).

[14] *Конечная Г.Ю., Курбатова Л.Е., Потемкин А.Д., Гимельбрант Д.Е., Кузнецова Е.С., Змитрович И.В., Коткова В.М., Малышева В.Ф., Морозова О.В., Попов Е.С., Яковлев Е.Б., Andersson L., Кияшко П.В., Skujiene R.* Выявление и обследование биологически ценных лесов на Северо-Западе Европейской части России. Т. 2. Пособие по определению видов, используемых при обследовании на уровне выделов / под ред. Л. Андерссона, Н.А. Алексеевой, Е.С. Кузнецовой. СПб., 2009. 258 с.

Нина Истомина

ЭПИФИТНАЯ ЛИХЕНОБИОТА И ОПЫТ РЕИНТРОДУКЦИИ ЛОБАРИИ ЛЕГОЧНОЙ (КРАСНАЯ КНИГА РОССИИ) НА ТЕРРИТОРИИ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Антропогенная деятельность приводит в настоящее время к сокращению биологического разнообразия. Основную роль в его поддержании играют особо охраняемые природные территории, в которых также осуществляется долгосрочный экологический мониторинг с использованием биоиндикаторных видов и проводятся практические мероприятия по восстановлению численности редких видов.

Важное место в сохранении биологического разнообразия Псковской области занимает Государственный мемориальный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский Заповедник). Кроме историко-архитектурных объектов, территория музея-заповедника включает уникальные природные ландшафты. Статус природно-ландшафтного заповедника подразумевает проведение на территории комплексных инвентаризационных исследований различных систематических групп.

В течение целого ряда лет в Заповеднике проводилась инвентаризация лишайников. Маршрутным методом обследованы парки усадеб Тригорское, Михайловское, Петровское, деревни Воронич, фрагменты парков Лысая Гора, Воскресенское, Дериглазово и их окрестности, окрестности деревень Бирюли, Буруны, Бугрово, Селихново, остров в озере Белогули, территория поселка Пушкинские Горы, входящая в состав музея-заповедника. Особое внимание было уделено изучению лесного массива «Михайловские рощи», прилегающего к усадьбе Михайловское. По результатам исследований была опубликована монография «Лишайники Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» (Псковская область)» (Истомина, Лихачева, Псков, 2010).

На территории Пушкинского Заповедника выявлено 157 лишайников из 342 видов известных в настоящее время для Псковской области.

На долю эпифитных лишайников приходится 87,3%. Основное количество эпифитных лишайников произрастает в парках и прилегающих к Заповеднику лесных фитоценозах ***(см. Таблицу 1).***

Таблица 1

Охраняемые, специализированные и индикаторные виды лишайников на территории Пушкинского Заповедника

Парки и лесные комплексы музея-заповедника	Общее число видов лишайников	Красная книга РФ	Красная книга Псковской области	Специализированные виды	Индикаторные виды
Михайловское	100	2	10	4	3
Михайловские рощи	82	1	1	1	2
Тригорское	67	–	3	2	3
Петровское	58	–	2	4	2
Воронич	54	–	2		1
Лысая гора	43	–	1		
Воскресенское	34	–		1	1
пос. Пушкинские Горы	56	–	2		1
д. Бугрово	28	–	–	–	2
д. Воронич		–	–	–	1
д. Селихново	15	–	–	–	–

На территории музея-заповедника обнаружено три вида лишайников, занесенных в Красную книгу РФ (2008): Lobaria pulmonaria (L.) Hoffm., Usnea florida (L.) Weber ex F. H. Wigg. (усадебный парк Михайловское) и Menegazzia terebrata (Hoffm.) A. Massal, обнаруженная в единичных экземплярах в лесном массиве «Михайловские рощи». Кроме того, из числа эпифитов выявлены семь видов лишайников**,** внесенных в Красную книгу Псковской области: Bryoria capillaris (Ach.) Brodo & D. Hawksw. (Михайловское), B. nadvornikiana (Gyeln.) Brodo & D. Hawksw. (Михайловское), B. subcana (Nyl. ex Stizenb.) Brodo & D. Hawksw. (Тригорское, Михайловское), Cetrelia olivetorum (Nyl.) W. L. Culb. & C. F. Culb. (Михайловское), Flavoparmelia caperata (L.) Hale (Петровское), Ramalina baltica Lettau (Тригорское), R. fraxinea (L.) Ach. (Лысая Гора, Тригорское, Михайловское, Петровское, Воронич). В составе лихенобиоты За-

поведника отмечено восемь специализированных видов лишайников, характерных для старовозрастных лесных экосистем и старых парков: Sclerophora pallida (Pers.) Y. J. Jao et Spooner (Тригорское, Михайловское), Ramalina baltica Lettau (Тригорское, Михайловское, Петровское), Chaenotheca chlorella (Ach.) Müll. Arg. (Петровское), C. phaeocephala (Turner) Th. Fr. (Петровское), Lobaria pulmonaria (Михайловское), Cetrelia olivetorum (Михайловское), Menegazzia terebrata (Hoffm.) A. Massal (Михайловские рощи), Melanelixia subargentifera (Nyl.) Essl. (Петровское, Воскресенское). К индикаторным видам относятся: Parmelina tiliacea (Hoffm.) Hale (Тригорское, Михайловское, поселок Пушкинские Горы, деревня Бугрово, деревня Воронич), Chaenotheca brachypoda (Ach.) Tibell (Петровское), Chaenotheca stemonea (Ach.) Müll. Arg. (Михайловские рощи), Bacidia rubella (Hoffm.) A. Massal. (Лысая Гора, Тригорское, Михайловское, Петровское), Melanelixia subargentifera (Nyl.) Essl. (Тригорское, Михайловское, Воскресеннское, Михайловские рощи, деревня Бугрово). Наличие данных групп видов лишайников свидетельствует о биологической ценности парковых фитоценозов.

Особую значимость для сохранения лихенобиоты представляет Михайловский парк, где произрастает лобария легочная. Этот лишайник приурочен к лесной зоне и ранее был широко распространен по территории России. В последние годы в связи с уничтожением коренных лесов и атмосферным загрязнением наблюдается повсеместное сокращение численности вида[1]. В настоящее время на территории Псковской области известно всего 15 местонахождений Lobaria pulmonaria. Почти везде вид характеризуются низкой численностью[2]. Поэтому мероприятия по сохранению и восстановлению обилия вида являются актуальными.

Наблюдения за ценопопуляцией лобарии легочной Михайловского парка проводятся нами с 2001 года. На 20 липах «Аллеи Керн» было обнаружено 330 талломов Lobaria pulmonaria. Это самая многочисленная ценопопуляция вида на территории Псковской области. Для каждого дерева отмечались его основные характеристики (диаметр, высота, возраст, тип коры). Для всех слоевищ Lobaria pulmonaria указывалась

[1] См.: *Истомина Н.Б.* Lobaria pulmonaris (L.) Hoffm. // Красная книга Российской Федерации (растения и грибы). М., 2008. С. 715–716.

[2] См.: *Истомина Н.Б., Лихачева О.В.* Система ООПТ Псковской области и сохранение разнообразия лихенобиоты // Вклад заповедной системы в сохранение биоразнообразия и устойчивое развитие. Материалы Всероссийской научной конференции. Тверь, 2017. С. 199–206.

высота произрастания, экспозиция, размеры талломов в см^2, наличие органов размножения. Отмечались все виды лишайников, произрастающие на липах совместно с Lobaria pulmonaria.

Для восстановления численности вида разработана и апробирована авторская методика трансплантации талломов лобарии легочной[3].

В 2008 году была проведена трансплантация Lobaria pulmonaria в Михайловских рощах Пушкинского Заповедника ***(см. Таблицу 2)***. Талломы были доставлены из Центрально-Лесного государственного природного биосферного заповедника (Тверская область), который является крупнейшим резерватом вида в Европейской части России[4]. Образцы для трансплантации были собраны с ветровальных деревьев.

Таблица 2

Число деревьев и количество трансплантированных на них талломов L. pulmonaria (Михайловские рощи) в 2008 году

Древесная порода	Число деревьев	Число талломов
Осина	11	23
Липа	6	27
Дуб	1	2
Рябина	1	1
Всего	19	53

За трансплантированными слоевищами ведется мониторинг. В целом отмечена высокая приживаемость, хорошая сохранность и ежегодный прирост талломов Lobaria pulmonaria, что свидетельствует об удачном опыте выполненных реинтродукционных мероприятий и увеличении численности вида на территории Пушкинского Заповедника и Псковской области в целом.

---

[3] См.: *Истомина Н.Б.* Использование метода трансплантации для восстановления численности лишайника Lobaria pulmonaria (L.) Hoffm. (Stictaceae) в Европейской части России // Флора лишайников России: состояние и перспективы исследований. Труды международного совещания, посвященного 120-летию со дня рождения В.П. Савича. СПб., 2006. С. 112–116.

[4] См.: *Истомина Н.Б.* Биология Lobaria pulmonaria (L.) Hoffm. и Menegazzia terebrata (Hoffm.) Massal. в южной тайге Европейской части России. Автореф. дисс…. на соискание учен. степ. канд. биол. наук. М. 1996.

По запросу Заповедника в июле 2021 года нами была проведена трансплантация талломов лобарии легочной с аварийной липы «Аллеи Керн» № 706 (52) в новое местообитание на территории Михайловского парка. Перед трансплантацией на дереве были описаны все талломы лобарии и определено их жизненное состояние. На молодые липы Михайловского парка перенесено 95 слоевищ ***(см. Таблицу 3)***.

Таблица 3

Число деревьев и количество трансплантированных талломов L. pulmonaria (Михайловский парк) в 2021 году

№ дерева	Диаметр (см)	Количество талломов
1	25	21
2	23	25
3	26	31
4	28	18
Всего		95

В 2023 году планируется обследование трансплантированных талломов и оценка их приживаемости на новых форофитах.

В целом лихенобиота музея-заповедника приближена по составу к лихенобиоте естественных и слабо нарушенных сообществ. Наличие редких и охраняемых видов позволяет рассматривать территорию музея-заповедника как важный резерват для поддержания биоразнообразия лишайников региона. Положительные итоги трансплантации талломов лобарии легочной позволяют использовать данный метод и в будущем, в том числе, в случае неизбежной утраты и выпадения старых деревьев, на которых произрастает данный вид.

Максим Яковлев

ИЗУЧЕНИЕ СОСТОЯНИЯ ОХРАНЯЕМОГО ВИДА — ЛИШАЙНИКА ЛОБАРИЯ ЛЕГОЧНАЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Сохранение редких видов растений, предотвращение исчезновения их генофонда необходимо для научного изучения, хозяйственного, культурного и медицинского использования. Среди основных путей охраны наиболее эффективным служит территориальная охрана, т. е. охрана редких видов на территории заповедников (особо охраняемых природных территорий). В составе флоры музея-заповедника «Михайловское», изученной ботаниками Псковского государственного университета, выявлены виды, включенные в Красную книгу Псковской области и РФ. Среди них редкий лишайник лобария легочная.

Цель настоящей работы — изучить состояние краснокнижного лишайника лобария легочная в липовой аллее усадьбы Михайловское Пушкинского Заповедника.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- используя литературные источники и интернет-ресурсы, выяснить биологические и экологические особенности, распространение и особенности охраны этого вида лишайников;
- осмотреть все деревья в аллее, посчитать и сфотографировать те из них, на которых растет лишайник;
- провести необходимые измерения стволов деревьев и определить на них экспозицию слоевищ, возраст, особенности размножения Лобарии легочной;
- проверить ее на наличие некротических пятен и других повреждений;
- сделать заключение о состоянии лишайника.

Гипотеза исследования состояла в следующем: меры охраны липовой аллеи способствуют сохранению редкого для Северо-Западного региона лишайника — лобарии легочной.

Лишайник лобария легочная занесен в Красную книгу России и Псковской области, поэтому его изучение и сохранение очень важны для будущих поколений. Увеличение его популяции больше гарантирует такую возможность.

В качестве методов исследования применялись изучение информационных источников и литературы, фотографирование лишайников, наблюдение, описание, измерение, сравнение.

Само исследование было проведено летом — осенью 2022 года, в Пушкинском Заповеднике, на усадьбе Михайловское, в липовой аллее («Аллее Керн»).

Изучение литературы по теме исследования. Общая характеристика лобарии легочной

Лобария легочная (лат. Lobaria pulmonaria) — вид листоватых эпифитных лишайников рода Лобария (Lobaria) семейства Лобариевые (Lobariaceae). Поверхность слоевища лобарии сетчато-ребристая, коричневая, часто с зеленоватым или оливковым оттенками. Диаметр слоевища составляет 5–30 сантиметров. Длина лопастей может достигать 7 сантиметров, а ширина — 1–3 сантиметров. Края лопастей обрубленно-выемчатые. Его выпуклые части обычно голые, а желобки между вздутиями покрыты коротким пушком и ризоидами. Если обратить внимание на нижнюю сторону слоевища, то можно заметить пузырчатую неровную поверхность, напоминающую ткань легкого, вследствие чего этот лишайник и получил свое название. Таллом содержит цефалодии, состоящие из клеток сине-зеленой водоросли Носток (лат. Nostoc) и ограниченные тонкостенными гифами, которые отделяют их от остальной части слоевища. Это позволяет лобарии поглощать атмосферный азот и большее количество питательных веществ. Другим фикобионтом лишайника является зеленая водоросль Dictyochloropsis reticulata. Соредии округлые, бугристые, развивающихся на ребрах верхних краев лопастей или по их краям. Лобария легочная размножается как вегетативно кусочками слоевища, так и половым путем с помощью апотеций. Апотеции диаметром 2–5 мм, развиваются не часто, расположены на ребрах или по краям лопастей, а также имеют красновато-коричневый диск, окруженный более светлым, чем сам диск, краем[1].

Ареал и распространение: встречается в Европе, Азии, в тропической Африке, Северной Америке, Австралии. В России произрастает практически по всей территории во всех растительно-климатических

[1] Лобария // Википедия: свободная энциклопедия: сайт [Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Лобария].

зонах. На территории Псковской области в настоящее время произрастает в Гдовском, Дедовичском, Дновском, Куньинском, Невельском, Островском, Плюсском, Пыталовском, Пустошкинском, Пушкиногорском, Себежском районах[2].

Произрастает лишайник на коре широколиственных пород (дуба, липы, клена, вяза) в лесах, а также в старых парках. Здоровые, нормально растущие деревья никогда не имеют такого интенсивного лишайникового покрытия, как больные. Поэтому степень покрытия стволов и ветвей лишайником является своеобразным индикатором санитарного состояния леса.

Проведение исследования. Материалы и методы исследования. Описание места произрастания лобарии легочной в липовой аллее («Аллее Керн»)

Изучение нами лишайника проводилось в Пушкинском Заповеднике. Здесь находится самая многочисленная популяция редкого лишайника лобарии легочной из Красной книги Псковской области. Она отмечена на стволах лип в парке усадьбы «Михайловское». Липовая аллея заложена в 1780 году дедом А.С. Пушкина Осипом Абрамовичем Ганнибалом. По ней поэт летом 1825 года совершил прогулку с А. Керн, а уже после смерти А.С. Пушкина аллея получила условное название «Аллея Керн». Протяженность аллеи составляет 85 м. Дорожка с покрытием из песчано-гравийной смеси шириной 2,5 м. Рядовая посадка липы мелколистной по обеим сторонам дорожки. Посадка разновозрастная: от деревьев в возрасте более 200 лет до значительно более молодых, посаженных взамен выпавших или порослевых экземпляров.

Всего в липовой аллее 37 деревьев, включая «зеленую беседку»; непосредственно в аллее 30 деревьев, из них три — корневая поросль. Липы обсадки аллеи в возрасте более 200 лет сильно ослаблены, с многочисленными залеченными дуплами. Над дуплами сделаны обширные козырьки. Пострадавшие в годы Великой Отечественной войны деревья липовой аллеи, израненные осколками, многократно подвергались лечению. Также в 2002 году было проведено снижение крон лип со сня-

[2] Лобария легочная // Красная книга Российской Федерации. М., 2008. С. 715–716.

тием примерно одной трети по высоте[3]. В последующие годы — в 2007 и в 2020 — проведены вторичные снижения образовавшихся крон.

В ходе исследовательских работ использовались следующие методы: наблюдение, описание, измерение, сравнение. Маршрутным методом все деревья в «Аллее Керн» просчитывались и осматривались. На каждом дереве глазомерно определялось количество слоевищ лобарии легочной, сторона света, на которой располагалось их больше всего, рулеткой измерялась высота произрастания слоевищ от земли, линейкой — диаметр слоевища и длина лопастей (на каждом стволе по четыре лишайника). Просматривались слоевища на наличие некротических пятен и других повреждений. Измерялись высота и диаметр стволов лип, отмечались меры по их сохранению (специально обработанные места обрезки ветвей, залеченные дупла и трещины и др.) По внешнему виду деревьев, высоте и диаметру стволов определялся приблизительный возраст деревьев. В работе принята следующая градация возрастов деревьев:

- «старые» — высота более 20 м, диаметр ствола до 1,5 м, кора растрескивающаяся, на ней много зеленых мхов, явные следы ремонта;
- «средние» — высота до 20 м, диаметр ствола до 80 см;
- «молодые» — высота менее 20 м, диаметр до 30 см.

Слоевища (талломы) лобарии обычно на стволах располагаются одиночно или небольшими скоплениями. Подсчитать число их в скоплениях, да притом расположенных на большой высоте, довольно трудно, поэтому нами использованы такие показатели обилия как «мало» (слоевищ менее 10, располагаются одиночно или группами по 2–3 слоевища) и «довольно много» (слоевищ одиночных и в скоплениях больше 10).

Результаты исследований

Всего в аллее насчитали 27 деревьев, которые по возрасту распределяются следующим образом: «старые» — 12, «средние» — 8, «молодые» — 5 и еще два порослевых побега высотой менее 2 м. Лишайники обнаружены только на 12 деревьях, причем из них семь «старых», четыре «средних» и одно «молодое». Следовательно, в аллее лишайник пред-

[3] *Бурченкова Н.Н.* Аллеи мемориальной усадьбы «Михайловское» // Псков. 2018. № 48. С. 124–139 [Электронный ресурс: https://cyberleninka.ru/article/n/allei-memorialnoy-usadby-mihaylovskoe].

почитает старые ослабленные деревья, но показатели большого обилия отмечены только на «средних» деревьях ***(см. Таблицу 1)***.

Таблица 1

Обилие и расположение (экспозиция) слоевищ лобарии легочной на стволах лип (в %) в «Аллее Керн» в 2022 году

Показатели	«Старые» деревья	«Средние» деревья	«Молодые» деревья
Обилие:			
«мало»	100	50	100
«довольно много»	0	50	0
Экспозиция:			
северная	29	75	0
южная	29	25	0
восточная	29	0	0
западная	13	0	0

Из таблицы можно увидеть, что слоевища лишайника больше всего располагаются на северной стороне стволов. Кроме того, высота расположения слоевищ на стволах деревьев, по данным Т. Пыстиной и других авторов (2009)[4], зависит от высоты снежного покрова. В изученной нами липовой аллее слоевища лобарии легочной обнаружены в прикомлевой части стволов и на высоте 1 м, и только у двух деревьев они располагаются на высоте 2 м. Это, возможно, свидетельствует о наличии у нас малоснежных зим.

По литературным данным размеры слоевищ лобарии легочной варьируют в пределах 5–30 см. Измерения диаметра слоевищ лишайника лобарии на липовой аллее показали, что диаметр слоевищ здесь варьирует в пределах от 0,5 до 10 см, среднее — 5 см. Длина лопастей, в среднем, составляет тоже 5 см и изменяется от 0,5 до 7 см ***(см. Таблицу 2)***.

[4] См.: *Пыстина Т.Н., Семенова Н.А.* Экологические особенности лишайника Lobaria pulmonaria (Lobariaceae) в Республике Коми // Ботанический журнал. 2009. Т. 94. № 1. С. 48–58.

Таблица 2

Размеры талломов лобарии легочной на стволах липы в «Аллее Керн»

Показатели	Размеры в см	
	минимальные	максимальные
Диаметр таллома	0,5	10
Длина лопастей	0,5	7

Самое маленькое слоевище обнаружено на «среднем» дереве, а самое крупное — на «старом». На территории липовой аллеи лишайник лобария легочная размножается вегетативно, апотеций не было обнаружено, из 50 лишайников 42 молодых (84%) и 8 старых (16%) экземпляров. Находка большого числа маленьких слоевищ, наверное, свидетельствует о наличии процессов размножения лишайника на липах в Заповеднике. Кроме того, небольшие размеры слоевищ на очень старых деревьях, возможно, объясняются тем, что измерения проводились в сухую погоду. В туманные и дождливые дни, по литературным данным[5], лобария расправляет свои лопасти и кажется крупнее. Тщательный осмотр талломов выявил наличие на многих из них некротических пятен, которые на одной старой липе заняли 63% площади лишайника.

При исследовании лобарии легочной было обнаружено большое скопление клопов-солдатиков, которые являются вредителями, так как они питаются семенами лип и их листочками, что вредит деревьям. Лобарией легочной они не питаются, так как там мало клеточного сока, но зато используют ее как место кладки яиц. Скорее всего, эти клопы откладывают яйца на самом лишайнике или около него. Одна яйцекладка содержит от 20 до 30 яиц. Поэтому стоит задуматься о контроле численности этих клопов на территории липовой аллеи.

Основные меры охраны — это: сохранение местообитаний, запрет на сбор вида в лекарственных целях, контроль состояния популяций, поиск новых местонахождений, создание искусственных ценопопуляций вида на особо охраняемых природных территориях с использованием метода

[5] Лобария легочная (Lobaria pulmonaria (L.) Hoffm.) // Красная книга Смоленской области [Электронный ресурс: http://www.redbook67.ru/gribi/lobariya_legochnaya_lobaria_pulmonaria_l_hoffm].

трансплантации[6]. Все рекомендованные мероприятия сохраняют свое значение и в настоящее время. На стволах лип в липовой аллее было обнаружено большое число молодых экземпляров лобарии легочной, что является благоприятным фактором для дальнейшей трансплантации.

Подведем итог.

Из 27 деревьев липовой аллеи государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» лишайник лобария легочная, включенный в Красную книгу России и Красную книгу Псковской области, обнаружен на 12 (44%).

Талломы лобарии легочной встречаются преимущественно на старых стволах с северной стороны, располагаются почти у самой земли и довольно многочисленны на высоте 1 м.

Размеры слоевищ и лопастей сравнительно небольшие (до 10 см), но соответствуют видовым признакам.

Наличие крупных некротических пятен на некоторых слоевищах свидетельствует о необходимости контроля состояния охраняемого лишайника и выполнения других рекомендаций по охране вида.

Гипотеза подтвердилась. Меры охраны, применяемые для сохранения аллеи, способствуют сохранению популяции лишайника. Сохранению лобарии легочной помогают мероприятия по трансплантации лишайника на деревья за пределами аллеи, проводимые сотрудниками кафедры экологии и экспериментальной биологии ПсковГУ.

Следует проводить и дальше мероприятия по сохранению липовой аллеи («Аллеи Керн»), это способствует сохранению не только лип, но и лишайника, занесенного в Красную книгу России и Псковской области, — лобарии легочной.

---

[6] *Истомина Н.Б., Лихачева О.В.* Лишайники усадебных парков государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» (Псковская область) // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Естественные и физико-математические науки. Псков, 2008. С. 10–21.

Литература

Борисова М.А., Маракаев О.А. Редкие виды растений: практика исследований в природе: учебно-методическое пособие. Ярославль, 2015. 64 с.

Дебков Н., Климова Н. Опыт сохранения редкого лишайника — лобарии легочной в рамках добровольной лесной сертификации // Устойчивое лесопользование. 2018. № 2 (54). С. 29–35.

Захаров В.Б. Биология. Многообразие живых организмов. 7 класс: учебник для общеобразовательных учреждений / В.Б. Захаров, Н.И. Сонин. М., 2011. С. 35.

Игнатенко Р.В., Тарасова В.Н. Состояние популяции охраняемого лишайника лобария легочная (Lobaria pulmonaria (L.) Hoffm.) в растительных сообществах Петрозаводского городского округа // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Естественные и технические науки. 2014. Т. 2. № 8 (145). С. 26–30.

Истомина Н.Б., Лихачева О.В. Лишайники усадебных парков государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» (Псковская область) // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Естественные и физико-математические науки. Псков, 2008. С. 10–21.

Лобария легочная // Красная книга Псковской области. Псков, 2014. С. 296.

Лобария легочная // Красная книга Российской Федерации. М., 2008. С. 715–716.

Пыстина Т.Н., Семенова Н.А. Экологические особенности лишайника Lobaria pulmonaria (Lobariaceae) в Республике Коми // Ботанический журнал. 2009. Т. 94. № 1. С. 48–58.

Приложение

Таблица 1

Состояние каждого дерева в «Аллее Керн» (анализ по состоянию на 12 августа 2022 года)

Липы	Возраст	Высота деревьев (в среднем), м	Диаметр ствола (в среднем), см	Наличие лобарии легочной
1-П	старая	23	72	есть
2-П	молодая	21	28	нет
3-П	порослевой побег	1,8	3	нет
4-П	старая	18	58	есть
5-П	порослевой побег	1,5–1,8	2	нет
6-П	средняя	23	62	есть
7-П	старая	24	81	есть
8-П	средняя	20	60	есть
9-П	средняя	20	82	нет
10-П	средняя	19	50	есть
11-П	средняя	20	56	нет
12-П	старая	24	81	нет
13-П	средняя	19	33	нет
1-Л	молодая	14	30	нет
2-Л	молодая	16	30	нет
3-Л	старая	20	68	нет
4-Л	старая	22	80	есть
5-Л	старая	23	76	есть
6-Л	молодая	13	25	есть
7-Л	старая	23	90	нет
8-Л	старая	25	115	нет
9-Л	молодая	20	33	нет
10-Л	старая	23	120	есть
11-Л	старая	23	120	нет
12-Л	старая	25	120	есть
13-Л	средняя	20	60	есть
14-Л	средняя	19	34	нет

Таблица 2

Состояние каждого лишайника на липах в «Аллее Керн» (на 12 августа 2022 года)

Лишайники	Высота над землей	Расположение относительно сторон света	Распространенность покрова	Диаметр слоевища в см	Длина лопастей в см	Площадь некротических пятен на талломе в %
1-П	2–2,3	юг	мало	8–10–6–5	6–7–4–3	63
4-П	2,4	восток	мало	8–5–4–7	6–3–2–6	28
6-П	1,2–2,5	северо-восток	много	5–6–6–4	3–5–4–2	7
7-П	1–3	восток	мало	1–2–5–3	0,5–1–3–2	6
8-П	0,3–4	северо-восток	много	3–4–6–3	2–3–4–2	20
10-П	1,2	северо-восток	мало	0,5–3–6–2	0,5–2–4–1	18
4-Л	0,6–2,5	запад	мало	6–5–7–7	5–4–5–6	2
5-Л	0,3–5	север	мало	2–4–7–8–6	1–3–6–6–5	2
6-Л	0,1–3	восток	мало	4–3–1–3	3–1–0,5–1	7
10-Л	0,2–2,4	юго-запад	мало	4–2–6–5–3	3–1–5–3–2	2
12-Л	1,5–2,5	северо-запад	мало	5–6–8–7	4–5–7–6	1
13-Л	1–2,5	юго-запад	мало	8–7–9–7	6–5–7–5	нет

(1-П) — первая липа от беседки по правую сторону
(1-Л) — первая липа от беседки по левую сторону

Елена Ступина

«СОБИРАЯ ОВОЩИ ЗЕМНЫЕ...»: РАЗВЕРНУТЫЙ КОММЕНТАРИЙ К ОДНОЙ ИЗ СТРОК «СВЯТОГОРСКОЙ ПОВЕСТИ»

Как известно, обстоятельства возникновения Святогорского монастыря описываются в так называемой «Святогорской повести»[1]. Мы обратили внимание на место, где главное действующее лицо повести, пастушок Тимофей, которому явилась икона Божией Матери, услышал некий голос, который повелел ему идти на Синичью гору. Далее цитируем по тексту Н.И. Серебрянского: «Он же во страсе велице размышляше, что есть видение сие, умом внимая, помышляше, где такова гора обрести, и недоумевашеся; и воспомяну, како хождаше с родителема своима во онех пустых местех, ***собирая овощи земныя***[2], и слыша от них зовома Синичья гора». В списке, находившемся в XIX веке в библиотеке Тригорского и опубликованном В.И. Охотниковой[3], это место звучит несколько иначе: «И между сими мысляше, где бы Синичью гору найти, но вспомня, как с своими родителями хождаше для ***собирания земных овощей*** по дебрям лесным и слышавше таковое название небезизвестной ему горы»[4]. Нам представляется, что это, возможно, первое в русской литературе упоминание о сборе грибов.

Упоминания о грибах как о пище встречаются еще в «Домострое», наиболее известном в редакции середины XVI века, приписываемой

---

[1] Первая публикация осуществлена Н.И. Серебрянским: *Серебрянский Н.И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских (ЧОИдР). Кн. 3–4. М., 1908. С. 66–72, 354–357. На с. 552–561 монографии — текст памятника по рукописи библиотеки Киево-Софийского собора (№ 99/100, л. 260–282): «Повесть о явлении чюдотворных икон пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии во области града Пскова, на Синичьи горе, иже ныне зовома Святая гора».

[2] Курсив автора.

[3] *Охотникова В.И.* Повесть о явлении икон на Синичьей горе в списке из собрания Осиповых — Вульф // Псков. 2004. № 21. С. 45–52.

[4] Там же. С. 49.

протопопу Сильвестру[5]. В обиходе тогда были четыре вида грибов: белые, которые назывались просто грибами, рыжики, грузди и сморчки. С белыми, рыжиками и груздями делались постные пироги, в Петровский пост (июнь) употреблялись грибы вареные, печеные и сушеные, эти же блюда подавались в Успенский мясоед (август); впрок «в дешевую пору» предлагалось «сушить грибы, грузди солить и рыжики». Сморчки упоминаются только в Пасхальный мясоед.

В комментариях отмечается, что «грибами по старому русскому обычаю называются здесь только благородные белые грибы, все остальные имеют свои особые названия, см. у Коллинса: рыжики, волницы (волнушки), грибы, грузди, дождевики, сморчки, маслянники»[6]. Комментаторы текста «Домостроя» ссылаются на публикацию Самуила Коллинса в переводе на русский язык 1846 года: «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича (1659–1666)» (М., 1846).

Википедия сообщает о Коллинзе[7] следующее: Сэмюэл Коллинз (англ. Samuel Collins, 1619, Брентри — 26 октября 1670, Париж) — английский доктор, был с 1659 по 1666 год врачом русского царя Алексея Михайловича.

В биографии Самюэля Коллинза существует большая путаница: и в русских, и в заграничных источниках его смешивают с двумя другими английскими врачами XVII века, носившими то же имя… Наиболее точные и подробные биографические данные о Коллинзе приводят «Dictionary of National Biography» (1887. Vol. 11. P. 375–376) и Wilh. Graf в своем немецком переводе его сочинения (Leipzig, 1929. S. V–VI). Другие авторы, как правило, дают неверные сведения, смешивая Коллинза, жившего в Москве, с двумя другими врачами: Самюэлем Коллинзом-«вторым» (1618–1710), также учившимся и в Оксфорде, и в Падуе, и в Кэмбридже, лейб-медиком английского короля и автором труда «A Systeme of Anathomy» (London, 1685), или с Самюэлем Коллинзом-«третьим» (1617–1685), также воспитанником Кэмбриджского и Оксфордского

[5] Мы пользовались изданием: Домострой / изд. подгот. В.В. Колесов, В.В. Рождественская. 3-е изд. СПб., 2007.

[6] Там же. С. 382. Отметим, что дождевики, масляники и волницы, упоминаемые у Коллинза, в текстах «Домостроя» не встречаются.

[7] Коллинз, Сэмюэл // Википедия [Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Коллинз,_Сэмюэл].

университетов. Это смешение мы находим в таких распространенных трудах, как: Richter W. M. Geschichte der Medizin in Russland (Moskau, 1815. Bd. 2. S. 276–281); Adelung. Kritisch-Literarische Uebersicht (SPb., 1846. Bd 2. S. 342–344); Nouvelle Biographic generale. (Paris, 1856. Vol. II. P. 195); Biographic Universelle (Michaud) (Paris, 1854. Vol. 8. P. 602–603); Biographisches Lexikon der hervorragenden Aerzte aller Zeiten und Voelker / Hrsg. Gurlt-Hirsch (Wien; Leipzig, 1885. Bd. 2. S. 57); и т. д., не говоря уже о многочисленных русских работах. Окончательно привел в ясность этот запутанный биографический вопрос Вильгельм Граф.

Самюэль Коллинз-«первый» родился в 1619 году в семье викария в Брэйнтри, учился в Кэмбридже, но покинул университет, не окончив его, и уехал в Падую. Здесь он получил звание доктора медицины, затем вернулся в Англию и вторично получил ту же ученую степень в Оксфордском университете (1659). Вскоре после этого Коллинз, вероятно, уехал в Голландию. В это время английский купец Джон Гебдон в должности московского резидента в Англии и Голландии приехал в Голландию для вербовки на русскую службу офицеров, врачей и аптекарей. В один из своих двух приездов в Голландию (между мартом и декабрем 1659 года или летом 1660 года) Гебдон встретился с Коллинзом и предложил ему вакантную должность лейб-медика при царе Алексее Михайловиче. Коллинз согласился и вместе с Гебдоном приехал в Москву.

В Москве Коллинз провел девять лет, затем по его собственному желанию был отпущен на родину, очень щедро при этом награжденный. Хотя прощальная аудиенция и отпускные документы даны ему были 28 июня 1666 года, в Москве он почему-то оставался до 1668-го.

Известно, что в 1669 году Коллинз находился в Лондоне, но вскоре уехал в Париж, где и умер 26 октября 1670 года.

После смерти Коллинза один из его учеников или друзей, бывший с ним в России, передал английскому книгоиздателю оставшиеся от Коллинза записки о его пребывании в Москве, которым придана была форма письма. Книга, изданная впервые в Лондоне в 1671 году, привлекла внимание современников и заняла довольно важное место среди иностранных источников о Московском государстве. Полное заглавие ее таково: «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне, одной значительной особой, в течение девяти лет находившейся при дворе московского царя» (The Present

State of Russia, in a letter to an friend at London, written by an Eminent Person, residing at the Great Tzars Court in Moscow for the Space of nine years. London, 1671).

Первый русский перевод сочинения Коллинза, выполненный Николаем Полевым по французскому изданию 1679 года, имеет прибавления, пропуски и большие неточности. Английский подлинник и имя автора, находящееся в приписке в конце книги, стали известны Полевому лишь по отпечатании его перевода. Первый русский перевод с английского издания 1671 года дал Петр Киреевский[8].

Нам показалось интересным привести в приложении весь фрагмент книги Коллинза о грибах — похоже, это первое в истории описание грибов, собираемых в России. Сначала предполагалось привести фрагмент перевода П.В. Киреевского 1846 года, но при внимательном прочтении и сличении с первым лондонским изданием оказалось, что язык перевода во многом устарел, имелись и мелкие неточности. Поэтому текст переведен заново (с учетом перевода П.В. Киреевского). Иллюстрации также взяты из первого лондонского издания[9] 1671 года. Примечательно, что в начале главы, описывающей грибы России, Коллинз употребляет обобщающее слово «vegetables», которое Киреевский переводит как «растения», но более точный перевод которого именно «овощи» («растения» мы бы сейчас перевели как «plants»). Это служит дополнительным подтверждением нашему предположению, что блаженный Тимофей с родителями собирал на Синичьей горе именно грибы.

[8] *Коллинз, Сэмюэл.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне / соч. Самуила Коллинса; пер. с англ., [предисл.] П. Киреевский. М., 1846. О грибах см. с. 40–41.

[9] «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне, одной значительной особой, в течение девяти лет находившейся при дворе московского царя» (The Present State of Russia, in a letter to a friend at London, written by an Eminent Person, residing at the Great Tzars Court at Moscow for the space of nine years. London, 1671). Глава XXVIII. С. 135–141.

Глава XXVIII. О нескольких сортах грибов, которые растут в России, их формах и качествах, они подразделяются Ботаниками на два вида, а именно смертоносные и благотворные.

Описывая овощи, которые растут в России, я сообщу лишь о немногих грибах, замечательных по своей форме и качествам. Их семь: 1) Рыжики (Rizhices — рис. 1[10]) черные и красные, они маленькие, растут в болотах и вырастают в одну ночь. 2) Волницы (Volnitzi's — рис. 3) черные и коричневые, с красными и медными оттенками. 3) Грибы (Gribbuy's — рис. 4) коричневые с темно-желтыми оттенками; с ножкой в виде колонны. 4) Грузди (Groozshdy — рис. 5) внутри полые[11] и, созрев, бывают белы, как хорошие тюльпаны. 5) Дождевики (Dozhshovick) бывают белые большие и губчатые. Lethalis habitur[12]. 6) Fungus faviginosus[13], Honey-comb-Mushrooms[14], по-русски сморчки (Smorteshkyes — рис. 2) появляются первыми; за ними следуют грибы (Gribbuys), а остальные ближе к осени. 7) Маслеиики (Maslenicks — рис. 6), Butter-Mushrooms[15], название которых значит «жир земли».

(Далее следует латинский текст, который затем дается и по-английски:)

Ботаники разделяют грибы на ядовитые и полезные, или съедобные. Ядовитых грибов в России мало, полезных же много, и нигде нет лучших, потому что они составляют пищу бедных и лакомство богатых. Ежегодно привозят в Москву тысячу телег с грибами и солят их. Русские телеги не велики и запрягаются в одну лошадь, как

[10] В русском переводе иллюстрации отсутствуют. В английском тексте отсылки к иллюстрациям приводятся на полях — для рыжиков в английском тексте, для остальных грибов — в латинском фрагменте. Для удобства восприятия мы вынесли ссылки на рисунки в начало текста.

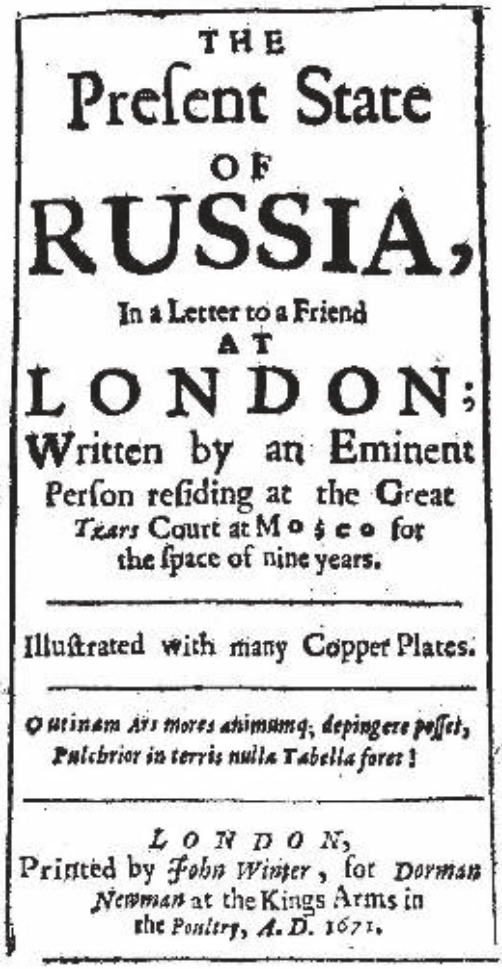
[11] В оригинальном тексте сравнение с пасхальным кексом Simnel — видимо, в XVII веке он имел полость внутри.

[12] Считается смертельным (лат.)

[13] У Джерарда Fungus favaginosus — гриб…? (лат.). Второго слова в латинских словарях обнаружить не удалось. Джон Джерард (англ. John Gerard, 1545 — февраль 1612, Лондон) — английский ботаник, травник, натуралист (естествоиспытатель), врач, хирург. Коллинз упоминает его труд «The Herball or Generall Historie of Plantes». London, 1597. О сморчках см. с. 1385.

[14] Медовые-соты-грибы (англ.)

[15] Масляные грибы (англ.)



THE
Preſent State
OF
RUSSIA,
In a Letter to a Friend
AT
LONDON;
Written by an Eminent
Perſon reſiding at the Great
Tzars Court at Moſco for
the ſpace of nine years.

Illuſtrated with many Copper Plates.

O utinam Artes mores animumq; depingere poſſet,
Pulchrior in terris nulla Tabella foret!

LONDON,
Printed by *John Winter*, for *Dorman Newman* at the Kings Arms in the *Poultry*, *A. D.* 1671.

Титульный лист английского издания С. Коллинза.
Collins, Samuel. The Present State of Russia, in a letter to a friend at London, written by an Eminent Person, residing at the Great Tzars Court at Mosco for the space of nine years. London, 1671.
Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне, одной значительной особой, в течение девяти лет находившейся при дворе московского царя. Лондон, 1671

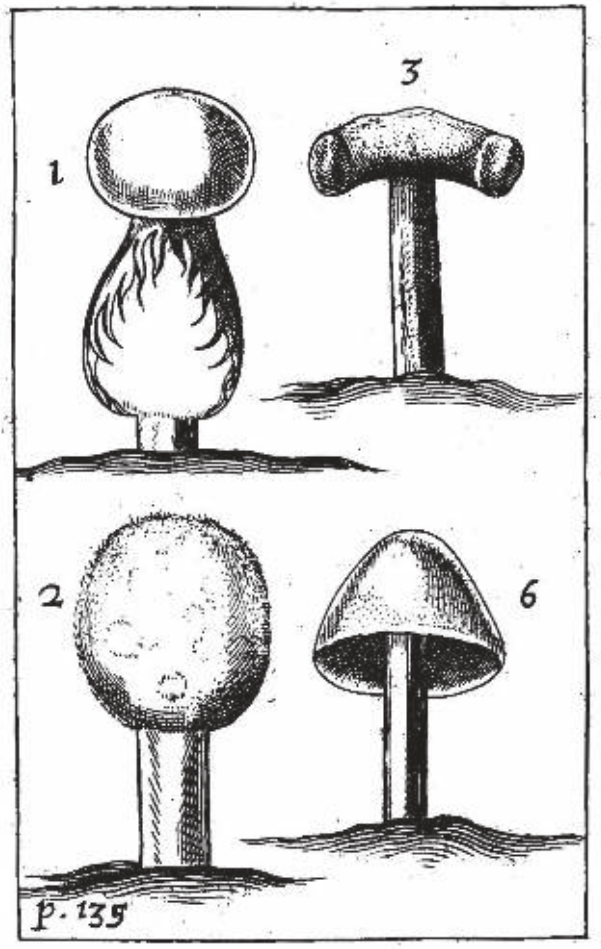


Иллюстрация к с. 135 английского издания С. Коллинза.
1. Рыжик. 2. Сморчок. 3. Волница. 6. Масленик

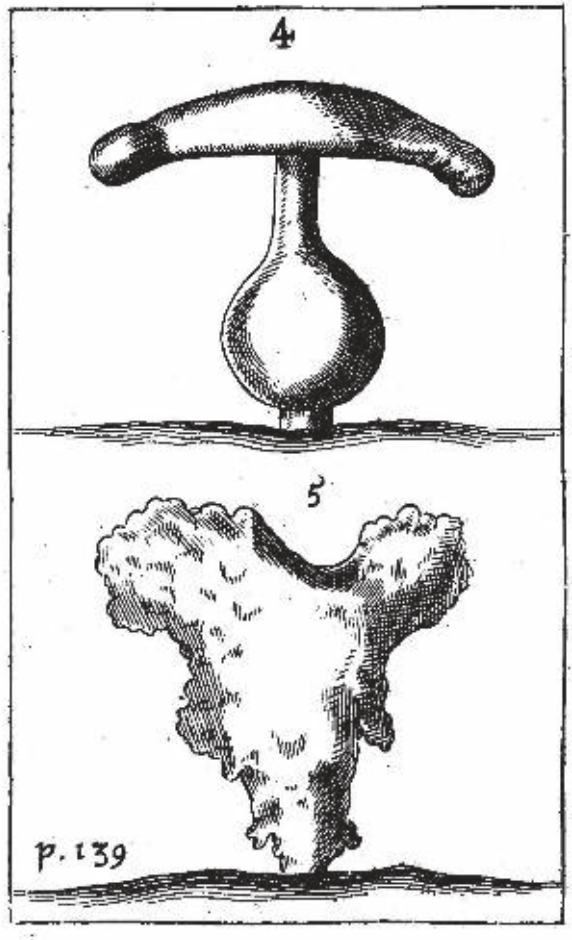


Иллюстрация к с. 139 английского издания С. Коллинза.
4. Гриб (белый). 5. Груздь

Ирландские. Те грибы, которые первые появляются в апреле или мае, считаются ядовитыми, и Джерард называет их сотовыми грибами (Honey comb Mushrooms); но в России они украшают столы вельмож, и ценятся дорого. Русские сморчки кладутся в пироги и похлебки.

В конце мая и начале июня (если погода бывает дождливая) рыжики вырастают в одну ночь; они меньше всех других грибов, одни чернова-ты, другие красноваты, особенно в местах болотистых.

Волницы (Volnitzis) цветом рыжевато-коричневые, с медным оттенком.

Грибы (Gribbuys) появляются в июне месяце; они больше других грибов, цветом коричневато-красноватые, с плотной ножкой, расширяющейся посредине как колонна.

Грузди (Groozhdys), самые большие из грибов; они шириною в ладонь, толщиною в говяжий рубец[16]; белы и очень сочны, пока сырые. Русские солят их также, как и растение, называемое marina lactuca[17], а иначе они жгут рот и горло. Однажды я опрометчиво решился съесть жареных груздей и едва не задохнулся.

«Маслеики» означает жир земли. Масло по-русски значит то же, что мы называем: butter, Oyl, Tallow (коровье масло, растительное масло, сало), или любой жир или маслянистую вещь…

Маслеики растут в июле месяце и похожи цветом на коровье масло; но довольно о грибах.

---

[16] Самая большая часть коровьего желудка.

[17] Ульва (лат. Ulva) — род морских зеленых водорослей семейства Ульвовые (Ulvaceae). Распространены в морях умеренного и субтропического пояса. Многие виды съедобны, известны под названием «морской салат».

Борис Ганнибал

ЗИМНИЙ СВЕТ ЛИШАЙНИКОВ: ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА БИОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ

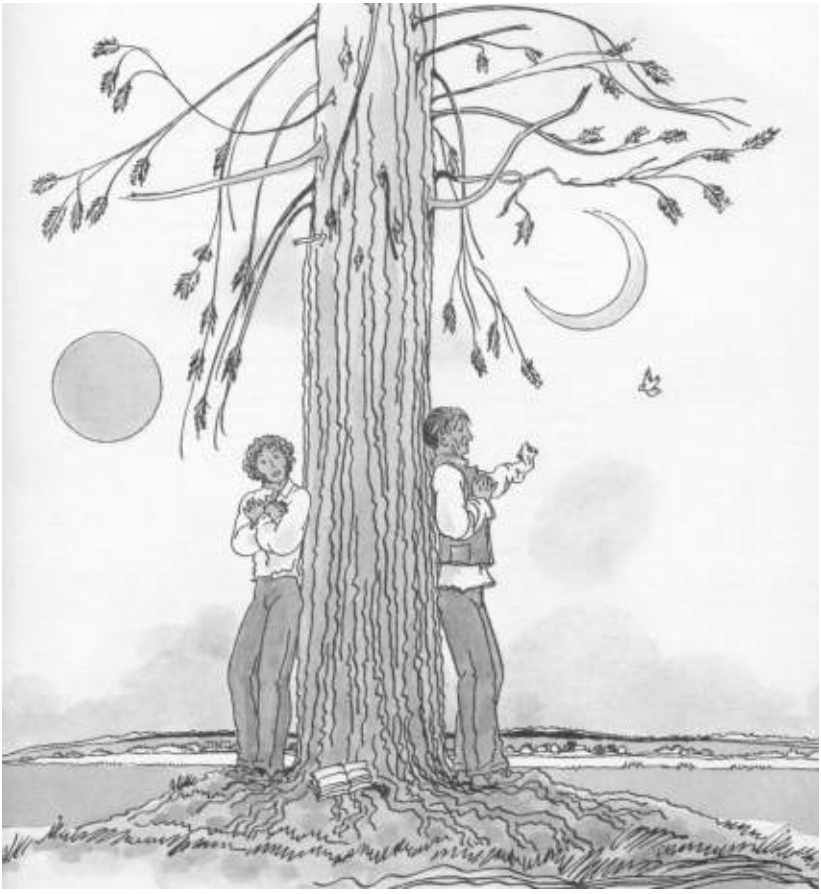
Предлагаемая публикация посвящена образному восприятию природы Пушкинского Заповедника. Каждый, кто оказался здесь, удивляется не только объемной красоте ландшафтов, но и выразительным формам представителей растительного мира, в частности, причудливой текстуре лишайников, в обилии покрывающих стволы и ветви деревьев, старые ограды и постройки. Автор в своем, по существу, эссе, написанном по свежим впечатлениям от прогулок в одну из зим по парку Михайловского, предлагает свой, исключительно эстетический взгляд не столько на отдельные объекты лихенобиоты, сколько на их сочетание и на всё это явление в целом.

* * *

«Зима. Что делать нам в деревне?» Так думал молодой повеса 2 ноября 1829 года, задаваясь с утра вопросами: на улице «тепло ль? утихла ли метель? Пороша есть иль нет?» Почти о том же размышлял немолодой ботаник, отправляясь в феврале 2020 года из Петербурга на Гейченковские чтения в Пушкинские Горы.

Оба они, Пушкин и Гейченко, были поэтами. Материалом для обоих художников слова и дела служили леса и пажити, листья и камни, шум крыльев взлетающих уток и прочее, и прочее. Замечая практически всё в обозримом пространстве, оба они как-то не восприняли один из важных и зримых элементов сущего как ценность: один — не посчитав, видимо, эту коросту на стволах деревьев, именуемую лишайниками, достойной высокого поэтического слова; другой, приняв близко глас народа, решил даже бороться с ней, заставляя счищать «вражий налет» со стволов плодовых культур. В общем, не поняли… Пренебрегли. Терлись об них, но думали о другом, и каждый о своем.

А действительно!.. Если уж растения, даже самые яркие, называли когда-то прозябями, то что говорить о жалком их подобии мышиного цвета — лишайниках, относимых явно к нижней, если не сказать



Э.Х. Насибулин. Сказы о Сямене Стяпановиче Гейченка и его служении Александру сыну Сергееву Пушкину. Псков, 2003. С. 65

Вид с неба на окрестности Михайловского с дорогой к озеру Маленец

«низкой» части всего широкого круга прозябающих (ведущих жалкую, бессодержательную и бесцельную жизнь), иначе того, «что растет на чем-либо, укореняясь, от плесени до дуба и кедра» (смотри Словарь В.И. Даля).

Но вернемся на конференцию… Михайловский Домовой в те дни в очередной раз встречался с Пушкиным, а мы, участники небольшого и уютного мероприятия, друзья святых пенатов уже по факту самого присутствия на нем, с интересом наблюдали за этим событием и за тем, что происходило за стенами и что можно считать его наружной атмосферой и фоном. Скажем сразу, что зима 2019/20 года с самого ее начала не задалась… Ледовый покров на реке Сороти и озерах так и не сформировался, а их берега и ближние к усадьбе луговины оставались всё время серовато-зелеными. Зеленели и темнели, как обычно, густые сосновые и еловые кущи, а вот кроны листопадных деревьев выглядели по-зимнему прозрачно, окутанные туманно-белым флером как бы снежного инея.

Помните, еще Александр Сергеевич отмечал одну из подобных зим:

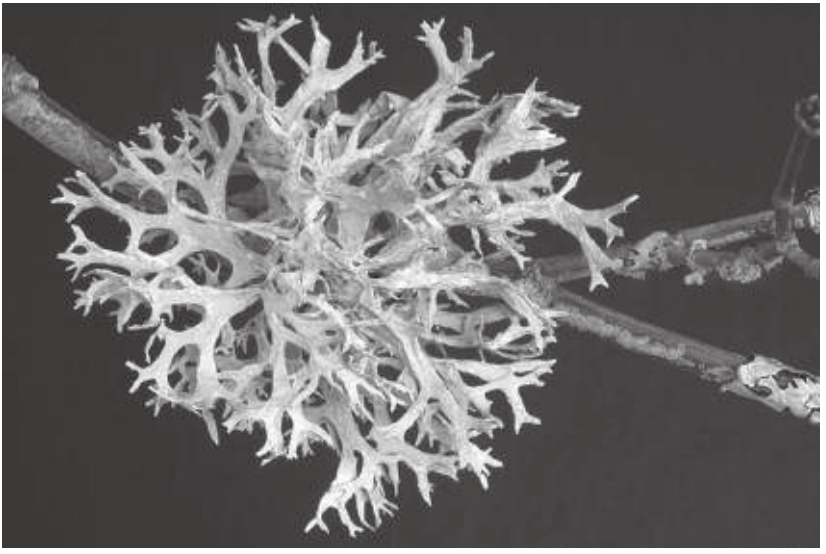
В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа…

Лишайник гипогимния вздутая на стволе дерева

Тогда природа всё-таки дождалась настоящих свидетельств зимы, пусть и по прошествии праздников Рождества и Нового года: «Снег выпал только в январе. На третье в ночь».

На сей раз, два века спустя, редкий мокрый снег и падающая с неба при положительной температуре ледяная крошка не смогли накопить на поверхности земли заметную снежную толщу, так что не только в январе, но и в феврале главного признака зимы ни местные жители, ни мы не увидели. Стояли без обычного зимнего украшения и деревья.

А тогда… Проснувшуюся рано утром 3 января Татьяну Ларину, согласно пушкинскому тексту, радостно поразил не только белый покров, но и «деревья в зимнем серебре». Подобное явление сейчас предстало и перед нашими глазами, но в ином виде и свете, и обусловлено оно было не снегом на ветвях, а обильными в этой местности



Лишайник эве́рния сли́вовая, или «дубо́вый мох», на ветке

Лишайники эверния и гипогимния на одном стволе рядом

Лишайниковый штакетник. За оградой дорога к озеру Маленец. Фото автора

лишайниками. В чистом воздухе эти странные организмы — наполовину грибы, наполовину водоросли — смогли развиться необычайно как на толстых стволах деревьев, так и на тонких веточках и представляли одно из самых примечательных зрелищ во время нашего здесь пребывания с 12 по 15 февраля 2020 года. Самые обычные и наиболее распространенные из них — гипогимния вздутая (латинское название Hypogymnia physodes) и эве́рния сли́вовая (Evernia prunastri).

Характерный облик и разнообразие конструкций каждого из многочисленных видов лишайников поражают и притягивают внимание. Формы жизни и их биологические особенности служат предметом интереса ученых. Их «портреты», графические и цветовые, являются артобъектами художественных салонов и выставок. А их совокупности, сообщества лишайников представляют собой пространственное явление, заметное каждому входящему в лес или прогуливающемуся по парку человеку. Как выглядело это чудо природы в Михайловском в тот год

Липы усадебного парка «в лишаях».
Фото автора

Лишайниковый «снег» на молодых деревьях березовой аллеи.
Фото автора

Лишайниковый «флер» деревьев яблоневого сада. Фото автора

Яблоня в лишайниковой «вате». Фото автора

с дорожек парка, можно видеть на февральских фотографиях автора этого текста.

Красота природы не терпит рациональных оценок. Наша задача обнаружить ее под слоем собственного невежества, постоянной отвлеченности на мелкое и суетное. Освободи мысленное пространство и свое время, настрой глаз, тогда незаметное станет заметным и привлекательным, примитивное предстанет сложным и интересным, а «низкое» окажется «высоким».

Бесснежный февраль обнажил целый пласт новой красоты, цвета и света, открыл то, что обычно малозаметно летом и в зимний снежный период. Вот вам и один из вариантов ответа на пушкинский вопрос: Зима. Что делать нам в деревне?

Владимир Галапов

ГРИБЫ-ПАРАЗИТЫ В ЛЕСАХ ПОЛИСТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИРОДНОГО ЗАПОВЕДНИКА

Буферная (охранная) зона заповедника представляет собой переходный биоценоз от верхового болота к лесным равнинным участкам местности. На ленточной приболотной полосе сконцентрированы места обитания живых организмов. Это обусловлено богатым породным составом древостоя и формой рельефа. Обильная продукция биомассы приводит к появлению множества паразитов. Подавляющее большинство фитопатогенов, паразитирующих на лесных растениях, принадлежат к Царству Грибов. Как облигатные (постоянные), так и факультативные грибы-паразиты освоили все экологические ниши древостоя (этажи леса). На комлях и в комлевой части развиваются губки, стволы поражаются трутовиками целого ряда семейств, на листьях и хвое грибные болезни представлены пятнистостями, ржавчинные и гнилевые патогены поражают плоды. Мы исследовали экологические тропы заповедника на предмет заселения сухостойных и живых деревьев дереворазрушающими грибами. Во время маршрутного обследования экотроп мы проводили детальное описание, подсчет плодовых тел, фотосъемку встречаемых видов патогенов. Экологический мониторинг ксилотрофов в заповеднике продолжается с использованием современных методов учета и анализа первичных данных.

* * *

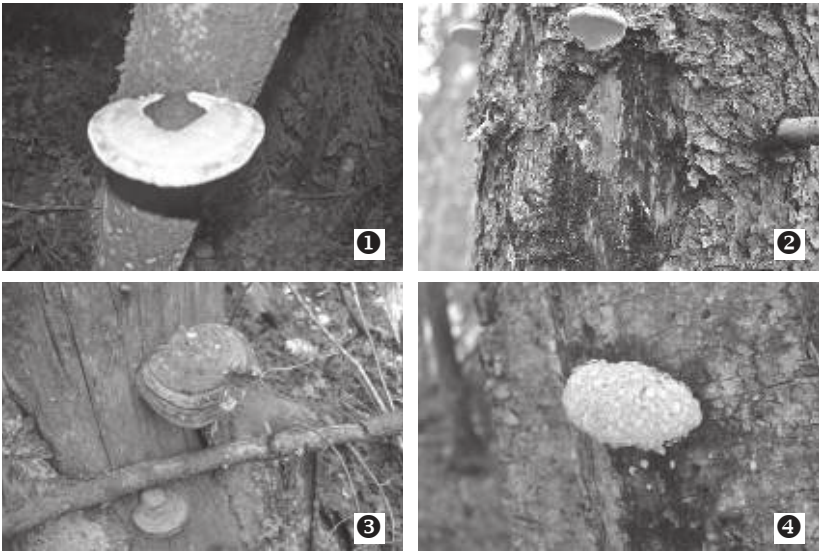
Настоящее путешествие в мир дикой природы дарят людям экологические тропы. На их территории мы и рассмотрим занимательную лесопатологию. Лесопатология — наука, объектом изучения которой являются патогенные организмы, повреждающие (животные) или поражающие различные части составляющей лес флоры. При массовом распространении патогены образуют очаги инфекции. Если они разрастаются до размеров древостоя, то в лесном заповедном царстве случаются сукцессии. Это означает, что один тип леса (к примеру, сосновый бор) с течением лет отмирает и сменяется белоствольным березняком.

Более всего этому способствуют патогенные грибы. Путем тщательных обследований экологических троп охранной зоны мы обозначили типичные виды дереворазрушающих грибов-трутовиков, определив их по характерным для каждого вида плодовым телам. Исследования проходили на трех экотропах заповедника: «Путь моховиков», «Леса и люди», «Дорогою добра», расположенных в южной части особо охраняемой природной территории.

Обследование лучше всего начинать в конце лета, когда грибы образуют свежие плодовые тела. Они, как правило, светлые, кожистые, имеют резиновую консистенцию, легко разламываются, источая терпкий аромат. По форме плодовые тела бывают копытообразные, ступенчатые и распростертые. В полистовских лесах увлеченный путешественник заметит все группы спороношений грибов. Копытообразные тела, как правило, одиночные или растут небольшими группами. Ступенчатые спускаются широкими лестницами, обволакивают дерево. Распростертые (резупинантные) тела захватывают тонкой пленкой большие поверхности пораженной древесины. Подобные мицелиальные пленки мы часто наблюдаем на досках и пиломатериалах при избыточной влажности в подвальных помещениях, сараях, постройках. Мы все прекрасно знаем, какой урон может нанести гниль зараженной древесины домашнему хозяйству. То же самое происходит и в заповедных древостоях, только в несравнимо большем масштабе. Мицелий может в течение ряда лет скрыто развиваться в пораженных органах дерева (стволе, корнях, зачастую в скелетных ветвях, под корой).

Лесопатологи диагностируют болезнь дерева по образующимся на деревьях плодовых телах. Во многих случаях это уже поздно. До выхода плодового тела на поверхность гриб создает разветвленную сеть, поднимающуюся порой на высоту 8–10 м. В стволе происходит разрушение сосудов, ситовидных трубок, то есть проводящей системы дерева. Близлежащие волокна древесины становятся мягкими, теряют тургор, постепенно разлагаясь до состояния влажной губки (мокрая гниль) или трухи (сухая гниль). Все эти процессы без повреждения коры и древесины увидеть невозможно. Поэтому лесопатолог должен постоянно обследовать лесные участки, пользоваться инструментами краткосрочного и долгосрочного прогнозов.

Впрочем, достаточно теории. Отправляемся на лесопатологическую экскурсию. Окаймленный трутовик встречает нас первым на экотропе. Молодые плодовые тела величиной с пятирублевую монету как



Плодовые тела окаймленного трутовика:
1 — свежие плодовые тела окаймленного трутовика (одревеснение верхней части) на стволе живой ели; 2 — молодые плодовые тела трутовика растут на усыхающей ели; 3 — старые плодовые тела окаймленного трутовика; 4 — гуттация окаймленного трутовика

шапочки снега покрывают обнаженную древесину и отслаивающуюся кору. Окаймленный трутовик всеяден, но предпочитает заражать хвойные деревья с повреждениями коры. Мы замечаем плодовые тела на дровяной древесине, валежнике, свежем и старом сухостое, ветровальные обрубки. Исключение составляют только ветви деревьев. Окаймленный трутовик просто красавец, особенно когда в преклонном возрасте подкрашивается под цвет пораженного ствола. Если на улице устанавливается влажная погода, то на поверхности плодового тела окаймленного трутовика появляются капельки жидкости. Этот процесс называется гуттация. Гуттируют и совсем молодые окаймленные трутовики.

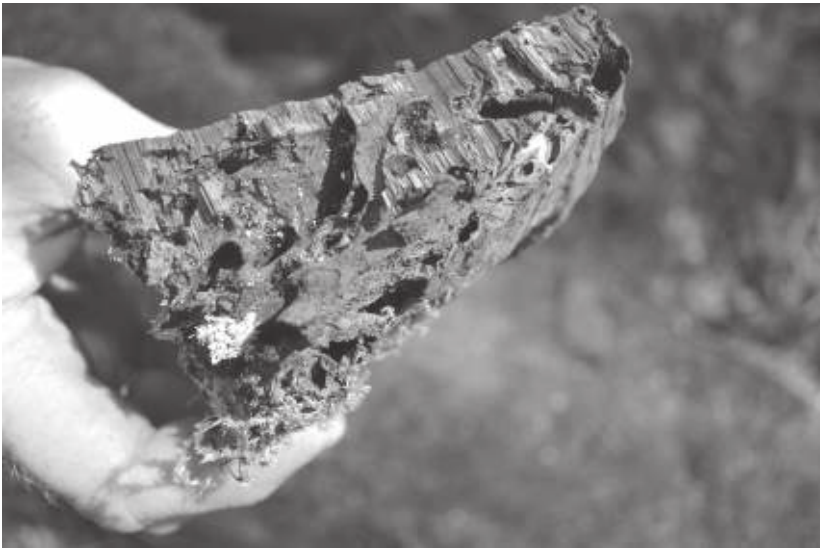
На приспевающих и молодых березах средь нежной белизны стволов резко выделяются черные пятна, разрывающие кору. Перед нами березовый гриб-чага. В охранной зоне заповедника чага — самый привычный сожитель берез. Вернее, разрушитель. Плодовые тела гриб-

Плодовые тела чаги многочисленны на стволах берез

ница патогена образует уже в достаточно зрелом возрасте. От заражения до появления сажистых, словно рассыпающихся плодовых тел проходит до 3–5 лет. Поэтому не удивительно, что плодоношение чаги мы наблюдаем, как правило, на большой высоте от земли. Чага не так опасна, но сильно замедляет рост дерева, а молодые березки при раннем заражении могут через несколько лет погибнуть. Кроме вреда, наносимого своему хозяину, чага приносит пользу людям, используется в медицине как противоопухолевое и противогастритное средство. Гриб применяли не только для лечения: наши предки делали из него поделки и обереги.

Кроме чаги на березах мы наблюдаем похожие на грубые копыта многослойные серые тела. Они принадлежат настоящему трутовику. Данный вид не так агрессивен, как сородичи, и предпочитает ослабленные и мертвые сухостойные деревья. Выпуклые плодовые тела растут очень быстро и к концу сезона достигают размеров среднего блюдца. К старости они одревесневают и начинают постепенно выкрашиваться. Именно такие плодовые тела настоящего и некоторых других видов трутовиков представляют собой идеальное местообитание для скрытно

Настоящий (обыкновенный) трутовик.
Старые плодовые тела настоящего трутовика служат столовой и домом для жуков семейства Грибовики



Серно-желтый трутовик («куриный гриб»)

живущих жуков из семейства Грибовики. Здесь нередко можно встретить пупарии (куколочные коконы) мух, грибных комариков, укрытия хищников из класса насекомых — энтомофагов.

Интересный представитель дереворазрушающих грибов Полистовья — серно-желтый трутовик. Мясистые плодовые тела охристо-желтыми этажами покрывают живые ослабленные стволы ольхи черной и серой, осины, ивы. Это обитатель исключительно лиственной древесины, вызывающий кольцевую гниль. Серно-желтый трутовик в просторечии называют «куриный гриб». Дело в том, что издревле славяне употребляли гриб в пищу и по вкусу он был схож с куриным мясом.

Мы проходим под великанскими сводами. Тропа петляет, и взору открываются сменяющие друг друга как кадры кинофильма картины русской природы. Но вот свежий пень, оставшийся от выломленной ветром осины, стоит весь в «шоколадной» пене с молочно-белыми краями. Нам попался растущий лакированный трутовик. Шоколадные ломти нового гриба белые, мягкие снизу, растут прямо из старых плодовых тел, чернеющих горьким шоколадом и порой уже погрызенных вездесущими лесными жителями.

Лакированный трутовик

Типичны для экотроп Полистовья также ступенчатые плодовые тела — губки. Их образуют грибы из родов Траметес и Стереум. По форме, размеру, количеству плодовых тел, размеру и количеству ступеней, степени их развития лесные фитопатологи выделяют виды паразитирующих на деревьях губок. Вот перед нами распиленная несколько лет назад ель, когда она перегородила экотропу в результате падения. Губка рода Траметес превратила лежащий ствол в причудливый форпост неземной цивилизации. Губки предпочитают заражать в основном поврежденную древесину, но в заповедных лесах мы находим исключение. На живых 30-летних елях нами отмечена ярко окрашенная лиловая губка, опоясывающая стволы. В результате длительного определения это оказался Траметес, окрашенный так интенсивно из-за танинов еловой коры. Гриб как губка в прямом смысле слова впитывает в себя субстрат: они схожи по цвету, питаются и живут за счет тканей хозяина, даже пахнут на разных породах по-разному. Среди губок распространены полифаги — виды, паразитирующие на разных хозяевах из множества лесных пород. Лишь одно объединяет губок — необходимость внедриться в живой ствол через поранение защитного

Траметес разноцветный ступенчатыми плодовыми телами захватывает распиленное и отработанное ксилофагами дерево. На торце того же обрубка, перегораживающего экотропу, растут тела настоящего трутовика

Ступенчатые плодовые тела губки захватывают весь ствол. Охранная зона

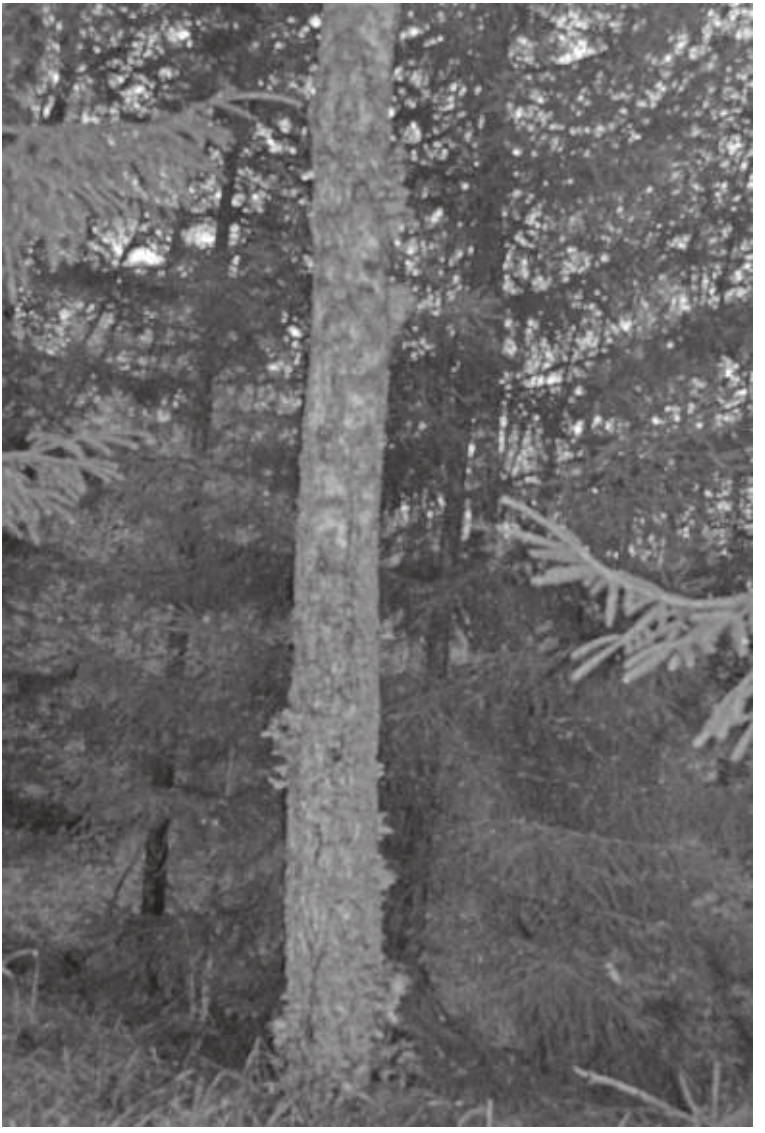
Березовый трутовик с плодовыми телами этого сезона

буфера-коры. Ученые-фитопатологи именуют места проникновения спор возбудителя «воротами инфекции».

Трутовик плоский в Полистовье заселяет как живые, так и свежесухостойные деревья. Из пород более всего поражает приспевающие и спелые сосны.

Трутовик березовый — ни с чем не сравнимый светло-коричневый неслоистый грибок с белым гименофором. Растет исключительно на березах. Таких «однолюбов» лесные фитопатологи нарекли монофагами, то есть паразитирующими только на одной породе. В охранной зоне распространен повсеместно.

Описывая патогенные грибы Полистовья, пальму первенства, несомненно, стоит отдать опенку обыкновенному. Для людей это деликатесный продукт, в то время как для лесопатолога — агрессивный и беспощадный убийца. Дерево, заселенное опенком, непременно обречено на скорую гибель. Грибница опенка ползет вверх по стволу на 8–10 м, пока полностью не высасывает дерево. Экотропы заповедника кишат «семейками и кланами» опят.



Проникновение мицелия опенка по живому стволу на высоту 6–8 м. Охранная зона

На стволах поближе к комлю можно найти интересные плодовые тела на ножках, по цвету как две капли воды похожие на «куриный гриб». Однако серно-желтый трутовик не имеет ножки. Это чешуйчатки. Присмотритесь: шляпка каждого гриба покрыта каемчатыми чешуйками, как туловище броненосца. В заповедных лесах и на экотропах обычные паразиты — чешуйчатка жирная (золотистая) и чешуйчатка плоская.

Кроме поражений древесины, существуют грибные болезни хвои, листьев, стволиков. Повсеместно на экотропах и бескрайних просторах Полистовья мы видим на соснах подсыхающую хвою. Болезнь называется шютте обыкновенное, вызывается сумчатыми грибами из класса Аскомицеты. Практически на каждом шагу попадаются листья и стволики, покрытые ржавыми наростами. Ярко-оранжевые подушечки (пустулы), связанные в шарфики, развиваются в лесу на двух растениях-хозяевах. На листьях клена, громко шуршащих под ногами осенью, видны ярко-черные концентрические пятна. Это черная пятнистость клена, вызванная сумчатыми грибами из рода Ритизма. На поверхности зеленых дубовых листьев мы встречаем обильный налет с микроскопическими черными шариками внутри. Они называются клейстотеции — плодовые тела грибов из класса Клейстомицеты. Черный стволовой рак осины (возбудитель — гриб из класса Пиреномицеты) — основная патология породы в полистовских лесах.

Гнили и их плодовые тела постепенно полностью разлагают отработанную древесину. На последних стадиях ее разложения к дереворазрушителям присоединяются сожители. К примеру, пыльный гриб очень любит поселяться на приземленных валежных стволах.

На древесной трухе растут гетеробазидиальные грибы семейств Дрожалковые и Рогатиковые. «Сожителями» гнилей выступают плесени, микроскопические миксомицеты, лишайники и мхи.

Мы совершили экскурс в заповедную лесопатологию и познакомились с болезнями, вызываемыми патогенными грибами.

В потаенных уголках заповедной природы нами были отмечены некоторые «экзоты»: смолистый трутовик на древесине ели, корневая губка на молодых соснах (опаснейший враг лесовода), трутовик Гартига, редкие виды чешуйчаток, ложные (несъедобные) опята. На одном из дальних урочищ благоухает «вернувшийся в природу» домовый гриб. Однако в жизнь заповедной природы человек не имеет право вмешиваться: он может только наблюдать и познавать ее законы. В арсенале современного лесопатолога есть немало инструментальных методов лечения

Пыльный гриб выпускает облако спороносной пыли

древесных хворей. К ним относятся биологические, физико-химические и механические методы. В качестве последних лесопатолог может применить банальный сбор плодовых тел: для экотроп это единственно возможный прием ограничения распространения инфекции. При сильном поражении дерево уже невозможно спасти. Оно ослабляется и со временем становится очагом массового размножения насекомых-ксилофагов. На заповедных экотропах мы вместе с грибными патогенами встречаем стволовых ксилофагов разных порядков, вздутия еловых хермесов, домики-шарики орехотворок, скелетирование, минирование, скручивание листьев. Мы завершаем путешествие, садимся в болотоход и плывем по лужам залитой дождями ухабистой грунтовки. Но в заповеднике еще несколько экотроп, которые ждут увлеченного путника, неутомимого исследователя и доброго друга нашей матери-природы.

Екатерина Жукова

ДЕРЕВОРАЗРУШАЮЩИЕ ГРИБЫ И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ДЕРЕВЬЕВ ОТ РАЗЛОМОВ В КРОНЕ И ИХ ПАДЕНИЙ

История Летнего и Михайловского садов, первых садов Санкт-Петербурга, насчитывает больше трех веков. Летний сад был заложен Петром I в 1704 году, а Михайловский — был подарен им Екатерине I под резиденцию в 1712 году и назывался тогда Третьим Летним садом.

Неоднократно вставал вопрос о реставрации садов. Попытки создания таких проектов были и в довоенные, и в послевоенные года. К началу XXI века решение о реставрации всё же принимается и воплощается в жизнь (Летний сад реставрировался в 2009–2011, Михайловский — в 2001–2007 годах).

В результате сады предстали нам в облике разных исторических эпох: Летний сад, сохранявший все три века черты регулярного садового стиля, популярного в России в XVIII веке, вернули к середине этого столетия, а Михайловский — к первой четверти XIX века, когда он был преобразован в пейзажном стиле, пришедшем к тому времени в паркостроение. По этому поводу до сих пор не утихают споры, в которых у каждого своя правда.

В садах и на зеленых территориях Русского музея растут 3 367 деревьев (без учета лип в шпалерах и берсо (арочных лип) Летнего сада). Среди них — несколько сотен более чем вековых, переживших многочисленные наводнения, перепланировки, Великую Отечественную войну (в годы блокады в Летнем саду располагались зенитные батареи, на газонах выращивали овощи, картошку). За эти непростые 300 лет истории в садах сформировались сообщества, в целом типичные для старых городских парков, где господствуют широколиственные породы деревьев (в первую очередь липы, а также клены, дубы, ясени) и которые испытывают постоянное поддерживающее и ограничивающее воздействие человека.

Списки видов грибов, которые можно заметить в наших садах невооруженным глазом, насчитывают на данный момент более 100 видов[1],

[1] См.: *Жукова Е.А., Морозова О.В., Волобуев С.В., Брянцева Ю.С.* Базидиальные макромицеты и их влияние на состояние зеленых насаждений садов

но далеко не все из них встречаются ежегодно. В садах мы особенно приветствуем грибы, образующие микоризу с древесными растениями. Это такой тип взаимоотношений, при котором грибы помогают деревьям получать из почвы воду и минеральные вещества, повышают их устойчивость к различным заболеваниям, обеспечивают связь между деревьями в саду, а растения, в свою очередь, поставляют грибам органические вещества, синтезируемые в процессе фотосинтеза. Симбионтов в садах Русского музея около 20% из всего выявленного состава. Про многих известно, что они способны вступать в микоризные отношения с широким кругом пород деревьев. Например, повсеместно на территории садов распространена лаковица лаковая (Laccaria laccata) и несколько видов моховиков. Конечно, не менее значимы для садов и те виды, которые перерабатывают древесный, травянистый и листовой опад и отпад в доступную для питания растений форму, формируют почву. Эти виды преобладают в списке, самые распространенные из них — это виды родов Шампиньон (Agaricus spp.), Дождевик (Lycoperdon spp.) Некоторые грибы, например, дождевик грушевидный (Lycoperdon pyriforme), навозник рассеянный (Coprinellus disseminatus), поселяются в трещинах коры, в развилках стволов на деревьях, что свидетельствует о накоплении там органических остатков. И всё же разнообразие грибов этой группы гораздо меньше, чем в природных сообществах, так как в результате санитарных обрезок и уборки опавших листьев постоянно утилизируется мертвое органическое вещество.

Однако существует целая группа грибов, которые не дожидаются гибели растений, а поселяются на них, пока те еще живы, вызывая их болезни, а затем и гибель. Группа трутовиков — паразитов древесных растений составляет почти треть списка выявленных в садах Русского музея грибов и является очень значимой для оценки состояния деревьев. Однако к настоящим, облигатным паразитам относят только некоторые из них, в основном единично встречающиеся в садах, — трутовик Швейница (Phaeolus schweinitzii), климакодон северный (Climacodon septentrionalis), ложный ольховый трутовик (Phellinus alni). Обращает на себя внимание факультативный сапротроф — оксипорус тополевый (Oxyporus populinus), который часто развивается на кленах, вызывая белую гниль их древесины и нарушение меха-

Русского музея (Санкт-Петербург) // Микология и фитопатология. СПб., 2017. С. 328–339.

нической прочности стволов. Учитывая, что в садах Русского музея количество кленов исчисляется сотнями, рекомендуем быть очень внимательными и в дни с сильными ветрами избегать прогулок под старовозрастными деревьями, не дожидаясь официальных предупреждений. Другие трутовики — настоящий (Fomes fomentarius), серно-желтый (Laetiporus sulphureus), плоский (Ganoderma applanatum), флебия лучевая (Plebia radiata) известны как факультативные паразиты, т. е. и заселяют мертвую древесину, и могут поражать ослабленные живые деревья. К ним же относятся Чешуйчатки (Pholiota spp.), Гомофроны (Homophron spp.) и осенние опята. Опенок вздутоножковый (Armillaria bulbosa) и луковиценожковый (Armillaria caepistipes), обитающие в садах, обычно неагрессивны, но требуют к себе повышенного внимания, так как в неблагоприятные годы ситуация может измениться. Много проблем может доставить опенок северный (Armillaria borealis), пока только однажды встреченный в Михайловском саду. Для нас важно зафиксировать факт их присутствия, чтобы поставить дерево под дополнительное наблюдение. Конечно, наличие трехвековых деревьев предполагает вероятность различного развития ситуаций в периоды штормовых ветров. И хотя профилактическая работа в садах проводится достаточно эффективно, необходимо быть внимательными к происходящему вокруг. Но, если вернуться к друзьям деревьев, а именно микоризобразователям, то их в садах достаточно много, и они, часто невидимые помощники, поддерживают жизненную устойчивость зеленой составляющей садов Русского музея.

Лечение деревьев в садах Русского музея проводилось в периоды их реставрации. Тогда устанавливались растяжки в кронах деревьев и хомуты на стволах.

В Михайловском саду работа с деревьями проводилась в начале 2000-х годов. На одно дерево установлена подпорка ствола, а на стволах девяти деревьев — хомуты. В настоящее время стяжки сохраняются в кронах 43 деревьев и, как правило, соединяют два ствола одного дерева, а также есть три стяжки двух отдельно стоящих деревьев и четырех деревьев в букетной посадке.

В Летнем саду работа проводилась в период 2009–2011 годов. К настоящему моменту сохраняется 198 стяжек в кронах, из них 24 стяжки установлены между соседними деревьями. На дубе № 6-23 в 2015 году специалистами НПСА «Здоровый лес» была дополнительно установлена динамическая система стабилизации кроны — COBRA.

Общее количество стяжек в кронах деревьев садов Русского музея превышало 200 штук. И по сей день актуальной является защита деревьев от разлома металлических комбинированных систем для механической поддержки в кронах деревьев Летнего и Михайловского садов, имеющих расхождение крупных кодоминантных побегов под острым углом.

На сегодняшний день отмечено постепенное врастание охватов в местах закрепления растяжек на стволах, что может привести к нарушению проводящей системы дерева и постепенному усыханию и изреживанию кроны выше места врастания. По результатам обсуждения использования стяжек для обеспечения безопасности деревьев и ухода за ними на круглом столе «Оценка состояния стяжек в кронах деревьев садов Русского музея», проводившемся 1–2 августа 2019 года, было решено, что требуется замена стяжек, замена охватов, так как прочность дерева уже не рассчитана на самостоятельное поддержание кроны в пространстве.

Установка новых стяжек в кронах деревьев проводилась на добровольных началах арбористами Санкт-Петербурга там, где невозможно было оставить деревья без стабилизирующих конструкций из-за опасности разлома в развилке или слома ствола/побегов. В Летнем и Михайловском садах установлены аналоги динамической системы COBRA.

Преимущественно все стяжки находятся в неудовлетворительном состоянии, многие из них вызывают серьезные опасения, так как физически и морально устарели. Специалисты отметили, что необходимо проведение работ по постепенной замене конструкций стяжек на новые и, как минимум, требуется ослабление охвата стволов бандажами и замена тросов. В кронах деревьев выявлены необоснованно установленные стяжки, но даже в этих случаях удалять полностью конструкции уже нельзя, а также требуется установка новых стяжек в местах, где есть вероятность разлома стволов или отлома крупных побегов.

В Летнем саду значительно сократилось количество стяжек в кронах деревьев — почти 150 деревьев лишились конструкций, установленных в период реставрации Летнего сада для фиксации крон от разлома. Около 90 деревьев, из крон которых удалены стяжки, постепенно теряют свою жизненную устойчивость, 26 деревьев из этого числа имеют значительные ухудшения по состоянию за последние два — три года.

В настоящий момент в кронах деревьев сохраняется 37 стяжек, установленных в реставрацию Летнего сада, и 16 стяжек, установлен-

ных на замену вросших и оборванных (дерево 7-23 и 8-29). Из числа вновь установленных конструкций две стяжки соединяют между собой на втором участке три дерева, на седьмом участке — два дерева. Некоторые, сохраняющиеся уже второе десятилетие, стяжки в ближайшие года также врастут в ствол деревьев, и также потребуется их удаление. Обрыв стяжек и их врастание обусловлено конструкцией установленных систем, а именно — рукав накапливает влагу и ускоряет процесс разложения металлического троса, а врастание происходит из-за замкнутости кольца, окружающего ствол. Деревья с установленными новыми стяжками находятся в стабильно ослабленном состоянии, и у половины из них отмечается постепенное ухудшение состояния.

Тем не менее, все деревья, лишившиеся стяжек, требуют особого отношения, т. к. есть вероятность потери ими устойчивости и падения или слома ствола, отлома части кроны. Следует отметить, что на круглом столе «Оценка состояния стяжек в кронах деревьев садов Русского музея», проведенном сотрудниками Русского музея в августе 2019 года, было установлено, что стяжки в кронах деревьев требуют постепенной замены, и оставлять деревья без стяжек не рекомендовалось.

Таблица

Примерное количество деревьев, оставшихся без поддерживающих конструкций в кронах

Год	Количество деревьев со стяжкой	
	вросшей	оборванной
2020	6	12
2021	30	19
2022	69	7
Всего удалено	105	38

Если в настоящее время не заняться вопросом замены стяжек в садах Русского музея, есть большая вероятность постепенного ухудшения состояния деревьев, распространения болезней, слома в местах врастания бандажей, усыхания вершин и крупных побегов и полной гибели деревьев.

Следует вести замену существующих стяжек на статические, а в индивидуальных случаях возможна их замена на динамические

— или установление подпорок, но следует понимать, что это будет дороже. Средняя стоимость замены или обновления существующей одной стяжки (с учетом демонтажа и монтажа) на настоящий момент составит в среднем около 30 000 рублей. Требуется установка дополнительных стяжек в кронах деревьев, имеющих риск отлома стволов и побегов. Учитывая наличие большого количества стяжек, необходимо выявить очередность их замены. В первую очередь необходимо менять врастающие стяжки и стяжки, выполненные из текстиля. Важно организовать и провести обследование стяжек, что позволит рационально планировать работы. Для этого целесообразно собрать Комиссию с включением специалистов в области арбористики, фитопатологии и микологии.

Следует учесть, что проведение работ с кронами деревьев требует комплексного подхода и включает улучшение условий освещенности, аэрацию почвы, внесение биостимуляторов. Важно обратить внимание на то, что при установке стяжек рекомендуется обследовать деревья на наличие скрытых гнилей древесины, при необходимости провести редукцию кроны (с учетом индивидуальных особенностей каждого дерева). При установке стяжек в крону важно фиксировать дату установки и в процессе деятельности по уходу за зелеными насаждениями проводить ежегодные осмотры с земли и раз в три года — с подъемом в крону. Дополнительные осмотры требуются после сильных штормов и оледенений.

Любовь Курбатова, Галина Дорошина

МХИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАРКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА — РАЗНООБРАЗИЕ И ЭКОЛОГИЯ

Мхи являются наиболее заметными представителями мохообразных — своеобразной группы высших растений, включающей также Печеночники и Антоцеротовые. Для мохообразных характерны особой жизненный цикл, небольшие размеры и способность переносить временное высыхание. Благодаря этим уникальным свойствам мохообразные способны заселять самые разнообразные местообитания, в том числе не пригодные для развития сосудистых растений, искусственно созданные или очень небольшие по размеру. Мхи — наиболее многочисленная группа мохообразных, они отличаются более крупными размерами растений, бóльшими видовым разнообразием и распространением.

Хотя мхи по числу видов заметно уступают сосудистым растениям, в пределах северо-западного региона России они являются значимым компонентом большинства природных комплексов, в том числе и городских. Древесные насаждения — леса, парки, сады и скверы — являются растительными сообществами, формирующими основу городских бриофлор. В Санкт-Петербурге особую роль в сложении бриофлоры играют исторические парки. В настоящее время северная столица России является крупным мегаполисом, где парки, сады и скверы занимают около 5,5% (8 000 га) территории. Всего в городе насчитывается 68 парков, большая их часть расположена на месте дворцовых и усадебных парков XVIII–XIX столетий. Общая площадь таких исторических парков — около 5 000 га (3,5% от всей площади города). Эта сравнительно небольшая территория отличается богатой бриофлорой — здесь отмечено 203 вида мхов, что составляет 70,5% городской моховой флоры.

Первые данные о мхах, растущих в парках Санкт-Петербурга, относятся к концу XVII — началу XIX века: Г. Соболевский[1] упоминает Bryum squarrosum (по-видимому, Paludella squarrosa (Hedw.) Brid.) для

[1] *Sobolewsky G.* Flora Petropolitana, sistens plantas in gubernio Petropolitano sponte crescentes etc. Petropoli, 1799.

парка Екатерингофа[2]. В работах И. Вейнмана[3] приводятся мхи для Императорского Ботанического сада, Императорского сада в Павловске и парков Царского Села. Позже, в работе Г. Борщева[4], упоминаются также горы Дудергофа (где располагался Нагорный парк имения императрицы Александры Федоровны) и парки на территории от Гатчины до Ораниенбаума. К сожалению, образцов того времени с этих территорий не сохранилось. Однако даже эти скудные сведения содержат данные о распространении редких видов мхов, растущих в настоящее время в старинных парках Санкт-Петербурга (Leucodon sciuroides (Hedw.) Schwägr., Neckera pennata Hedw.) В последующие почти 150 лет специальных бриологических исследований парков Санкт-Петербурга и его ближайших пригородов не проводилось (за исключением парка «Сергиевка» усадьбы Лейхтенбергских и бывшего Нагорного парка на Дудергофских высотах). С начала 90-х годов XX века началось более активное изучение бриофлоры Санкт-Петербурга. Отчасти это связано с развитием сети особо охраняемых природных территорий города (в которую вошли несколько старинных парков) и подготовкой двух изданий Красной книги Санкт-Петербурга. К настоящему моменту флора мхов Санкт-Петербурга включает 288 видов мхов, 203 из них отмечены для территорий исторических парков города.

Исторические парки Санкт-Петербурга очень разнообразны по размерам, ландшафту, времени основания, современному состоянию и составу древесных пород. Бриофлора каждого парка оригинальна, а ее состав зависит от комплекса факторов, основными из которых являются размеры парка и разнообразие местообитаний и растительных

[2] Здесь и далее латинские названия видов даны по: *Ignatov M.S., Afonina O.M., Ignatova E.A., with contributions on regional floras from: Abolina A., Akatova T.V., Baisheva E.Z., Bardunov L.V., Baryakina E.A., Belkina O.A., Bezgodov A.G., Boychuk M.A., Cherdantseva V.Ya., Czernyadjeva I.V., Doroshina G.Ya., Dyachenko A.P., Fedosov V.E., Goldberg I.L., Ivanova E.I., Jukoniene I., Kannukene L., Kazanovsky S.G., Kharzinov Z.Kh., Kurbatova L.E., Maksimov A.I., Mamatkulov U.K., Manakyan V.A., Maslovsky O.M., Napreenko M.G., Otnyukova T.N., Partyka L.Ya., Pisarenko O.Yu., Popova N.N., Rykovsky G.F., Tubanova D.Ya., Zheleznova G.V., Zolotov V.I.* Check-list of mosses of East Europe and North Asia // Arctoa, 2006. Vol. 15. P. 1–130.

[3] *Weinmann J.A.* Syllabus muscorum frondosorum in Imperio Rossico Collectorum // Bull. Soc. Nat. Moscou. 18. 1845. P. 1–149.

[4] *Borszczow G.G.* Enumeratio muscorum ingriae (Материалы к ближайшему познанию прозябаемости Российской империи). 1857. Кн. 10.

сообществ. Видовое богатство мхов зависит также от ландшафтных характеристик, состава древесных пород, наличия скально-каменистых местообитаний, степени «ухоженности» территории и антропогенной нагрузки, расположения территории относительно центра города. Во флоре мхов всех старинных парков Санкт-Петербурга большую долю составляют виды, устойчивые к антропогенным воздействиям и обычные для остальных городских территорий. Но наибольший интерес представляют мхи, встречающихся в пределах города только на территории старых дворцовых и усадебных парков. Такие виды есть практически во всех эколого-субстратных группах парковой бриофлоры Санкт-Петербурга (за исключением группы эпиксилов), а их доля составляет 10%.

Наиболее представительна группа эпифитов — мхов, поселяющихся на стволах и ветвях деревьев и кустарников. Только на широколиственных породах в старинных парках отмечены Anomodon longifolius (Brid.) Hartm., A. viticulosus (Hedw.) Hook. & Taylor, Leskea polycarpa Hedw., Leucodon sciuroides (Hedw.) Schwägr., Orthotrichum tenellum Bruch ex Brid., Pseudoleskeella tectorum (Funck ex Brid.) Kindb. ex Broth., Serpoleskea subtilis (Hedw.) Loeske[1]. Эти виды, вместе с более широко распространенными эпифитными мхами (Homalia trichomanoides (Hedw.) Brid., Neckera pennata Hedw., Platygyrium repens (Brid.) Schimp., Pseudoleskeella nervosa (Brid.) Nycholm, Pylaisia polyantha (Hedw.) Schimp., Ulota intermedia Schimp., виды рода Orthotrichum sl. и другие), составляют обширную группу мхов, поселяющихся на разнообразных древесных породах в старых парках. Следует отметить, что почти такой же состав эпифитных мхов характерен для старых усадебных парков всей средней части Европейской России[5 6], при этом в зависимости от региона обилие отдельных видов может заметно меняться.

Практически всегда на территории исторических парков Санкт-Петербурга присутствуют разнообразные скально-каменистые субстраты как естественного, так и искусственного происхождения: это гранитные валуны и куски известняка, парапеты, постаменты, опоры из гранита, известняка, мрамора, песчаника, бетонные сооружения. На таких субстратах растут очень редкие виды мхов. В исторических парках

[5] *Афонина О.М.* Флора мохообразных Пушкинского Заповедника // Михайловская пушкиниана. Вып. 43. Сельцо Михайловское, 2007. С. 219–233.

[6] *Попова Н.Н.* Бриофлора старинных парков Саратовской области // Ботанический журнал. 2020. Т. 105. № 5. С. 419–428.

в центральной и южной части города отмечены уникальные для Санкт-Петербурга мхи, встречающиеся в более южных регионах на естественных выходах известняков: Campylidium calcareum (Crundw. & Nyholm) Ochyra, Didymodon tophaceus (Brid.) Lisa, Encalypta streptocarpa Hedw., Fissidens exiguus Sull., F. gracilifolius Brugg.-Nann. et Nyholm, F. viridulus (Sw.) Wahlenb., Gyroweisia tenuis (Hedw.) Schimp., Rhynchostegium murale (Hedw.) Schimp., Seligeria campylopoda Kindb., S. diversifolia Lindb. S. pusilla (Hedw.) Bruch et al. Из мхов, найденных в старых парках на гранитных валунах и блоках, уникальны Isothecium alopecuroides (Lam ex Dubois) Isov. и Zygodon rupestris Schimp. ex Lorentz. В отличие от группы эпифитных видов, набор редких скальных мхов для каждого парка индивидуален.

Три вида из напочвенных мхов старинных парков уникальны для Санкт-Петербурга — это Brachythecium glareosum (Bruch ex Spruce) Bruch et al., Fissidens exilis Hedw., Physcomitrella patens (Hedw.) Bruch et al. В то же время для древесных сообществ старых парков города характерен набор напочвенных мхов, обычный для широколиственных лесов более южных регионов: Atrichum undulatum (Hedw.) P. Beauv., Eurhynchium angustirete (Broth.) T. J. Kop., Oxyrrhynchium hians (Hedw.) Loeske, Plagiomnium undulatum (Hedw.) T. J. Kop.

Особую роль играют исторические парки Санкт-Петербурга в поддержании популяций охраняемых видов. Здесь встречается более трети мхов, включенных в Красную книгу Санкт-Петербурга[7], из них шесть видов известны для города только с территории дворцово-парковых комплексов и старых усадебных парков: Anomodon longifolius, Fissidens gracilifolius, F. viridulus, Leucodon sciuroides, Physcomitrella patens, Seligeria campylopoda.

Исторические парки являются особо ценными территориями для сохранения биоразнообразия Санкт-Петербурга в целом. Помимо перечисленных выше уникальных для города и охраняемых мхов, во флоре старых дворцовых и усадебных парков присутствует немало редких в городе видов, отмеченных также в лесах, в антропогенных местообитаниях, реже на лугах и болотах. В целом доля редких мхов в бриофлоре исторических парков Санкт-Петербурга составляет около 25%.

[7] Красная книга Санкт-Петербурга / гл. ред. Д.В. Гельтман. СПб., 2018.

Диана Черепенина, Евгения Мучник

К ИЗУЧЕНИЮ ЛИХЕНОБИОТЫ ПАРКОВ МУЗЕЕВ-ЗАПОВЕДНИКОВ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

Изучение лишайников в парках ведет свою более чем 150-летнюю историю с выхода статьи о биоразнообразии лишайников в парке Люксембургского дворца[1]. На сегодняшний день существует множество публикаций российских и зарубежных авторов о видовом разнообразии лихенобиоты исторических (дворцовых, монастырских, усадебных, просто городских) парков.

Парки музеев-заповедников (МЗ) и музеев-усадеб (МУ), являясь частью государственного историко-культурного и природного наследия, охраняются на федеральном или региональном уровне. Это обстоятельство играет важную роль в сохранении биоразнообразия лихенобиоты и естественной зональной биоты в целом. С конца XX века на территориях охраняемых парков Центрального федерального округа активизируются лихенологические исследования[2], но тем не менее лихенобиота музеев-заповедников Московского региона (Москва и Московская область) до недавнего времени оставалась малоизученной. Из 21 усадебного парка (16 музеев-заповедников) лишь для трех имелись фрагментарные данные о видовом разнообразии лишайников: «Коломенское»[3], «Царицыно» и «Кусково»[4].

За 2016–2022 годы в Московском регионе проведены обследования 15 парков музеев-заповедников (музеев-усадеб): «Абрамцево», А.С. Пушкина (усадьбы «Вяземы», «Захарово»), «Остафьево» — «Русский Парнас», «Горки Ленинские», «Подолье», Д.И. Менделеева

---

[1] *Leighton W.A.* Dr. Wm. Nylander on Lichens in the garden of the Luxembourg Palace // The Annals and Magazine of Natural History. London, 1868. V. II, series 4. P. 245–249.

[2] *Мучник Е.Э.* Роль музеев-заповедников Центральной России в сохранении разнообразия региональной лихенобиоты // Музей-заповедник: Экология и культура. Материалы шестой Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2015. С. 160–164.

[3] *Пчелкина Т.А.* Экологические особенности реинтродукции и сохранения редких и уязвимых видов лихенизированных грибов в условиях мегаполиса Москвы: дисс.… канд. биол. наук. М., 2016.

[4] *Бязров Л.Г.* Лишайники в экологическом мониторинге. М., 2002.

Местонахождения парков музеев-заповедников (музеев-усадеб) Московского региона:
1 — МЗ «Царицыно»; 2 — МЗ «Коломенское»; 3 — МЗ «Измайлово»; 4 — МУ «Кусково»; 5 — МЗ «Люблино»; 6 — МУ «Останкино»; 7 — МУ «Остафьево» — «Русский Парнас»; 8 — МЗ «Подолье»; 9 — МЗ «Горки Ленинские»; 10, 11 — МЗ А.С. Пушкина (усадьбы «Вяземы», «Захарово»); 12 — МЗ «Архангельское»; 13, 14, 15 — МЗ Д.И. Менделеева и А.А. Блока (усадьбы «Шахматово», «Тараканово», «Боблово»); 16 — МЗ «Абрамцево»; 17 — МЗ Усадьба «Мураново» имени Ф.И. Тютчева; 18, 19 — МЗ А.П. Чехова «Мелихово» (усадьбы «Мелихово», «Лопасня-Зачатьевское»); 20 — МЗ Зарайский Кремль (МУ Ф.М. Достоевского «Даровое»); 21 — МЗ «Бородинское поле».

и А.А. Блока (усадьбы «Шахматово», «Тараканово», «Боблово»), «Останкино», «Коломенское»[5], «Измайлово», «Архангельское», А.П. Чехова «Мелихово» (усадьбы «Мелихово», «Лопасня-Зачатьевское»).

Территории всех обследованных парков лежат в подзоне хвойно-широколиственных лесов Русской равнины и характеризуются умеренно-континентальным климатом[6]. В насаждениях в основном преобладают типичные для подзоны липа (Tilia cordata Mill.), береза (Betula sp.), дуб (Quercus robur L.), клен (Acer platanoides L.), сосна (Pinus sylvestris L.), ель (Picea abies (L.) Karst.).

Сбор и камеральная обработка материалов осуществлялись с использованием общепринятых лихенологических методик[7] в Институте лесоведения РАН. Проверка правильности части определений проведена в лихенологическом гербарии Ботанического института имени В.Л. Комарова (БИН) РАН (LE L). Идентификация образцов видов, встречающихся в стерильном состоянии, выполнена методом тонкослойной хроматографии[8] первым автором и доктором биологических наук А.Г. Цуриковым на базе Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (Республика Беларусь). Идентифицированные материалы хранятся в основном в гербарии Главного ботанического сада имени Н.В. Цицина РАН (МНА). Организована и ведется электронная база данных в программе MS Excel, в настоящее время включающая сведения более чем о 4 500 образцах.

Объем семейств принят согласно современной системе грибов[9], номенклатура приводимых ниже видов дана в основном по сводке лишай-

---

[5] *Черепенина Д.А., Мучник Е.Э.* К изучению лихенобиоты охраняемых парковых сообществ Московского региона // Вестник Тульского государственного университета. Всероссийская научная конференция «Изучение и сохранение биоразнообразия Тульской области и других регионов России», посвященная перспективам создания национального парка «Тульские Засеки» (23–26 ноября 2021 года). Тула, 2021. С. 205–214.

[6] *Колосова Н.Н., Чурилова Е.А.* Атлас. Московская область. М., 2004.

[7] *Степанчикова И.С., Гагарина Л.В.* Сбор, определение и хранение лихенологических коллекций // Флора лишайников России: Биология, экология, разнообразие, распространение и методы изучения лишайников / отв. ред. М.П. Андреев, Д.Е. Гимельбрант. М.; СПб., 2014. С. 204–219.

[8] *Orange A., James P.W., White F.J.* Microchemical methods for the identification of lichens. London, 2001.

[9] *Wijayawardene N.N., et al.* Outline of Fungi and fungus-like taxa — 2021 // Mycosphere. 2022. V. 13. № 1. P. 53–453. DOI: 10.5943/mycosphere/13/1/2.

ников и близкородственных грибов Фенноскандии[10]. Охраняемые виды приведены согласно Красной книге города Москвы[11] и Красной книге Московской области[12], виды-индикаторы биологически ценных лесных и парковых ландшафтов подзоны хвойно-широколиственных лесов выделены на основе работы второго автора[13].

В результате анализа литературных данных и проведенных полевых исследований составлен список лихенобиоты, включающий 206 видов: 190 лишайников, 10 близких к ним нелихенизированных грибов и шесть лихенофильных грибов (в таблице обозначены «+» и «*» соответственно) из 91 рода, включенных в 43 семейства ***(см. Таблицу 1)***.

Таблица 1

Таксономический состав лихенобиоты обследованных парков

Семейство	Число родов/видов	Род	Число видов
1	2	3	4
Acarosporaceae	2/2	Acarospora Sarcogyne	1 1
Arthoniaceae	3/10	Arthonia Inoderma Naevia	8 (1*) 1 1
Arthopyreniaceae	2/4	Arthopyrenia +Mycomicrothelia	2 (1+) 2
Caliciaceae	2/3	Amandinea Buellia	1 2
Candelariaceae	2/6	Candelaria Candelariella	1 5
Catillariaceae	1/1	Catillaria	1

[10] *Westberg M., Moberg R., Myrdal M., Nordin A., Ekman S.* Santesson's Checklist of Fennoscandian Lichen-Forming and Lichenicolous Fungi. Uppsala University: Museum of Evolution, 2021.

[11] Красная книга города Москвы / отв. ред. Соболев Н.А. М., 2022.

[12] Красная книга Московской области / отв. ред. Т.И. Варлыгина, В.А. Зубакин, Н.Б. Никитский, А.В. Свиридов. Московская область, 2018.

[13] *Мучник Е.Э.* Лишайники как индикаторы состояния лесных экосистем центра Европейской России // Лесотехнический журнал. 2015. Т. 5. № 3 (19). С. 65–76.

Cladoniaceae	2/11	Cladonia Lepraria	7 4
Coenogoniaceae	1/1	Coenogonium	1
Coniocybaceae	2/7	Chaenotheca Sclerophora	6 1
Filobasidiaceae	1/1	*Heterocephalacria	1
Fuscideaceae	1/2	Fuscidea	2
Graphidaceae	1/1	Graphis	1
Gyalectaceae	1/1	Gyalecta	1
Kirschsteiniotheliales	1/1	*Taeniolella	1
Lecanographaceae	1/2	Alyxoria	2
Lecanoraceae	4/26	Lecanora Lecidella Myriolecis Protoparmeliopsis	15 4 6 1
Lecanorales	1/1	Catinaria	1
Lecideaceae	1/2	Lecidea	2
Leptosilliaceae	1/1	+Leptosillia	1
Monoblastiaceae	1/1	Anisomeridium	1
Mycocaliciaceae	2/2	+Chaenothecopsis +Mycocalicium	1 1
Naetrocymbaceae	2/3	Leptorhaphis Naetrocymbe	2 (1+) 1
Ophioparmaceae	1/1	Hypocenomyce	1
Parmeliaceae	13/23	Bryoria Evernia Hypogymnia Melanelixia Melanohalea Parmelia Parmelina Parmeliopsis Platismatia Pseudevernia Tuckermannopsis Usnea Vulpicida	1 2 2 3 5 1 1 1 1 1 1 3 1
Peltigeraceae	1/2	Peltigera	2

Phlyctidaceae	1/1	Phlyctis	1
Physciaceae	5/18	Anaptychia Phaeophyscia Physcia Physconia Rinodina	1 2 7 5 3
Phyllachoraceae	1/1	*Lichenochora	1
Pilocarpaceae	1/2	Micarea	2
Pleomassariaceae	1/1	+Peridiothelia	1
Psilolechiaceae	1/1	Psilolechia	1
Pycnoraceae	1/2	Pycnora	2
Ramalinaceae	8/25	Bacidina Biatora Cliostomum Lecania Mycobilimbia Ramalina Toninia Toniniopsis	5 5 1 8 1 3 1 1
Roccellaceae	1/1	Pseudoschismatomma	1
Ropalosporaceae	1/1	Ropalospora	1
Scoliciosporaceae	1/2	Scoliciosporum	2
Strangosporaceae	1/2	Strangospora	2
Teloschistaceae	9/14	Athallia Calogaya Caloplaca Gyalolechia Polycauliona Rusavskia Xanthocarpia Xanthomendoza Xanthoria	2 1 3 1 2 1 1 2 1
Tephromelataceae	1/1	Violella	1
Trapeliaceae	3/5	Placynthiella +Sarea Trapeliopsis	1 2 2

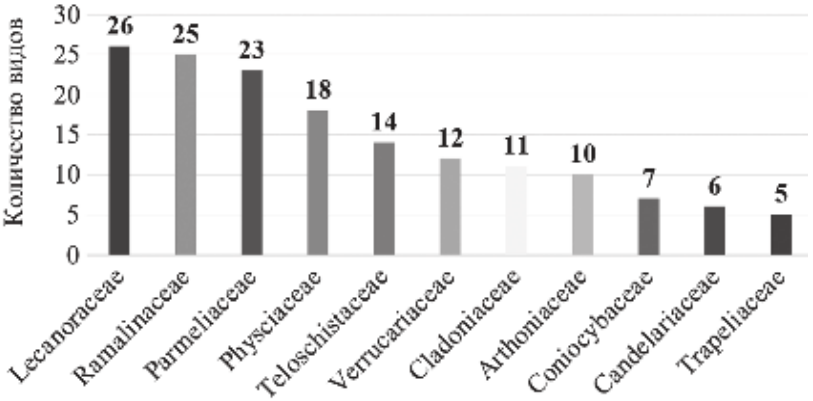
Verrucariaceae	3/12	*Telogalla Thelidium Verrucaria	1 1 10
Род с неясным положением в порядке Hypocreales	1/1	*Illosporiopsis	1
Род с неясным положением в подотделе Pezizomycotina	1/1	Biatoridium	1
Итого: 43	91		206

Среднее число видов в семействе составляет 4,8. К ведущим семействам, содержащим пять и более видов, относятся Lecanoraceae, Ramalinaceae, Parmeliaceae, Physciaceae, Teloschistaceae, Verrucariaceae, Cladoniaceae, Arthoniaceae, Coniocybaceae, Candelariaceae, Trapeliaceae ***(см. диаграмму)***. Они включают 157 видов, что составляет 76,2% списка выявленной лихенобиоты. Спектр ведущих семейств в значительной степени совпадает с аналогичным спектром для национального парка «Лосиный остров» — крупного лесного массива, расположенного частью в черте города Москвы, а частью — в Московской области[14].

Наибольшим видовым богатством лихенобиоты характеризуются парки музеев-заповедников «Горки Ленинские» и Д.И. Менделеева и А.А. Блока (усадьба «Шахматово»), а наименьшим — парки усадеб «Захарово», «Останкино», «Лопасня-Зачатьевское» ***(см. Таблицу 2)***.

«Ядро» парковой лихенобиоты, представленное наиболее обычными и часто встречающими видами, составляют Athallia pyracea (Ach.) Arup et al., Candelariella efflorescens R. C. Harris & W. R. Buck, Cladonia coniocraea (Flörke) Spreng., Hypogymnia physodes (L.) Nyl., Lecania fuscella (Schaer.) A. Massal., Lecanora symmicta (Ach.) Ach., Melanohalea exasperatula (Nyl.) O. Blanco et al., Myriolecis hagenii (Ach.) Śliwa et al., Parmelia sulcata Taylor, Phaeophyscia nigricans (Flörke) Moberg, Ph. orbicularis (Neck.) Moberg, Physcia adscendens H. Olivier, Ph. aipolia

[14] *Мучник Е.Э.* О разнообразии лихенобиоты национального парка «Лосиный остров» (Московский регион, Россия) // Вопросы лесной науки. 2022. Т. 5. № 3. С. 1–28. DOI: 10.31509/2658-607x-202252-111.



Спектр ведущих семейств лихенобиоты обследованных парков

(Ehrh. ex Humb.) Fürnr., Ph. dubia (Hoffm.) Lettau, Ph. tenella (Scop.) DC., Physconia enteroxantha (Nyl.) Poelt, Xanthoria parietina (L.) Th. Fr.

Во многих обследованных парковых сообществах выявлены охраняемые виды: Anaptychia ciliaris (L.) Körb., Bryoria fuscescens (Gyeln.) Brodo & D. Hawksw., Cladonia macilenta Hoffm., Evernia prunastri (L.) Ach., Melanelixia subargentifera (Nyl.) O. Blanco et al., Parmelina tiliacea (Hoffm.) Hale, Protoparmeliopsis muralis (Schreb.) M. Choisy, Ramalina europaea Gasparyan, Sipman & Lücking, R. farinacea (L.) Ach., R. pollinaria (Westr.) Ach., Usnea dasopoga (Ach.) Nyl., U. hirta (L.) Weber ex F.H. Wigg., U. subfloridana Stirt.

Таблица 2

Видовое богатство лихенобиот обследованных парков

Парк	Расположение	Площадь (S), га	Число видов	КК*
МЗ «Горки Ленинские»	Ленинский городской округ (г.о.), п. Горки Ленинские	224,3	107	1
МЗ Д.И. Менделеева и А.А. Блока, усадьба «Шахматово»	г.о. Солнечногорск, окрестности д. Гудино	39,2	104	4
МЗ «Архангельское»	г.о. Красногорск, п. Архангельское	62,8	88	2

МЗ «Коломенское»	г. Москва, ЮАО**	254,9	80	2
МЗ «Абрамцево»	Сергиево-Посадский г.о., с. Абрамцево	48,7	78	7
МЗ А.П. Чехова «Мелихово», усадьба «Мелихово»	г.о. Чехов, с. Мелихово	15,1	77	2
МУ «Остафьево»	г. Москва, НАО***	39,7	71	6
МЗ Д.И. Менделеева и А.А. Блока, усадьба «Тараканово»	г.о. Солнечногорск, окрестности с. Тараканово	4,5	64	0
МЗ Д.И. Менделеева и А.А. Блока, усадьба «Боблово»	г.о. Клин, д. Боблово	25,4	61	2
МЗ А.С. Пушкина, усадьба «Вяземы»	Одинцовский г.о., п. Большие Вяземы	15	55	1
МЗ «Измайлово»	г. Москва, ВАО****	20,1	44	1
МЗ «Подолье»	г.о. Подольск	13,1	43	0
МУ «Останкино»	г. Москва, СВАО*****	15,6	32	0
МЗ А.П. Чехова «Мелихово», усадьба «Лопасня-Зачатьевское»	г.о. Чехов	0,5	32	0
МЗ А.С. Пушкина, усадьба «Захарово»	Одинцовский г.о., д. Захарово	17	31	1

* КК — охраняемые виды, занесенные в Красные книги Москвы и Московской области;

** ЮАО — Южный административный округ

*** НАО — Новомосковский административный округ

**** ВАО — Восточный административный округ

***** СВАО — Северо-Восточный административный округ

В охраняемых парковых сообществах отмечены виды-индикаторы биологически ценных лесных и парковых сообществ подзоны хвойно-широколиственных лесов: Alyxoria varia (Pers.) Ertz & Theler, Arthonia atra (Pers.) A. Schneid., A. helvola (Nyl.) Nyl., Biatoridium monasteriense J. Lahm ex Körb., Caloplaca obscurella (J. Lahm ex Körb.) Th. Fr., Catinaria atropurpurea (Schaer.) Vězda & Poelt, Chaenotheca hispidula (Ach.) Zahlbr., Ch. stemonea (Ach.) Müll. Arg., +Chaenothecopsis pusiola (Ach.) Vain., Gyalecta fagicola (Hepp ex Arnold) Kremp., Gyalolechia flavorubescens

(Huds.) Søchting et al., Melanelixia subargentifera, Melanohalea elegantula (Zahlbr.) O. Blanco et al., Parmelina tiliacea, +Peridiothelia fuliguncta (Norman) D. Hawksw., Physconia perisidiosa (Erichsen) Moberg, Pseudoschismatomma rufescens (Pers.) Ertz & Tehler, Ropalospora viridis (Tønsberg) Tønsberg, Sclerophora pallida (Pers.) Y. J. Yao & Spooner.

В заключение следует отметить, что список лишайников, близкородственных и лихенофильных грибов в обследованных парковых сообществах составляет чуть менее половины (46,8%) от известного на сегодня списка лихенобиоты Московского региона[15]. Спектр ведущих семейств выявленной лихенобиоты близок к таковому в природных лесных сообществах. На территории обследованных парков обнаружены местонахождения редких и охраняемых, зачастую уникальных для того или иного парка видов, видов-индикаторов биологически ценных лесных и парковых ландшафтов. Всё перечисленное указывает на важную роль парков музеев-заповедников в поддержании биологического разнообразия и охране лихенобиоты Московского региона.

Авторы выражают благодарность администрациям музеев-заповедников «Абрамцево», А.С. Пушкина, «Горки Ленинские», «Подолье», Д.И. Менделеева и А.А. Блока, «Коломенское», «Измайлово», «Архангельское», А.П. Чехова «Мелихово» и музеев-усадеб «Остафьево» — «Русский Парнас», «Останкино» за содействие в организации исследований. Благодарим коллег: доктора биологических наук А.Г. Цурикова (Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Беларусь) за помощь в определении лихенофильных грибов и за проведение хроматографического анализа некоторых образцов лишайников, а также Dr. O. Breuss (University of Vienna) за определение части образцов рода Verrucaria. Выражаем признательность коллективу Лаборатории лихенологии и бриологии БИН РАН за предоставленную возможность работы в гербарии LE L и помощь в определении сложных таксонов.

[15] *Мучник Е.Э.* Сохранение разнообразия лихенобиоты Московского региона: проблемы и подходы к решению // Материалы II Международной конференции «Систематические и флористические исследования Северной Евразии» (к 90-летию со дня рождения проф. А.Г. Еленевского) (Москва, 5–8 декабря 2018 года). М., 2018. С. 141–145.

Краткие сведения об авторах сборника «Михайловская пушкиниана»

Александрова Алина Витальевна — доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры микологии и альгологии биологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва).

Востриков Алексей Викторович — хранитель «Библиотеки Бестужевских курсов» научной библиотеки имени М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

Галапов Владимир Аркадьевич — кандидат биологических наук, научный сотрудник Государственного природного заповедника «Полистовский» (Псковская область).

Ганнибал Борис Константинович — кандидат биологических наук, доцент, редактор журнала «Растительность России» Ботанического института имени В.Л. Комарова РАН (Санкт-Петербург).

Горская Лариса Игоревна — кандидат педагогических наук, научный сотрудник Библиотеки Академии наук (БАН) (Санкт-Петербург).

Дорошина Галина Яковлевна — кандидат биологических наук, научный сотрудник Ботанического института имени В.Л. Комарова РАН (Санкт-Петербург).

Жукова Екатерина Алексеевна — кандидат биологических наук, заведующая сектором учета и мониторинга зеленых насаждений филиала «Летний сад, Михайловский сад, зеленые территории» Русского музея (Санкт-Петербург).

Зубков Николай Николаевич — кандидат филологических наук, главный научный сотрудник Государственной библиотеки иностранной литературы (ГБИЛ) (Москва).

Истомина Нина Борисовна – кандидат биологических наук, доцент кафедры экологии и экспериментальной биологии Псковского государственного университета (Псков).

Коткова Вера Матвеевна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Ботанического института имени В.Л. Комарова РАН (Санкт-Петербург).

Курбатова Любовь Евгеньевна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории лихенологии и бриологии Ботанического института имени В.Л. Комарова РАН (Санкт-Петербург).

Морозова Ольга Викторовна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории систематики и географии грибов Ботанического института имени В.Л. Комарова РАН (Санкт-Петербург).

Мучник Евгения Эдуардовна – доктор биологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории экологии широколиственных лесов Института лесоведения РАН (Москва).

Никифорова Анастасия Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

Пиврик Галина Николаевна — главный хранитель музейных лесов и парков Пушкинского Заповедника.

Попов Евгений Сергеевич — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории систематики и географии грибов Ботанического института имени В.Л. Комарова РАН (Санкт-Петербург).

Приставкина Елена Левитовна — заведующая сектором редких книг Смоленской областной универсальной научной библиотеки имени А.Т. Твардовского (Смоленск).

Потемкин Алексей Дмитриевич — доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории лихенологии и бриологии Ботанического института имени В.Л. Комарова РАН (Санкт-Петербург).

Светашева Татьяна Юрьевна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры биологии и технологии

живых систем Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого (Тула).

Ступина Елена Алексеевна — ведущий научный сотрудник музейных фондов Пушкинского Заповедника.

Субботина Елена Валерьевна — хранитель книжного фонда Всероссийского музея А.С. Пушкина (Санкт-Петербург).

Темирова Тамара Ахмедовна — библиотекарь библиотеки семейного чтения имени Ю. Инге Централизованной библиотечной системы Петродворцового района (Санкт-Петербург, Стрельна).

Туманян Ани Ваноевна — библиограф библиотеки семейного чтения имени Ю. Инге Централизованной библиотечной системы Петродворцового района (Санкт-Петербург, Стрельна).

Черепенина Диана Александровна — аспирант лаборатории экологии широколиственных лесов ИЛАН РАН; младший научный сотрудник лаборатории Гербарий Главного ботанического сада имени Н.В. Цицина РАН; старший преподаватель департамента рационального природопользования Института экологии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва).

Шаплова София Олеговна — хранитель книжного фонда Всероссийского музея А.С. Пушкина (Санкт-Петербург).

Шевцов Александр Александрович — доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург).

Яковлев Максим Владимирович — ученик девятого класса Пушкиногорской средней общеобразовательной школы (Пушкинские Горы).

Содержание

[ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО] 3

I. «НАСТАВНИКАМ, ХРАНИВШИМ ЮНОСТЬ НАШУ…»
Материалы научно-практических чтений
по проекту «Библиотека в усадьбе»
(26 апреля 2023 года)

Николай Зубков
ВОЛЬТЕР И РУССО В ИСТОРИИ КНИГИ 5

София Шаплова
«ГЛУБОКОУВАЖАЕМОМУ
ВЛАДИМИРУ ИВАНОВИЧУ САИТОВУ…»
ИЗДАНИЯ «СЕМИНАРИСТОВ»
В КНИЖНОМ СОБРАНИИ
ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА 20

Лариса Горская
К 125-ЛЕТИЮ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАТЕЛЯ
РУССКИХ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ ИЗДАНИЙ
В.А. ВЕРЕЩАГИНА 27

Алексей Востриков
НАГРАДНЫЕ КНИГИ В ФОНДЕ БИБЛИОТЕКИ
БЕСТУЖЕВСКИХ КУРСОВ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
В ВУЗОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ 38

Елена Субботина
«ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ
ЮНОШЕСТВА»: УЧЕБНИКИ,
НАПИСАННЫЕ ДЛЯ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ,
В РУССКОМ КНИЖНОМ ФОНДЕ
ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА 50

Елена Приставкина
УЧЕБНИКИ XIX ВЕКА В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ИМЕНИ А.Т. ТВАРДОВСКОГО 85

Александр Шевцов
«СЛЫШУ УМОЛКНУВШИЙ ЗВУК БОЖЕСТВЕННОЙ ЭЛЛИНСКОЙ РЕЧИ…» 106

Анастасия Никифорова
ОБУЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЯ: ПОИСК АРХИВОВ И АНАЛОГОВ В НАУЧНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПАНЕЛЕЙ ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ 113

Ани Туманян
«ШКОЛА НАЧИНАЮЩЕГО ПИСАТЕЛЯ»: ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУППА «РЕЗЕЦ», 1920–1930-Е ГОДЫ 125

Тамара Темирова
НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ В СТРЕЛЬНЕ: ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ 140

Елена Ступина
КНИЖНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В.М. ЗВОНЦОВА 157

II. ПОДЧИНЕННЫЕ И СОПУТСТВУЮЩИЕ СЕМЕННЫМ РАСТЕНИЯМ КОМПОНЕНТЫ ПАРКОВЫХ ЭКОСИСТЕМ: БЛАГО ИЛИ ВРЕД
Материалы научно-практической конференции парковой тематики (19–22 апреля 2023 года)

Галина Пиврик
ОБ ИЗУЧЕНИИ БИОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА 212

Вера Коткова
РАЗНООБРАЗИЕ АФИЛЛОФОРОИДНЫХ ГРИБОВ
В УСАДЕБНЫХ ПАРКАХ И ЛЕСНЫХ ЭКОСИСТЕМАХ
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА А.С. ПУШКИНА
«МИХАЙЛОВСКОЕ» 218

Ольга Морозова, Евгений Попов,
Алина Александрова, Татьяна Светашева
АГАРИКОИДНЫЕ, БОЛЕТОИДНЫЕ,
ГАСТЕРОИДНЫЕ И СУМЧАТЫЕ ГРИБЫ
ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА 225

Алексей Потемкин
О НЕЗАМЕТНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ
МОХООБРАЗНЫХ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА —
ПЕЧЕНОЧНИКАХ (MARCHANTIOPHYTA)
И АНТОЦЕРОТОВЫХ (ANTHOCEROTHOPHYTA) 238

Нина Истомина
ЭПИФИТНАЯ ЛИХЕНОБИОТА
И ОПЫТ РЕИНТРОДУКЦИИ ЛОБАРИИ ЛЕГОЧНОЙ
(КРАСНАЯ КНИГА РОССИИ) НА ТЕРРИТОРИИ
ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА 247

Максим Яковлев
ИЗУЧЕНИЕ СОСТОЯНИЯ ОХРАНЯЕМОГО ВИДА —
ЛИШАЙНИКА ЛОБАРИЯ ЛЕГОЧНАЯ
НА ТЕРРИТОРИИ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА 252

Елена Ступина
«СОБИРАЯ ОВОЩИ ЗЕМНЫЕ…»:
РАЗВЕРНУТЫЙ КОММЕНТАРИЙ
К ОДНОЙ ИЗ СТРОК «СВЯТОГОРСКОЙ ПОВЕСТИ» 262

Борис Ганнибал
ЗИМНИЙ СВЕТ ЛИШАЙНИКОВ:
ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
НА БИОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ 271

Владимир Галапов .....
ГРИБЫ-ПАРАЗИТЫ В ЛЕСАХ
ПОЛИСТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПРИРОДНОГО ЗАПОВЕДНИКА 280

Екатерина Жукова
ДЕРЕВОРАЗРУШАЮЩИЕ ГРИБЫ
И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ДЕРЕВЬЕВ
ОТ РАЗЛОМОВ В КРОНЕ И ИХ ПАДЕНИЙ 293

Любовь Курбатова, Галина Дорошина
МХИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАРКОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА —
РАЗНООБРАЗИЕ И ЭКОЛОГИЯ 299

Диана Черепенина, Евгения Мучник .....
К ИЗУЧЕНИЮ ЛИХЕНОБИОТЫ ПАРКОВ
МУЗЕЕВ-ЗАПОВЕДНИКОВ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА 303

Краткие сведения об авторах сборника
«Михайловская пушкиниана» 313

Научно-популярное издание

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 98

«Поля, сад, крестьяне, книги»

«Наставникам, хранившим юность нашу…»
Материалы научно-практических чтений
по проекту «Библиотека в усадьбе» (26 апреля 2023 года)

Подчиненные и сопутствующие семенным растениям компоненты парковых экосистем: благо или вред
Материалы научно-практической конференции парковой тематики
(19–22 апреля 2023 года)

Руководитель издательских проектов
Пушкинского Заповедника Н.Б. Василевич

Редактор О.И. Бахтина
Компьютерная верстка С.В. Лазаренкова
Обложка, обработка фото Е.А. Мужаревская

На первой странице обложки:
В.Ф. Алексеев. Окно в домашнем кабинете С.С. Гейченко.
1987 год. ПЗ-КП-35360

На третьей странице обложки:
Эверния сливовая.
Лобария легочная

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

181370, Псковская область, пос. Пушкинские Горы, сельцо Михайловское

Распространяется бесплатно

12+

Подписано в печать 21.08.2023.
Формат 60x88 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Объем 20,0 печ. л.
Заказ № 1126. Тираж 150 экз.
Отпечатано в ООО-фирма «Псковское возрождение». ИНН 6027024264.
180000, г. Псков, ул. Гоголя, д. 6.